

ПАМЯТИ

ФЕДОРА ИВАНОВИЧА

БУСЛАЕВА.

Издание Учебнаго Отдѣла Общества распространенія
техническихъ знаній.

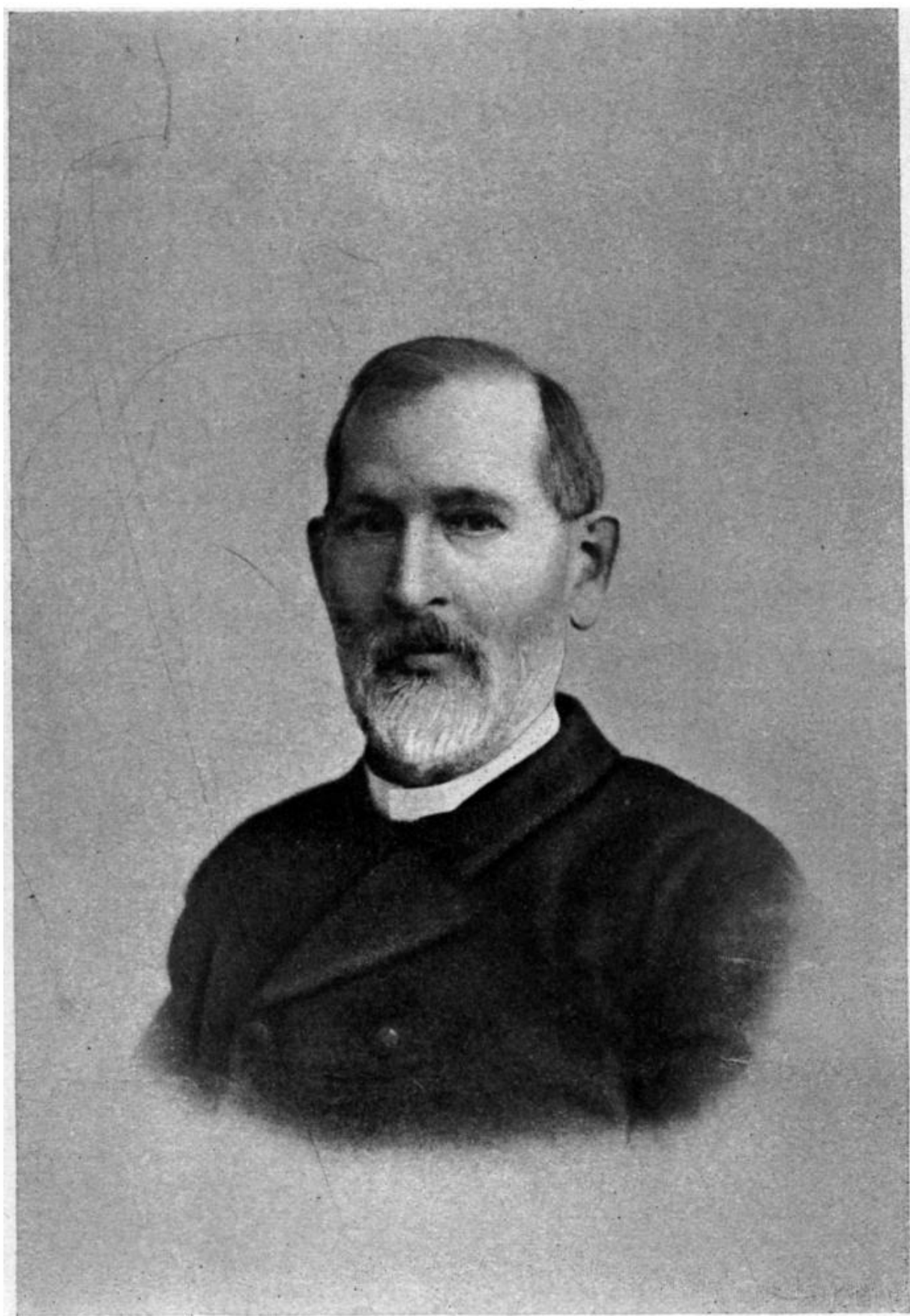
Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина
МОСКВА.— 1898.

Дозволено цензурою. Москва, 26 апрѣля 1898 г.

Учебный отдѣлъ Общества распространенія техническихъ знаній, желая почтить память академика *Θ. И. Буслаева*, скончавшагося 31 іюля 1897 года, устроилъ 10 декабря того же года публичное засѣданіе, въ которомъ были прочитаны рефераты, посвященные жизни и дѣятельности знаменитаго ученаго. Засѣданіе открылось вступительной рѣчью председателя учебнаго отдѣла проф. *П. Г. Виноградова*; затѣмъ послѣдовали рефераты *П. А. Виноградова*: «Педагогическіе завѣты *Θ. И. Буслаева*», проф. *А. И. Кирпичникова*: «*Θ. И. Буслаевъ*, какъ основатель исторіи всеобщей литературы въ Россіи», *К. К. Войнаховскаго*: «Значеніе трудовъ *Θ. И. Буслаева* въ исторіи науки о русскомъ языкѣ», *Л. П. Бѣльскаго*: «Отношеніе *Θ. И. Буслаева* къ искусству», и *Е. А. Ляцкаго*: «Значеніе трудовъ *Θ. И. Буслаева* по народной словесности». Въ томъ же засѣданіи учебный отдѣлъ постановилъ напечатать всѣ прочитанные доклады и чистую прибыль отъ изданій сборника этихъ статей о *Θ. И. Буслаевѣ* употребить на образованіе стипендіи или на какое-нибудь образовательное учрежденіе имени по-

койнаго ученаго. Присутствовавшіе въ засѣданіи проф. Вс. Θ. Миллеръ и проф. А. И. Кирпичниковъ пожертвовали для сборника свои статьи о Буслаевѣ. Общая редакція сборника поручена была учебнымъ отдѣломъ предсѣдателю состоящей при отдѣлѣ комисіи преподавателей русскаго языка — С. Г. Смирнову.

Ведоръ Буслевъ

Памяти Ведора Ивановича Буслаева.

(† 31 іюля 1897 г.)

Есть имена общественныхъ, научныхъ или литературныхъ дѣятелей, при произнесеніи которыхъ испытывается чувство, вызываемое въ насъ именами любимыхъ художниковъ, поэтовъ, композиторовъ и вообще служителей искусства. Звукъ этихъ именъ невольно поднимаетъ насъ въ ту сферу духовной жизни, которая заслоняетъ отъ насъ нашу повседневную жизнь съ ея вѣчной борьбой мелкихъ интересовъ,

Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы.....

Къ такимъ именамъ принадлежитъ имя Буслаева. Чѣмъ то возвышеннымъ, благороднымъ и вмѣстѣ глубоко-симпатичнымъ вѣетъ отъ того образа, который возстаетъ въ нашемъ воображеніи, когда мы вспоминаемъ почившаго ученаго. Я говорю не только о насъ, бывшихъ ученикахъ Буслаева, хорошо знакомыхъ и съ печатными его трудами, и съ нимъ самимъ. Я увѣренъ, что такія же чувства испытываютъ многіе и многіе изъ читателей Буслаева, лица не знавшія его ни какъ профессора, ни какъ человека. Чѣмъ же объяснить тайну этого впечатлѣнія? На этотъ вопросъ, который я часто ставилъ себѣ, я нахожу лишь одинъ отвѣтъ: мало найдется ученыхъ, которыхъ личность такъ полно выразилась бы въ ихъ словѣ, какъ отразилась въ немъ симпатичная личность Буслаева. Часто бываетъ, что, читая съ глубокимъ интересомъ ученое изслѣдованіе крупнаго достоинства, мы увлекаемся силою ума, логичностью выводовъ, остроуміемъ сопоставленій и получаемъ импульсъ, который вызываетъ въ насъ чувство бодрости и удовлетворенія. Но при всемъ этомъ дѣйствуетъ

одна разсудочность, — только одна сторона нашего духовнаго „я“, и у насъ не является желанія узнать ближе, что за человекъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, — авторъ прочтеннаго изслѣдованія. Онъ далъ намъ образчикъ работы своего ума, мы цѣнимъ его по достоинству, но все же ученый, какъ человекъ, для насъ безразличенъ. Другихъ струнъ нашего „я“ онъ не затронулъ и не хотѣлъ затрогивать. Но не къ такимъ научнымъ изслѣдованіямъ принадлежатъ труды Буслаева, потому что и самъ онъ не принадлежалъ къ такимъ натурамъ, которыя способны открывать читателю только одну сторону своего духовнаго „я“. Онъ былъ прежде всего ученый художникъ, высокій служитель не только науки о поэзіи, но и поэзіи науки. Дѣйствительно, въ чемъ проявляется вліяніе статей Буслаева — этихъ филологическихъ изслѣдованій въ области языка, старинной русской и народной литературы, русской церковной живописи? Въ ихъ ученомъ аппаратѣ? Но Буслаевъ не принадлежалъ къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые подавляютъ ученостью. Онъ всегда скромнень въ цитатахъ, не щеголяетъ эрудиціей и ограничивается лишь тѣмъ количествомъ фактовъ, которые необходимы для вывода. Въ новизнѣ и оригинальности мыслей? Но при движеніи науки новизна старѣетъ быстро, и если многія научныя идеи Буслаева были новы въ нашей еще небогатой наукѣ, то онѣ не были новы на Западѣ. На полную оригинальность никогда и не претендовалъ Буслаевъ: въ области языка и народной словесности онъ самъ называлъ себя ученикомъ Якова Гримма, лишь приложившимъ его идеи къ разработкѣ русской научной почвы. Если мы будемъ оцѣнивать изслѣдованія Буслаева съ точки зрѣнія современнаго научнаго уровня, то многія изъ нихъ окажутся устарѣвшими или въ общей мысли, или въ частностяхъ. Съ этимъ фактомъ, утѣшительнымъ для прогресса науки, хотя и печальнымъ для ученаго самолюбія отдѣльнаго лица, долженъ помириться всякій ученый. Въ тѣ вѣка, когда книги старѣли медленно (напр. въ періодѣ средневѣковья) и прогрессивное движеніе науки шло медленно. Но въ нашъ вѣкъ много ли найдется капитальныхъ ученыхъ изслѣдованій, которыя не устарѣли бы уже въ ближайшія десятилѣтія? И все же большинство статей Буслаева (собранныхъ въ его Очеркахъ и Досугахъ)

будутъ прочтены съ глубокимъ интересомъ не только образованнымъ читателемъ, но и ученымъ специалистомъ. Въ чемъ же заключается тайна ихъ интереса?

Буслаевъ въ своихъ работахъ не сухой, безстрастный изслѣдователь истины. Въ каждомъ, самомъ специальномъ вопросѣ, который онъ разрабатываетъ, вы чувствуете „душу живу“ автора. Онъ не только старается убѣдить васъ фактами и доводами: онъ старается внушить вамъ то же чувство любви и художественнаго наслажденія, которое испытываетъ самъ. И это достигается имъ легко, безъ обычныхъ украшеній реторики, безъ витіеватыхъ или изящныхъ фразъ, — достигается душевной теплотою, искренностью и непосредственностью натуры самого автора. Читатель испытываетъ такое чувство, какъ будто съ нимъ лично ведетъ откровенную бесѣду хорошій, умный и сердечный знакомый съ высокогуманными воззрѣніями на человѣка, съ искренней любовью къ природѣ и наукѣ, съ тонкоразвитымъ чувствомъ изящнаго. Что можетъ быть отраднѣе такой бесѣды? Говорю по собственному опыту: отдавая себѣ отчетъ во вліяніи чтенія статей Буслаева, такое именно чувство испытывалъ я, и оно не подогрѣвалось симпатіями личнаго знакомства. Я читалъ „Очерки“ почти юношей, раньше поступленія въ университетъ и знакомства съ Буслаевымъ, какъ профессоромъ. И это чувство я провѣрялъ свидѣтельствомъ другихъ читателей, которыхъ имена могъ бы назвать.

Но всмотримся ближе въ Буслаева какъ ученаго, постараемся уяснить себѣ, подъ какими вліяніями развился въ этой художественной натурѣ ученый и въ этой натурѣ научнаго изслѣдователя художникъ.

Взлелѣянный любовью матери, доходившей до полнаго самоотверженія, Буслаевъ шестнадцатилѣтній юноша, съ плохую подготовкою провинціальной гимназіи, но съ неудержимымъ стремленіемъ къ духовному совершенствованію, очутился въ стѣнахъ Московскаго университета *). Мальчикъ провинціалъ привезъ въ

*) Федоръ Ивановичъ Буслаевъ родился 13-го апрѣля 1818 года въ г. Керенскѣ, Пензенской губерніи. Лишившись на 5-мъ году своего возраста отца, занимавшаго мѣсто секретаря въ Керенскомъ земскомъ судѣ, онъ провелъ остальное время дѣтства въ Пензѣ, при матери. Десяти лѣтъ поступилъ въ

Москву со скромнымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній богатое наслѣдіе сердечныхъ воспоминаній о дорогой матери, о тихихъ вечерахъ, которые они проводили вмѣстѣ въ чтеніи и задушевныхъ разговорахъ о прочтенномъ. Поэтическая натура матери находила себѣ пищу въ сантиментальныхъ произведеніяхъ XVIII в. во вкусѣ Ж. Ж. Руссо, Карамзина и князя Долгорукова, но уже отдавала рѣшительное предпочтеніе новымъ вѣяніямъ романтизма въ произведеніяхъ Жуковскаго *). Съ какою любовью останавливается Буслаевъ, уже старикъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ на перечнѣ книгъ, входившихъ въ его дѣтское чтеніе (въ родѣ „Потеряннаго Рая“ Мильтона, „Четырехъ временъ года“ Томсона, особенно альманаховъ „Полярной звѣзды“, въ которыхъ онъ наслаждался стихотвореніями Жуковскаго, Пушкина, баснями Крылова и многимъ другимъ). Память объ этихъ книгахъ озаряется для него не только первыми испытанными художественными впечатлѣніями, но и воспоминаніемъ о матери. „Большую часть поэтическихъ произведеній, замѣчаетъ онъ, въ стихахъ и прозѣ мы читали съ ней вмѣстѣ, попеременно — то она, то я. Матушка особенно любила слушать мое чтеніе, сидя рядомъ со мною за рукодѣльемъ“ **). Съ именемъ матери связаны были у Буслаева и первыя наслажденія музыкой и пѣніемъ. „У нея, по словамъ сына, былъ хорошій голосъ и музыкальный слухъ, и она любила за рукодѣльемъ сопровождать работу пѣніемъ“ ***). Трогательно читать, какъ старческая память сохранила Буслаеву еще многое изъ репертуара романсовъ 20 годовъ, которые пѣла его мать. Крайне стѣсненная въ средствахъ, мать непременно желаетъ, чтобъ сынъ игралъ на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ и избираетъ гитару, такъ какъ фортепіаны составляли тогда принадлежность зажиточныхъ дворянъ, а для недостаточной вдовы эта роскошь была не по средствамъ. Наконецъ, матери же обязанъ и сынъ, и русская наука тѣмъ, что онъ сталъ филологомъ.

тамошнюю гимназію и черезъ пять лѣтъ кончилъ курсъ ученья. (Тогда въ гимназіяхъ было только четыре класса).

*) См. автобіографическія статьи Буслаева «Мои воспоминанія». Вѣст. Европы 1890 г. т. VI стр. 87.

**) Тамъ же стр. 37.

***) Тамъ же стр. 35.

Зная наклонности сына, его любовь къ литературѣ, мать рѣшительно опротестовала выборъ другой спеціальности. „Моимъ постояннымъ желаніемъ, пишетъ Буслаевъ, было сдѣлаться медикомъ, чтобы обезпечить матушкѣ независимое положеніе: но она, находя меня рѣшительно неспособнымъ къ изученію анатоміи и хирургіи, просила меня и всѣми силами содѣйствовала для поступленія въ филологическій факультетъ и притомъ Московскаго университета“ *). Такимъ образомъ мать не приняла жертвъ сына и сама принесла новую жертву, чтобы сдѣлать его филологомъ. Она озаботилась дать ему учителя греческаго языка, который необходимъ былъ для поступленія на словесный факультетъ, но въ то время еще не преподавался въ гимназіяхъ. Если мы вспомнимъ практическій взглядъ на выборъ спеціальности, еще и теперь больше всего руководящій родителей, то должны высоко оцѣнить эту мать, которая, живя въ стѣсненныхъ условіяхъ, въ глухой провинціи, посылаетъ единственнаго сына не на хлѣбный факультетъ, а на такой, который, по ея представленіямъ, могъ ему дать скромную карьеру учителя. Бѣдной матери не суждено было дождаться окончанія курса ея филолога. Но она могла въ теченіе двухъ лѣтъ радоваться успѣхамъ сына-студента, сообщавшаго о своихъ занятіяхъ и планахъ. Судя по нѣкоторымъ письмамъ матушки, помѣщеннымъ Буслаевымъ въ „Воспоминаніяхъ“, онъ подробно описывалъ ей свои занятія, знакомилъ ее со своею жизнью въ казенныхъ номерахъ университета и заочно вводилъ ее въ кружокъ своихъ товарищей. Дѣлясь съ нею всѣмъ, что его интересовало, онъ обращался къ ней за совѣтами, предпринимая ту или другую научную работу, хорошо зная, какъ живо любвеобильное сердце матери въ далекой Пензѣ откликается на его запросы. „Другъ мой, пишетъ она, ты просишь моего согласія, учиться ли тебѣ на этотъ годъ еще двумъ языкамъ. Ты знаешь мое правило: я не терплю того, чтобы браться за многое и ни въ одномъ не усовершенствоваться. По-моему, лучше совѣтую тебѣ заниматься тѣмъ, что преподають по твоему отдѣленію, и въ томъ усовершенствоваться. Но если ты имѣешь столько желанія и вре-

*) Тамъ же стр. 44.

мени, чтобы еще учиться двумъ языкамъ, то лучше англійскому и итальянскому, нежели арабскому и персидскому. Я совѣтую лучше первымъ двумъ, а впрочемъ, какъ ты хочешь...“ *) Совѣтъ матери былъ исполненъ, потому что Буслаевъ оставилъ мысль о восточныхъ языкахъ, но зато уже въ университетѣ изучилъ итальянскій. Если справедливо давно сдѣланное наблюденіе, что многіе изъ замѣчательныхъ людей имѣли выдающихся по достоинству матерей, то Буслаевъ еще разъ подтверждаетъ это наблюденіе. Богатый и интересный матеріаль для характеристики Буслаева - студента даютъ его воспоминанія — этотъ непритязательный рассказъ о его товарищахъ и профессорахъ. Благодаря ли свойству старческой памяти или особому психическому дарованію, онъ умѣлъ возсоздать предъ читателемъ именно тѣ впечатлѣнія и чувства, которыя переживалъ юношей, не примѣшивая къ оцѣнкѣ товарищей и профессоровъ всего того позднѣйшаго, что отложилось въ его душѣ, когда нѣкоторые профессора изъ его наставниковъ стали его сослуживцами, а нѣкоторые университетскіе товарищи разошлись съ нимъ въ общественныхъ взглядахъ и нравственныхъ принципахъ. Нравственно чистый, серьезный юноша, романтически влюбленный въ науку, добродушный, чуждый житейскихъ расчетовъ, привлекъ къ себѣ всеобщую симпатію въ кружкѣ однокурсниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были гораздо лучше его подготовлены и охотно помогали симпатичному товарищу. Буслаевъ съ благодарностью вспоминаетъ, что обязанъ своими успѣхами во французскомъ и латинскомъ языкахъ Класовскому, впоследствии извѣстному педагогу и издателю классиковъ, и что немалую пользу принесъ ему Коссовичъ, впоследствии извѣстный санскритологъ, объясняя плохо подготовленному пензенскому гимназисту затрудненія при чтеніи греческихъ авторовъ. Впоследствии, по выходѣ изъ университета, Коссовичъ руководилъ Буслаева и въ изученіи санскрита. Неутомимый въ приобрѣтеніи знаній Буслаевъ нашелъ среди товарищей даже преподавателя для еврейскаго языка. Это былъ младшій по курсу студентъ Войцѣховскій, впоследствии трагически погибшій (самоубійствомъ).

*) Тамъ же, стр. 55.

„Бываютъ люди такого нѣжнаго сердца, — говоритъ Буслаевъ *), — которымъ на роду написано любить преданно и неизмѣнно до той крайней степени самоуничженія и вѣрнопопданности, какая доступна только сердцу женщины. Войцѣховскій принадлежалъ именно къ разряду такихъ людей“. Этимъ Буслаевъ объясняетъ преданную дружбу къ себѣ Войцѣховскаго. Но мы не ошибемся, если предположимъ, что главная основа любви этихъ и другихъ товарищей къ юношѣ Буслаеву лежала въ его высокомъ идеализмѣ, въ пылкомъ стремленіи къ наукѣ и въ душевной чистотѣ, которая невольно привлекала къ нему всѣ духовно-родственные натуры во всѣ періоды его жизни.

Той же любовью и благодарностью дышатъ воспоминанія Буслаева о профессорахъ. Конечно, не всѣ между ними были на высотѣ европейской науки, не всѣ умѣли заинтересовать студентовъ или руководить ими. Были представители отживающаго типа дидаскаловъ, закоснѣвшихъ въ рутинѣ. Были профессора средняго разряда, какъ выражается Буслаевъ, предтечи наступавшаго обновленія, ожидавшагося отъ молодыхъ ученыхъ, готовившихся за границей къ профессорской дѣятельности. Были и выдающіеся ученые и талантливые преподаватели, умѣвшие будить научный интересъ въ студентахъ. Не трудно представить себѣ, что пензенскій гимназистъ, съ его неудержимымъ рвеніемъ къ наукѣ, извлечетъ изъ лекцій все, что можетъ извлечь, восполняя недочеты въ послѣднихъ упорнымъ домашнимъ трудомъ. Теоретикъ и пуристъ Давыдовъ, чуждый историческаго взгляда на литературу, убѣжденный, что русская словесность въ настоящемъ ея смыслѣ начинается только со временъ Петра Великаго, видѣвшій въ языкѣ Нестора и Слова о полку Игоревѣ бессмысленную порчу церковно-славянской грамматики и съ презрительнымъ снисхожденіемъ относившійся къ народному языку былинь и пѣсенъ, конечно, не умѣлъ внушить ученикамъ научныхъ взглядовъ на родную словесность, но Буслаевъ благодаренъ ему и за то, что онъ, какъ математикъ, умѣлъ цѣнить точность въ соразмѣрности между словомъ и мыслью и что, по его совѣту, онъ впервые познакомился

*) «Мои воспоминанія». В. Е. 1890. Т. V, стр. 677.

съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впоследствии оказало рѣшительное вліяніе на его ученыя работы. Это было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта о сродствѣ и различіи языковъ индогерманскихъ.

Напрасно въ характеристикѣ профессоровъ, наиболѣе повліявшихъ на научныя симпатіи Буслаева, — Шевырева, Погодина, Крюкова — будемъ мы искать въ его „Воспоминаніяхъ“ какихъ-нибудь замѣчаній объ ихъ общественномъ направленіи, убѣжденіяхъ и виѣуниверситетской роли въ литературѣ и обществѣ. Въ своемъ романтическомъ настроеніи, чуждавшемся запросовъ современности, въ своемъ культѣ науки онъ видѣлъ въ этихъ личностяхъ, столь характерныхъ по общественному направленію, только служителей науки, только хранителей ея священнаго огня, призванныхъ удѣлять этотъ свѣтъ университетской молодежи. Тогдашнее отношеніе Буслаева къ профессорамъ напоминаетъ мнѣ его признаніе, какъ впоследствии въ классической странѣ искусства, въ Италиі, ея историческое прошлое, увѣковѣченное въ художественныхъ памятникахъ, совершенно заслоняло предъ нимъ современныхъ жителей съ ихъ политическими и соціальными интересами. „Сосредоточивъ всѣ свои интересы на изученіи археологіи и искусства въ связи съ исторіею литературы, повсюду въ Италиі я ни на что другое не обращалъ вниманія, какъ только на такіе предметы, которые могли удовлетворять этимъ моимъ интересамъ. Гуляя по улицамъ и площадямъ города, я видѣлъ зданія, дворцы и церкви, портики, фасады и колоннады, а людей, которые мнѣ встрѣчались, и не замѣчалъ; для моихъ взоровъ существовала только мѣстность, а не обыватели, которые ее населяютъ. Улица съ жилыми домами и заросшая высокою травою и кустарникомъ, пустырь съ развалинами античныхъ и средневѣковыхъ построекъ складывались для моего воображенія въ одно цѣлое. Я весь поглощенъ былъ монументальностью Италиі и постольку же мало обращалъ вниманія на ея жителей, какъ и на разнообразныя красоты природы. Впрочемъ, и сами итальянцы имѣли для меня нѣкоторый интересъ, но только по отношенію къ изучаемымъ мною памятникамъ искусства и вообще старины. Мнѣ казалось, что жители этой страны и существуютъ теперь для того только, чтобъ охранять завѣтныя со-

кровища великаго прошедшаго въ своихъ городахъ и услужливо показывать и объяснять ихъ иностранцамъ. И тогда я слушалъ ихъ внимательно и даже съ уваженіемъ относился къ нимъ, будь то горожанинъ средняго сословія или простолюдинъ въ плисовой курткѣ: я завидовалъ имъ и цѣнилъ ихъ, какъ соотечественниковъ и потомковъ тѣхъ великихъ людей, произведеніями которыхъ я восхищался^{*}). Съ такимъ же вниманіемъ и уваженіемъ слушалъ студентъ Буслаевъ выдававшихся въ его время профессоровъ, но не замѣтно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ вполне захватилъ его духовно, сосредоточивъ на своей наукѣ всецѣло его симпатіи и повліялъ своею личностью на его общественное направленіе. Не видать также, чтобы кто-нибудь изъ нихъ въ то время приблизилъ къ себѣ способнаго студента и внушилъ ему мысль, по окончаніи курса, посвятить себя наукѣ. Любопытно, что только спустя пятилѣтіе, когда Буслаевъ, вернувшись изъ-за границы съ широкой научной подготовкой, приобрѣтенной неустанной пятилѣтней работой, блестяще выдержалъ экзаменъ на магистра, Шевыревъ съ Крюковымъ заспорили о томъ, кому изъ обоихъ магистрантъ больше обязанъ своимъ образованіемъ^{**}). Въ этомъ спорѣ правда на сторонѣ Шевырева. Судя по „Воспоминаніямъ“, онъ значительно расширилъ лингвистическій и историко-литературный горизонтъ студента Буслаева. Онъ впервые на чтеніи памятниковъ древне-русскаго и народнаго языка познакомилъ Буслаева съ исторіей языка и вызвалъ въ немъ симпатіи къ этому предмету. „Лекціи Шевырева, — пишетъ Буслаевъ, — производили на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, и каждая изъ нихъ представлялась мнѣ какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемая сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка. Я впервые понялъ тогда всю его красоту и сознательно полюбилъ его“^{***}). Лекціи того же профессора по исторіи еврейской, индійской и древне-греческой литературы были такими же откровеніями для Буслаева, и при страстности, съ которой онъ увлекался историко-

^{*}) «Мои воспоминанія». В. Е. 1891. Т. III, стр. 214.

^{**}) «Мои воспоминанія». В. Е. 1891. Т. V, стр. 625.

^{***}) «Мои воспоминанія». В. Е. 1890. Т. VI, стр. 542.

культурными идеями, заронили въ немъ мысль учиться еврейскому и санскритскому языку. Чтеніе объ Иліадѣ и Одиссеѣ также остались не безъ вліянія на одну изъ научныхъ симпатій будущаго ученаго. „Не помню, — пишетъ Буслаевъ, — ставилъ ли тогда Шевыревъ въ параллель съ гомерическими рапсодіями наши былины, или послѣ, когда намъ читалъ исторію русской литературы, но во всякомъ случаѣ эта мысль въ первый разъ пришла мнѣ въ голову со словъ Степана Петровича“ *). Кромѣ исторіи всеобщей литературы и теоріи поэзіи въ историческомъ развитіи, Шевыревъ впервые предпринялъ читать курсъ исторіи русской литературы — предпріятіе смѣлое и трудное, такъ какъ для такого курса въ то время матеріаль былъ далеко не разработанъ. „Готовясь къ лекціямъ, — замѣчаетъ Буслаевъ, — Шевыревъ самъ постепенно разрабатывалъ источники русской старины и народности по рукописямъ, старопечатнымъ книгамъ, народнымъ пѣснямъ и преданіямъ. Неослабный интересъ, возбуждаемый въ профессорѣ безпрестанными открытіями въ новой, еще вовсе неразработанной, области науки, дѣйствовалъ на насъ обаятельною свѣжестью одушевленія. По крайней мѣрѣ мнѣ чудилось, будто мы идемъ по только что протореннымъ путямъ въ непроходимыхъ лѣсахъ и дѣбряхъ, по слѣдамъ отважнаго проводника, который на каждомъ шагу открываетъ намъ все новыя и новыя сокровища родной земли“. Если къ этой „поэзіи русской науки“, захватывавшей воображеніе студента-энтузіаста, мы прибавимъ еще высшее произведеніе средневѣковой поэзіи — Божественную комедію Данта, — о которой Буслаевъ прочелъ обстоятельную монографію Шевырева, и вспомнимъ какое мѣсто отводилъ Данту Буслаевъ въ своихъ литературныхъ симпатіяхъ въ теченіе всей своей жизни, то уяснимъ себѣ, насколько лекціи Шевырева отвѣчали научно-художественнымъ запросамъ Буслаева. Та же поэзія старины привлекала Буслаева къ лекціямъ Погодина. „На первомъ курсѣ, — пишетъ Буслаевъ, — онъ читалъ намъ изъ всеобщей исторіи о религіи, политикѣ, торговлѣ, о нравахъ и обычаяхъ народовъ, по извѣстному сочиненію Герена (Heeren). Именно тогда я живо почувствовалъ и оцѣнилъ

*) Тамъ же, стр. 544.

великое значеніе народнаго быта, на разработку котораго въ предѣлахъ русской земли я посвятилъ большую часть моихъ ученыхъ работъ“ *). Поэтическій сумракъ начала Руси — пресловутый вопросъ о скандинавскомъ происхожденіи варяго-русовъ — въ чтеніяхъ Погодина по русской исторіи не могъ уже потому не привлечь къ себѣ вниманія Буслаева, что рѣшеніе этого вопроса затрагивало и его лингвистическія симпатіи. Этотъ вопросъ повелъ его къ знакомству съ грамматикой Якова Гримма, событію настолько знаменательному въ научной жизни Буслаева, что старческая память крѣпко хранила всѣ обстоятельства его сопровождавшія. „Я обратился, — пишетъ Буслаевъ, — къ Михаилу Петровичу съ просьбою указать мнѣ какое-нибудь руководство для изученія древнихъ нѣмецкихъ нарѣчій. Онъ назвалъ мнѣ грамматику Якова Гримма... Такимъ образомъ изъ устъ Погодина въ первый разъ услышалъ я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями потомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, такъ воодушевлялъ меня, что я сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданнѣйшихъ его послѣдователей **). Уже за это случайное указаніе на автора, ставшаго впоследствии „властителемъ его думъ“, изъявляетъ Буслаевъ благодарность своему профессору, конечно, не читавшему нѣмецкой грамматики Гримма. Но Погодинъ принесъ, дѣйствительно, немалую пользу Буслаеву тѣмъ, что научилъ его читать и разбирать русскія старинныя рукописи, открывъ ему доступъ въ свое извѣстное „Древлехранилище“. Наконецъ, ученый и изящный Крюковъ заинтересовалъ Буслаева лекціями по римскимъ древностямъ и заставилъ его полюбить Тацита и особенно Горация.

Чтобы составить себѣ понятіе о той научной подготовкѣ, которую вынесъ Буслаевъ изъ университета, слѣдуетъ отмѣтить еще одно благопріятное для него обстоятельство. Трехгодичный курсъ былъ измѣненъ въ четырехгодичный, при чемъ на послѣднемъ курсѣ студенты были раздѣлены по специальностямъ на три

*) Тамъ же, стр. 545.

**) Тамъ же, стр. 545.

отдѣленія: классическое, историческое и славяно-русское. Последній годъ пребыванія Буслаева въ университетѣ былъ проведенъ имъ, главнымъ образомъ, въ практическихъ занятіяхъ, представляющихъ лучшую школу для самодѣятельности. Избравъ славяно-русское отдѣленіе, Буслаевъ, по предложенію Давыдова, изучалъ спеціально такъ называемую „Общую грамматику“ французскаго филолога Дю-Саси въ нѣмецкой передѣлкѣ Фатера. Эту книгу онъ перевелъ всю сполна и добавилъ грамматическія подробности Дю-Саси и Фатера русскими и церковнославянскими. Для Шевырева Буслаевъ долженъ былъ составить сводъ грамматикъ: Смотрицкаго, Ломоносова, академической, большихъ или полныхъ грамматикъ Греча и Востокова и церковнославянской Добровскаго. Этими работами четверокурсника-студента объясняется та солидная начитанность въ русской и славянской грамматической литературѣ, которую онъ обнаружилъ впоследствии уже въ своихъ первыхъ трудахъ по языку.

Оканчивая свои студенческія воспоминанія, требовательный къ себѣ авторъ скромно замѣчаетъ: „Такимъ образомъ, благодаря этимъ практическимъ занятіямъ, я достаточно былъ вооруженъ свѣдѣніями, необходимыми по тому времени для всякаго доброкачественнаго учителя русскаго языка“ *). Позволимъ себѣ не согласиться съ этой скромной личной оцѣнкой свѣдѣній, вынесенныхъ Буслаевымъ изъ четырехлѣтнихъ упорныхъ занятій въ университетѣ. Выдающаяся филологическая подготовка давала по тому времени Буслаеву полныя права для помысловъ объ ученой карьерѣ; но мечталъ ли о ней скромный молодой ученый? Едва ли. По крайней мѣрѣ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ онъ не обронилъ ни одного намека на такія надежды. Едва соскочивъ со студенческой скамьи, онъ, по матеріальному своему положенію, принимаетъ мѣсто домашняго учителя у барона Боде и съ обычной добросовѣстностью весь погружается въ преподаваніе, прилагая къ практикѣ вынесенныя изъ университета теоретическія свѣдѣнія. Въ этой высокообразованной, изящной семьѣ юноша-филологъ, потерявшій со смертью матери родное, откликавшееся ему

*) Тамъ же, стр. 548.

сердце, — одинокій въ Москвѣ, находить все, что удовлетворяло потребностямъ его ума и сердца. Его ученикъ (Михаиль Львовичъ) становится ему неизмѣннымъ другомъ, его ученицы сохранили къ нему навсегда доброе чувство. Диктуя свои воспоминанія о 38—39 годѣ, слѣпой старецъ Буслаевъ посвятилъ рядъ теплыхъ страницъ изложенію своихъ отношеній къ этой, ставшей ему дорогою, семьѣ и подробной характеристикѣ ея членовъ, которыхъ житейская судьба его живо интересуешь. Нравственное значеніе для Буслаева этой семьи, въ которой онъ жилъ какъ родной, отъбъняется тѣмъ, что одновременно съ этимъ онъ испытывалъ душевный гнетъ въ роли учителя русскаго языка въ младшихъ классахъ второй московской гимназіи. Сухой формализмъ въ преподаваніи, подавленіе всякой самостоятельности въ учителѣ, чиновническое отношеніе директора — вотъ что тяготило юнаго, романтически настроеннаго студента, котораго директоръ сразу озадачилъ начальническимъ внушеніемъ, что гимназія не университетъ, что онъ долженъ забыть профессорскія лекціи и сосредоточить все вниманіе на предписанномъ учебникѣ, что въ классахъ требуется слѣдить за успѣхами учениковъ, а не разглагольствовать и т. п. *). Не трудно повѣрить Буслаеву, когда онъ говоритъ: „Съ осени 1838 и до весны 1839 года мое время протекало двумя рѣзко отдѣленными полосами: свѣтлою — въ Кремлѣ (у Боде) и темною — на Разгуляѣ (въ гимназіи), но мѣсяца черезъ четыре мало-по-малу принялась заволакивать меня полоса темная. Я почувствовалъ изнурительное утомленіе, но не переставалъ надрывать себя, видимо ослабѣвалъ, а Великимъ постомъ 1839 г. совсѣмъ захворалъ и прекратилъ уроки въ гимназіи“ **). Очевидно, способная къ самому упорному труду натура Буслаева не могла выработать изъ себя педагогическую машину, согласную съ требованіями гимназическаго начальства.

Къ счастью для Буслаева и для русской науки, темная полоса на его горизонтѣ неожиданно разсѣялась уже въ маѣ того же года. Судьба готовила ему такой счастливый шагъ въ жизни, ко-

*) «Мои восп.», В. Е. 1891, т. II, стр. 489.

**) Тамъ же, стр. 490.

торый сдѣлалъ его тѣмъ, чѣмъ онъ впоследствии сталъ для русской науки. Добрый геній, въ лицѣ попечителя графа С. Г. Строганова, предложилъ ему ѣхать на два года, въ качествѣ домашняго учителя (его сыновей), за границу и притомъ „въ обѣтованную землю для восторженныхъ душъ“ въ Италію, которая для бѣднаго филолога существовала только въ романтическихъ мечтаніяхъ, какъ страна классической культуры, какъ родина его любимаго поэта Данта.

„Не удивляйтесь“, замѣчаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Буслаевъ, „если скажу вамъ, что съ этого самаго вечера (перваго проведеннаго на заграничной почвѣ въ Любекѣ) въ продолженіе всего двухлѣтняго пребыванія моего за границую насталь для меня непрерывный свѣтлый праздникъ, въ которомъ часы, дни, недѣли и мѣсяцы, — представляются мнѣ теперь нескончаемой вереницею все новыхъ и новыхъ какихъ-то радужныхъ впечатлѣній, нечаянныхъ радостей, никогда прежде неиспытанныхъ наслажденій и захватывающихъ духъ поразительныхъ интересовъ *). Это двухлѣтнее пребываніе за границей, преимущественно въ Италиі, было самымъ поэтическимъ періодомъ жизни Буслаева, его „Wanderjahre“, года странствованія въ смыслѣ извѣстнаго романа Гёте, года самостоятельнаго изученія „мастерства“, которые изъ способнаго ученика, оставившаго мастерскую учителя, дѣлають „мастера“, основательно изучившаго свое дѣло. Лучшая и большая часть „Воспоминаній“ Буслаева посвящена художественнымъ впечатлѣніямъ, испытаннымъ имъ въ Италиі, сначала въ Неаполѣ, затѣмъ въ Римѣ. „Вѣчный городъ“, этотъ необъятный художественный музей античнаго и средневѣковаго искусства становится съ тѣхъ поръ „обѣтованной страной“ Буслаева, какъ вторая родина, какъ городъ, подъ культурнымъ обаяніемъ котораго окончательно развились художественные задатки, вложенные въ натуру московскаго студента. На этой исторической почвѣ неопредѣленное романтическое стремленіе къ прекрасному достигало ступени сознательнаго пониманія. Этимъ обязанъ Буслаевъ просвѣщенному руководству графа Строганова, отличнаго знатока искусства, прилежному изученію Отфрида Мюл-

*) «Мои восп.», В. Е. 1891, т. III, стр. 184.

лера, Куглера и Винкельманна, но всего болѣе упорнымъ личнымъ занятіямъ и наблюденіямъ художественныхъ сокровищъ Италіи. Въ Неаполѣ онъ весь погружается въ изученіе Museo Borbonico, стараясь проникнуть во все подробности античной жизни по ея обстановкѣ, и часто бродитъ по разрытымъ улицамъ Помпеи, переносясь мечтами въ давно минувшую жизнь. Съ подробной картой окрестностей Неаполя онъ цѣлые дни проводитъ среди античныхъ развалинъ, стараясь ихъ осмыслить и возстановить въ воображеніи. „Каждая изъ нихъ была для меня тогда знакомъ вопроса, и я старался, какъ умѣлъ, рѣшать себѣ эти вопросы, чтобы изъ малыхъ останковъ воссоздавать въ своемъ воображеніи полную картину античной жизни со всей обстановкою ея интересныхъ подробностей“ *). Въ Неаполѣ же онъ вчитывается въ Данта и на Искіи вмѣстѣ съ поэтомъ восходитъ по уступамъ великой горы Чистилища къ ея вершинѣ съ „Земнымъ Раемъ“, который грезится ему въ минуты мечтаній на маковкѣ Эпомея **). Увлеченный любимой поэмой, этой богатой иллюстраціей средневѣковой итальянской жизни и искусства, онъ посѣщаетъ увѣковѣченныя Дантомъ мѣста въ Веронѣ, Падуѣ, Флоренціи и изучаетъ произведенія его великаго современника и друга, живописца Джіотто, который открылъ Буслаеву путь къ художественной оцѣнкѣ ранняго наивнаго стиля итальянскихъ мастеровъ XIV и XV столѣтій ***). На развалинахъ древняго Рима любимымъ чтеніемъ Буслаева были Титъ Ливій, Тацитъ и Горацій. Съ помощникомъ бібліотекаря Ватиканской бібліотеки Франческо Мази онъ читаетъ средневѣковыя хроники (Дино Компаньи и Виллани), или итальянскихъ поэтовъ XII и XIII в.; у лучшаго знатока Данта, аббата Вентури, онъ продолжаетъ всестороннее изученіе другихъ сочиненій Данта; подъ руководствомъ аббата Марки, завѣдывавшаго Кирхеріанскимъ музеемъ, онъ изучаетъ бронзовыя издѣлія раннихъ племенъ, нѣкогда населявшихъ Италію, и впервые заинтересовывается раннимъ христіанскимъ искусствомъ, которое впоследствии

*) «Мои восп.», В. Е. 1891, т. III, стр. 574.

**) Тамъ же, стр. 588.

***) Тамъ же, стр. 583.

стало однимъ изъ любимыхъ предметовъ его занятій *). Сойдясь близко съ знаменитымъ Иорданомъ, онъ полюбилъ гравюры, оцѣнилъ художественное ихъ достоинство и важное значеніе въ исторіи искусства **). Наконецъ, онъ специально изучаетъ исторію Рима, чтобъ уразумѣть эту раскрытую книгу историческихъ судебъ, этотъ городъ, слагавшійся мало-по-малу въ теченіе тысячелѣтій, раскрывавшій взору ученика-художника всю исторію европейской цивилизаціи, которая осязательно, воочію предстала предъ нимъ въ этихъ бурныхъ и посѣдѣлыхъ, обросшихъ травой и кустарникомъ развалинахъ древне-римскаго могущества и величія, въ этихъ стародавнихъ храмахъ, относящихся къ раннимъ вѣкамъ христіанской Церкви, во всѣхъ этихъ разнообразныхъ зданіяхъ и сооружеціяхъ, которыя изъ вѣка въ вѣкъ строились и перестраивались, представляя своеобразную смѣсь стилей и вкусовъ, въ этихъ великолѣпныхъ дворцахъ и храмахъ, построенныхъ Микель-Анджеломъ, Брамантомъ, даже самимъ Рафаэлемъ ***). Вотъ какъ широко захватывалъ исторію античной и средневѣковой цивилизаціи молодой филологъ, съ спеціальными симпатіями къ изученію русскаго языка и литературы, развившимися въ стѣнахъ московскаго университета. Вотъ какъ старался онъ не только расширить свой научный горизонтъ, но и восполнить свое художественное образованіе. „Мнѣ было отрадно и лестно, пишетъ онъ, направлять свои прогулки по слѣдамъ самого Винкельмана, будто въ его сообществѣ, и воодушевлять себя его собственными впечатлѣніями, переживать въ себѣ самомъ его ощущенія и мысли, его увлеченія и восторги. Такіе затѣйливые опыты эстетическаго образованія расширяли мои задачи и цѣли далеко за предѣлы однихъ научныхъ интересовъ. Я не довольствовался только изученіемъ стиля, типическихъ подробностей и основной идеи художественнаго произведенія; оно должно было меня *воодушевлять, улучшать и облагораживать*; воспитывая во мнѣ высокіе помыслы, очищая мой нравъ отъ всего низкаго и пошлаго, отъ всего, что

*) «Мои восп.», В. Е. 1891, т. IV, стр. 205.

***) Тамъ же, стр. 211.

***) Тамъ же, стр. 214.

оскорбляетъ человѣческое достоинство“ *). Въ этихъ словахъ вылился весь Буслаевъ: они являются ключомъ для пониманія Буслаева не только юноши, но мужа и старца. Такимъ, какимъ онъ хотѣлъ себя воспитать созерцаніемъ и изученіемъ памятниковъ великой культуры, литературы и искусства Италиі, оставался онъ въ теченіе всей своей долголѣтней жизни. Вся дальнѣйшая его дѣятельность въ ученomъ кабинетѣ, на кафедрѣ и въ общественной жизни представляется только естественнымъ проявленіемъ того высокооблагораживающаго научно-художественнаго воспитанія ума и сердца, которое онъ завершилъ въ Италиі.

Я не могу взять на себя всесторонней оцѣнки научныхъ трудовъ Буслаева въ различныхъ областяхъ, изъ которыхъ не всѣ и доступны моей оцѣнкѣ. Вліяніе этихъ общеизвѣстныхъ трудовъ знаменитаго ученаго въ области изученія русскаго языка, старины и народности даетъ намъ право цѣлый періодъ въ движеніи этихъ наукъ назвать періодомъ Буслаевскимъ. Я могу только напомнить эти труды и попытаться охарактеризовать Буслаева, какъ ученаго, для чего я и счелъ необходимымъ остановиться подробнѣе на періодѣ *Lehrjahre* и *Wanderjahre*, которые подготовили его выступленіе съ рядомъ многочисленныхъ, капитальныхъ трудовъ въ области русской науки.

Въ обширной области исторіи духовной культуры Буслаевъ отмежевалъ себѣ преимущественно ранній періодъ и эпоху доисторическую. Русскій языкъ въ его доисторическомъ и историческомъ развитіи, народное творчество въ его раннихъ, часто безыскусственныхъ формахъ — преданія, сказки, пѣсни и проч., — начало русскаго искусства въ его служеніи религіозному чувству — вотъ что было любимымъ предметомъ его изслѣдованія. На Западѣ особенно привлекалъ его также отроческій періодъ европейской культуры — средневѣковье съ его религіозными и рыцарскими идеалами и особенно то, въ чемъ пробивалась національная струя въ литературѣ и искусствѣ: нѣмецкій и скандинавскій эпосъ, испанскій эпосъ о Сидѣ, пѣсня о Роландѣ, легенды, раннее итальянское и нѣмецкое искусство, Дантъ — вотъ любимыя темы Буслаева. По интересу

*) «Мои восп.», В. Е. 1891, т. IV, стр. 219.

къ средневѣковой литературѣ и искусству Буслаевъ былъ романтикъ, но романтикъ въ лучшемъ смыслѣ этого названія, никогда не принадлежавшій къ тѣмъ, которые стремились воскресить въ XIX в. средневѣковые общественные идеалы. Онъ изучалъ эти зачатки поэзіи и искусства, пышно распустившіеся впоследствии, какъ историкъ, слѣдящій съ глубокимъ интересомъ за процессомъ развитія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ любовался ими какъ художникъ, котораго живописныя развалины феодальнаго замка или слѣды средневѣковой жизни въ нѣмецкомъ провинціальномъ городкѣ привлекаютъ болѣе, чѣмъ блестящія широкія улицы европейской столицы съ ихъ дворцами и казармами, построенными на нашихъ глазахъ. Это сочетаніе археолога и художника, историка культуры и тонкаго эстетика, которое мы видимъ въ Буслаевѣ, постоянно наблюдается въ его работахъ, какой бы специальной области онѣ ни касались. Въ наблюденіяхъ надъ языкомъ слово для него не только сочетаніе звуковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою исторію, и не только традиціонно передаваемый знакъ понятія. Для него оно художественное старинное произведеніе, въ которомъ онъ видитъ первоначальное представленіе, живой образъ, иногда еще ярко выступающій въ языкѣ старины или современнаго простонародья. И Буслаевъ, какъ ученый филологъ, изслѣдуетъ слово, какъ художникъ, любитъся имъ, какъ историкъ культуры, выдвигаетъ передъ нами картину прожитыхъ періодовъ жизни, нерѣдко еще не пережитыхъ низшей массой народа. Слова, эти знаки понятій, которыя мы такъ щедро расходуемъ съ утра до вечера, получаютъ для читателя Буслаева чрезвычайный интересъ и цѣну. Современный языкъ представляется богатымъ наслѣдіемъ прошедшихъ поколѣній, маститымъ зданіемъ, сооружавшимся тысячелѣтіями. Какъ ученый путеводитель, Буслаевъ вводитъ насъ въ этотъ дивный храмъ, объясняетъ планъ его постройки, указываетъ детали той или другой эпохи и любитъся его красотами, какъ художникъ. Вооруженный историко-сравнительнымъ методомъ, ученый мысленно возстановляетъ процессъ сооруженія, указывая откуда произошелъ самый матеріалъ для зданія, къ какимъ періодамъ прошедшаго принадлежатъ отдѣльные камни (т. е. слова) и какъ происходила ихъ обработка.

Многое уже устарѣло въ трудахъ Буслаева по исторіи русскаго языка, что ярко свидѣтельствуешь объ успѣхахъ въ этой области. Но не устарѣла та культурно-историческая идея, которая всегда красной нитью проходитъ въ его изслѣдованіяхъ. Наше время при широкомъ развитіи каждаго отдѣла филологіи, — время болѣе узкихъ спеціалистовъ. Одинъ главнымъ образомъ изучаетъ звуковую сторону словъ, уясняя законы фонетики; другой — слѣдитъ за исторіей слова по памятникамъ письменности, третій посвящаетъ себя изученію какого-нибудь изъ народныхъ говоровъ, — четвертый пытается угадать психологическіе законы, обуславливающіе исторію значенія словъ (семасіологія), пятый собираетъ и изучаетъ культурныя слова для историческихъ выводовъ (лингвистическая палеонтологія). Буслаевъ не могъ сосредоточиться исключительно ни на одномъ изъ спеціальныхъ интересовъ изученія языка. Всѣ эти пути въ то время, когда онъ преимущественно работалъ по языку, только что намѣчались, и онъ самъ болѣе всѣхъ изъ русскихъ ученыхъ участвовалъ въ этой пионерской работѣ.

Уже первый крупный печатный трудъ Буслаева, учителя 3-й московской гимназіи, готовившагося въ это время къ магистерскому экзамену *) — *О преподаваніи отечественнаго языка* (2 части. М. 1844 г.) обнаруживаетъ въ немъ ученаго, стоящаго на высотѣ современной ему западной науки. Онъ вполне усвоилъ себѣ еидю органическаго развитія языка; успѣхи, достигнутые сравнительнымъ языкознаніемъ въ Германіи (труды Боппа, Потта) и приемы сравнительно-историческаго метода, нашедшіе себѣ блестящее оправданіе въ трудахъ Якова Гримма по исторіи нѣмецкаго языка. Послѣдній ученый, съ его высокимъ уваженіемъ къ нѣмецкой національной старинѣ, съ его поэтическимъ увлеченіемъ и пониманіемъ красоты языка, народныхъ старинныхъ преданій и

*) По возвращеніи изъ-за границы въ 1841 году, Буслаевъ продолжалъ учительскую службу въ 3-й реальной гимназіи, сначала младшимъ, потомъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности. Съ 1842 года онъ былъ прикомандированъ въ помощники профессорамъ русской словесности И. И. Давыдову и С. П. Шевыреву для исправленія и разбора письменныхъ упражненій студентовъ. См. Біограф. Словарь профессоровъ и преподавателей И. М. У. 1855 ч. I, стр. 135.

вѣрованій, съ его искусствомъ угадывать и научно объяснять слѣды отдаленныхъ эпохъ, сохранившіеся въ современныхъ діалектахъ и народномъ быту, — былъ любимымъ учителемъ и руководителемъ Буслаева, какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи къ своему первому труду. „Изъ всѣхъ современныхъ ученыхъ преимущественно слѣдую Якову Гримму, почитая его начала самыми основательными и самыми *плодотворными и для науки и для жизни* *)“. Дѣйствительно, въ этой работѣ молодой ученый руководится не одними спеціально филологическими интересами. Его задачи шире и жизненнѣе. „Историческая лингвистика, по его словамъ, убѣдить всякаго въ настоятельной необходимости изученія всей нашей древности для преуспѣянія *настоящему и будущему*“ **) Онъ увѣренъ, что основательное изученіе родного языка раскрываетъ всѣ нравственныя силы учащагося, даетъ ему истинно гуманическое образованіе, а вмѣстѣ и свое собственное *народное*, заставляетъ вникать въ ничтожныя, повидимому, мелочи, и открываетъ въ нихъ глубокую жизнь во всей неисчерпаемой полнотѣ ея“ ***). Сознавая рутину, господствовавшую въ его время въ преподаваніи языка и словесности въ нашей средней школѣ, Буслаевъ посвящаетъ 1-ю часть вопросамъ дидактики, знакомя русскаго преподавателя со взглядами на преподаваніе родного языка и приѣмами, выработанными въ Германіи, вводитъ читателя въ новыи для него міръ научныхъ и педагогическихъ интересовъ языкознанія и во 2-й части собираетъ обильный матеріалъ для исторіи русскаго языка и стилистики. Молодой ученый вполнѣ сознаетъ, что „исторія русскаго языка ожидаетъ такихъ же необъятныхъ трудовъ, какіе положилъ Карамзинъ на созданіе „Исторіи Государства Россійскаго“ ****) сознаетъ и недостаточность своихъ свѣдѣній. Но все же 2-я часть этого труда Буслаева, для своего времени, была цѣлымъ откровеніемъ, въ которомъ были поставлены и частью разработаны главные вопросы, входящіе въ область исторіи языка. Буслаевъ внесъ въ свою

*) «О преподав. отеч. языка», 1-я часть, стр. V.

**) Тамъ же стр. IV.

***) Тамъ же.

****) Тамъ же ч. II, стр. 12 и 13.

книгу первые очерки многих работ по отдельным вопросам, которые в то время его занимали, и некоторые отделы ее — напр., материалы для русской стилистики, истории народного языка, архаизмовъ, стихій чужеземныхъ, провинциализмовъ — обнаруживаютъ въ авторѣ обширную начитанность въ произведеніяхъ старинной и новой литературы, народной словесности и полное знакомство съ тогдашними успѣхами сравнительной грамматики. Напомню, какъ сильно повліяла книга Буслаева на измѣненіе плана и пріемовъ преподаванія русскаго языка въ среднеучебныхъ заведеніяхъ.

Несмотря на научное значеніе своей книги, на солидную ученость, доказанную имъ во 2-й части, Буслаевъ, всегда требовательный къ себѣ, не счелъ возможнымъ, вопреки совѣтамъ, представить свою работу какъ диссертацию на степень магистра. „Къ какой стати, думалъ онъ, совать въ университетъ работу учительскую, писанную для гимназій въ пособіе преподавателямъ, а не ученое изслѣдованіе, достойное вниманія профессоровъ“ *). И вотъ, блистательно сдавъ магистерскій экзаменъ, молодой ученый представляетъ въ 1848 г. въ факультетъ такой трудъ, который уже самъ считаетъ достойнымъ искомой степени. Это — капитальное для своего времени изслѣдованіе *О вліяніи христіанства на славянскій языкъ*. Выборъ темы для диссертации вполне характеризуетъ широкій культурно-историческій горизонтъ Буслаева. Онъ во всеоружіи тогдашнихъ научныхъ средствъ разрабатываетъ такой вопросъ истории просвѣщенія, въ которомъ филологъ является необходимымъ помощникомъ и руководителемъ историка культуры, вопросъ, который вводитъ изслѣдователя въ доисторическій періодъ народа, отразившійся въ его языкѣ, раскрываетъ предъ нимъ путемъ лингвистическаго анализа древнѣйшее языческое міровоззрѣніе, недостижимое для другихъ средствъ науки, и восстанавливаетъ предъ нимъ картину смѣны языческихъ понятій христіанскими, насколько она выясняется въ фактахъ древнѣйшей книжной рѣчи. Это — ученая реставрація цѣлаго періода культуры народа, трудное восстановленіе по отдельнымъ

*) «Мои воспоминанія», В. Е. 1891, т. V, стр. 633.

кусочкамъ старинной разбитой мозаики, предпринятое опытною рукой ученаго археолога-художника. Черезъ полстолѣтіе, протекшее со времени написанія диссертациі, конечно, не трудно указывать отдѣльныя ошибки въ этомъ лингвистическомъ возстановленіи, особенно миѳологическаго періода; но о высокомъ достоинствѣ книги свидѣтельствуеетъ уже одно то, что главныя положенія диссертациі и многія частности вошли давно въ оборотъ общепризнанныхъ выводовъ нашей науки и не утратили своего научнаго значенія. Таковы, на примѣръ, выводы Буслаева, что славянскій языкъ задолго до свв. Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей, что славянскій переводъ Евангелія отличается чистотой выраженія христіанскихъ понятій, происшедшею вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, дохристіанскій бытъ, между тѣмъ какъ готскій переводъ Библии (Ульфила) являетъ рѣзкій переходъ отъ выраженій миѳологическихъ къ христіанскимъ; что славянскій переводъ относится къ той порѣ жизни народной, когда въ языкѣ господствовали еще во всей силѣ понятія о семейномъ бытѣ, между тѣмъ какъ въ языкѣ древне-нѣмецкаго и готскаго переводовъ св. писанія замѣчается большее развитіе государственныхъ понятій...

Въ то время, когда Буслаевъ работалъ надъ диссертациею, онъ уже съ 1847 г. читалъ лекціи русскаго языка въ Московскомъ университетѣ, знакомя притомъ своихъ слушателей съ общими положеніями и главными результатами сравнительнаго языкознанія. Упорная работа надъ печатными и рукописными памятниками языка дала ему черезъ 10 лѣтъ возможность свести систематически всѣ результаты его занятій по языку въ тотъ обширный трудъ, котораго научное вліяніе чувствуется затѣмъ не только во всѣхъ специальныхъ работахъ по исторіи русскаго языка, появлявшихся до нашего времени, но и въ учебникахъ русской грамматики. Всякому извѣстно, что съ года выхода *Опыта исторической грамматики русскаго языка* (1858) имя профессора Буслаева въ теченіе $\frac{1}{4}$ столѣтія становится высшимъ въ Россіи авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ русской грамматики. Въ мірѣ преподавателей русскаго языка всѣ возникающія сомнѣнія обыкновенно разрѣшались ссылкой на Буслаева. Но столь

авторитетный профессор не былъ тѣмъ законодателемъ-грамматикомъ, какимъ въ свое время представлялся Гречъ старому поколѣнію преподавателей. Это былъ добросовѣстный историкъ, старавшійся освѣтить факты современнаго литературнаго и устнаго языка и областныхъ говоровъ прилежнымъ изученіемъ прошлыхъ періодовъ языка и постоянно трудившійся надъ улучшеніемъ и пополненіемъ своего „Опыта“, принявшаго только въ послѣдующихъ, значительно переработанныхъ, изданіяхъ, заглавіе „Исторической грамматики“. Уже въ 1-мъ изданіи одинъ перечень источниковъ, изъ которыхъ взять матеріалъ для грамматики, занимаетъ 4 страницы. При усиленномъ изданіи и изученіи памятниковъ русской письменности въ теченіе 60 и 70 годовъ матеріалъ возрастаетъ съ каждымъ изданіемъ грамматики, а работы другихъ ученыхъ по языку вызываютъ къ пересмотру и передѣлкѣ грандіознаго сооруженія. Пусть оно устарѣло во многомъ — особенно въ отдѣлѣ фонетики и морфологіи, — но по множеству тщательно собраннаго и классифицированнаго матеріала, особенно въ области историческаго синтаксиса, оно и до сихъ поръ не утратило значенія важнаго пособія и основы для дальнѣйшихъ построекъ. Для всѣхъ современныхъ изслѣдователей русскаго языка грамматика Буслаева служила крѣпкими подмостками, по которымъ они взобрались выше архитектора-учителя, и уже это одно даетъ ей неоспоримое право считаться книгою, которой появленіе составило эпоху въ русской филологической наукѣ.

Въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, какъ и раньше, когда Шевыревъ читалъ Буслаеву-студенту курсъ исторіи старинной русской литературы, историкъ ея былъ еще поставленъ въ такія условія, при которыхъ Карамзинъ работалъ надъ своимъ историческимъ трудомъ. Надо было собирать и изучать памятники древней письменности, составлять коллекціи рукописей и издавать ихъ съ критическими примѣчаніями. И Буслаеву-профессору, одновременно съ изслѣдованіями по языку и словесности русской и иностранной — (такъ какъ для послѣдней до университетскаго устава 63 года не была еще отведена самостоятельная кафедра) — приходилось заниматься этой издательской и описательной работой. Такъ, въ 1855 г., въ юбилейномъ изданіи Московскаго Уни-

верситета онъ помѣстилъ обширный трудъ: *Палеографическіе матеріалы для исторіи писемъ славянскихъ*, въ которомъ представилъ рядъ словарныхъ и грамматическихъ извлеченій изъ цѣнныхъ рукописей, большею частью русской редакціи, и альбомъ превосходно исполненныхъ снимковъ, отличное пособіе для изученія палеографіи, исторіи орнамента и миниатюръ. Множество неизданныхъ раньше памятниковъ вошло и въ его извѣстную *Историческую хрестоматію церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ* (М. 1861), съ многочисленными примѣчаніями историко-литературными и лингвистическими, что дѣлаетъ эту обширную и давно вышедшую изъ продажи книгу до сихъ поръ незамѣнимымъ пособіемъ для изученія образцовъ языка.

Уже этотъ рядъ капитальныхъ работъ по русскому языку, появившихся отъ 44-го по 61-й годъ, могъ бы считаться цѣннымъ научнымъ наслѣдіемъ цѣлой жизни русскаго ученаго. Но по производительности и неутомимости въ работѣ съ Буслаевымъ изъ русскихъ современныхъ ему ученыхъ могъ соперничать развѣ только Соловьевъ. Что же касается обширности горизонта его изслѣдованій, то здѣсь онъ не имѣетъ соперниковъ. Цѣнитель Буслаева, какъ историка языка, съ невольнымъ удивленіемъ замѣчаетъ, что въ этомъ періодѣ своихъ занятій по языку Буслаевъ не принадлежитъ ему всецѣло, что онъ смотритъ гораздо дальше однихъ интересовъ языковѣдѣнія, что его широкій культурно-историческій взглядъ обнимаетъ одновременно область русской книжной литературы, народной поэзіи русской и средневѣковой европейской, мифологіи и христіанскаго искусства. Съ 1847 года, когда Буслаевъ занялъ кафедру, по 1860-й годъ у него накопилось по всей этой обширной области столько напечатанныхъ монографій, что онъ могъ собрать ихъ въ двухъ томахъ, обнимающихъ болѣе 1000 страницъ и издать подъ заглавіемъ: *Историческіе очерки русской народной словесности и искусства* (Спб. 1861 г.). Въ этихъ мастерскихъ работахъ еще полнѣе, чѣмъ въ изслѣдованіяхъ языка, могъ высказаться Буслаевъ какъ ученый изслѣдователь, прилагавшій къ русскому матеріалу современный ему методъ, господствовавшій въ европейской наукѣ, какъ художникъ съ тонкимъ пониманіемъ искусства и какъ русскій обще-

ственный дѣятель съ опредѣленнымъ взглядомъ на тѣ противоположныя общественныя направленія, которыя отражались въ наукѣ, литературѣ и жизни. Какъ ученый съ широкимъ образованіемъ, изучившій основательно и на мѣстѣ европейскую науку, культуру и жизнь, Буслаевъ не могъ раздѣлять ни узкихъ народническихъ взглядовъ московскихъ славянофиловъ, ни ихъ презрительнаго отношенія къ западной культурѣ и возвеличенія родной старины, ни ихъ антинаучныхъ приемовъ въ ея истолкованіи. „Любить родную старину и народность“, писалъ онъ *) — „не значитъ все видѣть въ радужномъ свѣтѣ идиллическихъ мечтаній, и наоборотъ — останавливаться на темныхъ сторонахъ древне-русской жизни и въ подробности изучать ихъ, столь же безпристрастно, какъ и свѣтлое и прекрасное, завѣщанное намъ стариной — вовсе не значитъ быть чужду народныхъ симпатій, не любить своего русскаго“. „Но несмотря на мою любовь къ Италиі, признается онъ въ „Воспоминаніяхъ“, и на благоговѣніе къ ученымъ трудамъ Якова Гримма, назвать себя западникомъ я рѣшительно не могъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ это прозвище прилагается къ Чаадаеву и къ Бѣлинскому... Я не стану позорить Византію, потому что знаю высокое ея призваніе въ средневѣковой исторіи просвѣщенія не только въ Россіи, но и въ остальной Европѣ, потому что восхищаюсь великими произведеніями византійскаго искусства... я не презиралъ, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, „дѣла минувшихъ дней, преданья старины глубокой,“... напротивъ того, я посвящалъ себя на прилежное изученіе именно русскихъ преданій и ихъ глубокой старины“ **).

Высокое научное для своего времени и образовательное значеніе „Очерковъ“ Буслаева общеизвѣстно. Думаю, что изъ всѣхъ трудовъ знаменитаго ученаго его очерки читались всего болѣе, и своимъ необыкновенно богатымъ содержаніемъ, интересомъ культурно-историческихъ взглядовъ, поэтическимъ возстановленіемъ русской старины и преданія, высокимъ уваженіемъ и симпатіей къ народности и изящнымъ, нерѣдко художественнымъ изложеніемъ

*) Очерки, II, 102.

**) «Мои Восп.», В. Е. 1891, т. V, стр. 653.

заронили во многихъ читателяхъ интересъ къ изученію тѣхъ вопросовъ, среди которыхъ вращается научная пылливость автора. Основная тема всѣхъ очерковъ необъятно широка: это — духовная жизнь русскаго народа въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Всякій, интересующійся этой темой, той или другой ея стороною, найдетъ въ трудахъ Буслаева то, что наиболѣе привлекаетъ его лично въ духовномъ быту народа. Миѳическія преданія о чловѣкѣ и народѣ, сродство русской языческой старины съ славянской и германской, объясняемое научной теоріей индоевропейскаго наслѣдія, эпическая поэзія и ея значеніе, русскій народный эпосъ, древнѣйшія эпическія преданія славянскихъ племенъ, отраженіе русской старины въ пословицахъ, областныя видоизмѣненія русской народности, черты поэзіи въ такихъ раньше не подозрѣваемыхъ источникахъ, каковы житія святыхъ, лѣчебники, требники, заговоры, художественная и научная оцѣнка Слова о П. И. и нѣкоторыхъ памятниковъ древне-русской письменности, научный интересъ нашего традиціоннаго церковнаго искусства и его связь съ русской жизнью и литературой, византийская и древне-русская символика по рукописямъ, литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ, изображенія страшнаго суда и ихъ интересъ для исторіи ранняго итальянскаго искусства — вотъ образчики тѣхъ разнообразныхъ сторонъ, съ которыхъ захватывалъ Буслаевъ проявленіе русской народности. Многие въ монографіяхъ Буслаева (особенно въ 1-й части) устарѣло вмѣстѣ съ теоріей Гримма, когда ея увлеченіе исконной самобытностью народныхъ вѣрованій и сказаній, вынесенныхъ, по смыслу теоріи, индоевропейскими народами изъ прародины, было подорвано дальнѣйшими изслѣдованіями фольклора на болѣе широкой этнографической почвѣ; многое, что Буслаевъ въ то время считалъ исконнымъ достояніемъ въ народномъ преданіи, впоследствии объяснилось какъ культурный заносъ, согласно съ позднѣйшей, болѣе осторожной и исторически основанной теоріей взаимнаго общенія между народами въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Но высокая цѣна „Очерковъ“ для своего времени уже опредѣляется тѣмъ, что большинство ихъ основано на первой разработкѣ сырого рукописнаго матеріала, котораго значеніе тутъ же впервые выступаетъ въ из-

слѣдованіи ученаго. Почти каждая монографія была открытіемъ новаго и важнаго памятника въ рукописной старинѣ, которую доставляли Буслаеву московскія собранія рукописей (Румянц. музея, гр. Уварова, гр. Строганова, Синодальной бібліотеки, Троицкой лавры и свое собственное).

Конечно, не трудно позднѣйшей наукѣ указывать ошибки въ ученыхъ трудахъ, вышедшихъ болѣе 35-лѣтъ тому назадъ, притомъ ошибки очевидныя и для самого автора уже въ слѣдующее десятилѣтіе. Для насъ интереснѣе отмѣтить, какъ ярко уже въ болѣе раннихъ работахъ замѣтно въ Буслаевѣ его художественное чутье, пріобрѣтенное изученіемъ искусства въ Италиі. Онъ, какъ художникъ, видитъ тѣсную связь между литературой и искусствомъ извѣстной эпохи: онъ разсматриваетъ, напр., такой памятникъ письменности, какова „Бесѣда трехъ святителей“, не только съ цѣлью уяснить въ немъ мифическія преданія въ связи съ духовными стихами, загадками и сказками: онъ старается объяснить вообще художественный стиль литературнаго памятника и указываетъ на его соотвѣтствіе стилю романскому*), который въ украшеніяхъ на капителяхъ, порталахъ и во всѣхъ подробностяхъ скульптурныхъ, представляетъ грубѣйшую смѣсь языческаго съ христіанскимъ, смѣсь вѣрованій и воззрѣній туземныхъ съ заимствованными“. Въ этой и другихъ вылазкахъ историка литературы въ область искусства уже чувствуется Буслаевъ послѣдняго періода его ученой дороги, когда, оставивъ разработку исторіи языка своимъ ученикамъ, и пройдя по пути изученія народности въ устной поэзіи и письменной литературѣ къ изслѣдованію этой народности въ искусствѣ, онъ съ обычнымъ увлеченіемъ и упорствомъ трудолюбія всецѣло погружается въ изученіе древне-русской иконописи, миниатюры и орнамента. Повернувъ на этотъ еще мало проторенный путь съ 1868 года, Буслаевъ лишь изрѣдка отходитъ отъ него въ сторону, и то по внѣшнимъ побужденіямъ. Такъ, онъ откликается на приглашеніе Академіи наукъ двумя обширными разборами представленныхъ на соисканіе Уваровскихъ наградъ трудовъ по русскому эпосу (Стасова и О. Мил-

*) Очерки, II, 21.

лера); такъ, уступая настояніямъ Академіи, онъ соглашается на изданіе собранія своихъ статей 60-хъ годовъ по народной поэзіи (*Народная поэзія. Историческіе Очерки.* Спб. 1887), но въ томъ видѣ, какъ онѣ впервые появились въ печати, сознавая, что капитальная перестройка, которой онѣ требуютъ, уже ему не по силамъ и отклонила бы его отъ работы по искусству, которая владѣла всѣми его научными помыслами.

Я недостаточно свѣдущъ, чтобы взять на себя научную оцѣнку трудовъ по древне-русскому искусству, наполнившихъ послѣднюю треть жизни Буслаева. Я могу только отмѣтить его отношеніе къ дѣлу и, какъ читатель, указать на главныя идеи, которыя онъ высказываетъ въ этой мало знакомой мнѣ области.

Пятидесятилѣтній, извѣстный ученый, чувствующій уже первые признаки наступающей старости, съ неостывшимъ пыломъ къ приобрѣтенію новыхъ знаній, предпринимаетъ поѣздки за границу, чтобъ въ Германіи и Италіи возобновить и пополнить свое художественное образованіе, чтобы усвоить себѣ тотъ уровень европейской науки, котораго она достигла въ изученіи древне-христіанскаго искусства. Онъ посѣщаетъ музеи и частныя собранія памятниковъ ранняго періода искусства, ищетъ знакомства съ европейскими специалистами, слушаетъ, какъ прилежный ученикъ, ихъ объясненія (напр., іезуита Кайэ въ Парижѣ), изучаетъ въ библіотекахъ рѣдкія и художественныя старинныя рукописи съ миниатюрами. Въ Россіи высокій научный авторитетъ даетъ ему возможность пользоваться у себя на дому всѣми лучшими лицевыми рукописями изъ разныхъ собраній. Благодаря такой широкой постановкѣ изученія, труды этого періода Буслаева обнаруживаютъ громадную эрудицію, опытность знатока, величайшую точность въ работѣ и крайнюю осмотрительность въ выводахъ. Въ нихъ всюду видно осторожное сужденіе зрѣлаго историка, взвѣшивающаго каждое слово и обставляющаго каждый выводъ всесторонне продуманными доказательствами. Такъ, въ обширной монографіи *Общія понятія о русской иконописи* (напеч. въ Сборникѣ на 1866 г., издав. Обществомъ Древне-русскаго искусства), Буслаевъ вводитъ нашу иконопись въ общую систему исторіи христіанскаго искусства, въ которой она получитъ себѣ ясное

опредѣленіе, дасть сжатый, но яркій историческій очеркъ искусства на Руси сравнительно съ искусствомъ на Западѣ, уясняетъ методъ изученія русской иконописи и источники иконописнаго преданія, и съ научнымъ чутьемъ, изощреннымъ обширнымъ изученіемъ искусства Востока и Запада, намѣчаетъ задачи, предстоящія изслѣдователю древне-русской иконописи. Едва ли я ошибусь, высказавъ свое личное впечатлѣніе, что монографія Буслаева представляетъ до сихъ поръ лучшее введеніе въ эту область научнаго изученія.

Переходя въ другихъ работахъ отъ изученія литературнаго содержанія рукописей къ орнаментациі ихъ, онъ проводитъ часто мысль о тѣсной связи русскаго орнамента съ письменностью, и вообще со всѣмъ развитіемъ нашей литературы и иконографіи. Въ своей обширной статьѣ *Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго*, написанной по поводу книги Виолле-Ле-Дюка и полемики, ею вызванной*), Буслаевъ даетъ неожиданно читателю цѣлый очеркъ развитія русскаго орнамента, слѣдуя за нимъ шагъ за шагомъ по многочисленнымъ рукописямъ — плодъ многолѣтнихъ наблюденій, высокооцѣненный на Западѣ (статья немедленно была переведена въ „Archiv für Slavische Philologie“). Здѣсь же онъ еще разъ уясняетъ значеніе нашего подлинника, въ его многоразличныхъ редакціяхъ, и указываетъ его почетное мѣсто въ исторіи религіозныхъ и художественныхъ идей средневѣковаго искусства, а также значеніе нашей иконографіи, приносящей драгоцѣнные вклады въ археологію и исторію иконографіи народовъ западныхъ. Историко-сравнительный методъ, прилагавшійся Буслаевымъ въ работахъ по языку и словесности, здѣсь, въ области искусства, открываетъ новыя перспективы въ исторіи художественныхъ вліяній, въ уясненіи, на примѣръ, тѣхъ стилей орнаментациі рукописей, которые Буслаевъ называетъ: *болгаро-сербскимъ*, *фряжскимъ* и *возрожденнымъ византійскимъ*. Я не могу здѣсь перечислить всѣхъ многочисленныхъ статей и этюдовъ по искусству, разсѣянныхъ въ сборникахъ Общества древнерусскаго искусства и въ сборникѣ

*) Критическое обозрѣніе 1879 г., №№ 5 и 2.

Мои досуги (М. 1886, 2 части) *). Упомяну только два главные специальные труда: *Образцы письма и украшений изъ псалтыри съ возмѣдованіемъ по рукописи XV вѣка Троицкой Сергіевой Лавры*, съ обширнымъ введеніемъ, содержащимъ ученый комментарий къ орнаментамъ, и послѣдній монументальный, прямо богатырскій трудъ: *Русскій лицевой апокалипсисъ*, — сводъ изображеній изъ лицевыхъ апокалипсисовъ по рукописямъ съ XVII по XIX (М. 1884, стр. XIV+835), снабженный альбомомъ снимковъ на 285 таблицахъ. Въ этомъ колоссальномъ изслѣдованіи о происхожденіи и историческомъ развитіи нашего Лицевого Апокалипсиса, основанномъ на изученіи и подробномъ описаніи 19 рукописей XVI — XVII в. и нѣсколькихъ позднѣйшихъ, авторъ блестящимъ образомъ прилагаетъ историко-сравнительный методъ, который уясняетъ сходство нашихъ миниатюръ XVI в. съ западными X — XII вв., обнаруживаетъ у насъ замѣчательную живучесть иконографическаго преданія и такимъ образомъ еще разъ подтверждаетъ важность нашихъ миниатюръ для исторіи раннихъ западныхъ, которыхъ византійская, утратившаяся основа сохранена русской традиціей. — Напомню, что за этотъ и другіе труды по древнерусскому искусству Московскій университетъ почтилъ маститаго ученаго поднесеніемъ ему почетнаго званія доктора исторіи искусства.

Разсказывая въ „Воспоминаніяхъ“ о своемъ поворотѣ къ исторіи искусства, Буслаевъ объясняетъ разнообразіе предметовъ своего изслѣдованія до конца 60-хъ годовъ тѣмъ, что онъ принадлежалъ еще къ поколѣнію прежнихъ профессоровъ-энциклопедистовъ, хотя все же не разбрасывался такъ далеко и широко въ своихъ ученыхъ и литературныхъ замыслахъ, какъ Давыдовъ, Шевыревъ, Погодинъ, и не вдавался въ публицистику *). Это совершенно справедливо. Буслаевъ въ своихъ многостороннихъ изысканіяхъ, какъ ученый и профессоръ, долженъ былъ удовлетворять потребностямъ своего времени. А наша наука въ сороковыхъ годахъ, въ ея стремленіи къ всестороннему историческому

*) Напримѣръ: Римскія письма, Бамбергъ, Шартрскій соборъ, Христіанскій музей при берлинскомъ университетѣ и друг.

*) «Мои Восп.», В. Е. 1892, т. II, стр. 171.

освѣщенію русской народности, въ ея поискахъ новыхъ путей и матеріаловъ для рѣшенія этой' необъятной задачи, при немногочисленности наличныхъ ученыхъ силъ, еще не могла позволить себѣ роскошь — имѣть специалистовъ для отдѣльной разработки всѣхъ частей этой задачи. Работниковъ было мало, и принципъ раздѣленія труда не могъ быть проводимъ такъ, какъ онъ можетъ съ пользой для успѣховъ науки проводиться въ наше время. И другіе ученые Буслаевского поколѣнія въ своемъ научномъ кругозорѣ были шире ученыхъ специалистовъ, выступившихъ въ 70 и 80 годахъ. Но эта многосторонность Буслаева, соотвѣтствовавшая и потребностямъ его времени, и его богато одаренной натурѣ, и широтѣ полученной имъ научной подготовки, все же не объясняетъ намъ, почему въ обширномъ кругѣ его научныхъ симпатій въ послѣдній періодъ его жизни выдвинулась исторія искусства и окончательно заслонила всѣ другіе интересы — русскій языкъ, книжную старину, народную поэзію и средневѣковую литературу Запада. Какъ же объясняетъ этотъ поворотъ самъ Буслаевъ? Отдавая себѣ отчетъ въ своей ученой дѣятельности, онъ сознается, что ученики, пошедшіе вслѣдъ за нимъ, опередили его въ изученіи языка, русской и европейской литературы. „Учрежденіе въ нашихъ университетахъ особой кафедрой общей литературы“, замѣчаетъ онъ *), „давало специалистамъ широкій просторъ для изученія этого предмета и открывало новые пути для сравнительнаго метода“... Въ области изученія народной поэтической старины и преданія „Гриммовская школа съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ миѳологіи, обычаевъ и сказаній, которое я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго международнаго общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ“ **). Съ другой стороны, расширение сравнительнаго изученія средневѣковой литературы возстановило интересъ и къ той области, къ которой также обращался Буслаевъ въ своихъ историко-литературныхъ разысканіяхъ. „Византійщина“, — говоритъ онъ, — „такъ долго остававшаяся въ загонѣ, была наконецъ оцѣнена по достоинству и получила узаконенныя

*) Тамъ же, стр. 171.

**) Народная поэзія. Предисловіе, стр. III.

права гражданства въ изслѣдованіяхъ ранняго періода въ средне-вѣковой исторіи европейской цивилизаціи. Задаваться этимъ новымъ для меня дѣломъ не хватало уже моихъ силъ. Я предоставилъ его молодому поколѣнію ученыхъ, между которыми любовался на своихъ учениковъ. Мнѣ стало очевидно, что я начинаю старѣть, что пѣсенка моя спѣта“ *). Но мы не будемъ, вмѣстѣ съ Буслаевымъ, объяснять его поворотъ къ работамъ по исторіи искусства единственно этимъ вылившимся у него сознаниемъ своей отсталости въ прежнихъ областяхъ его занятій. Не скрытое честолюбіе ученаго, не желаніе пріобрѣсть славу протореніемъ новыхъ путей, такъ какъ на прежнихъ его опередили ученики, влечеть его въ область искусства. Позволю себѣ иначе мотивировать его рѣшеніе. Пробѣгая мысленнымъ взоромъ свою трудовую жизнь, сознавая обширный вкладъ, сдѣланный имъ въ русскую науку въ области исторіи языка и литературы и чувствуя приближеніе старости, ученый долженъ былъ ощущать потребность въ отдыхѣ. Но каковъ можетъ быть отдыхъ для вѣчно-пытливой мысли ученаго, для котораго жизнь внѣ научной сферы невозможна. Думаю, что только въ одномъ: въ возможности выбрать среди своего научнаго кругозора область наиболѣе излюбленную, всего болѣе отвѣчающую запросамъ ума и сердца, изслѣдованіе которой сопровождалось бы наибольшимъ духовнымъ наслажденіемъ. Зная, какъ сильно влекла къ себѣ Буслаева — еще юношу — исторія искусства, какимъ „праздникомъ сердца“ было для него его пребываніе въ Италіи, въ его юношескіе годы, съ какимъ высокимъ благоговѣніемъ къ искусству вырабатывалъ онъ въ себѣ цѣнителя и знатока, какъ ярко затѣмъ сказывается во всѣхъ его прежнихъ работахъ — по языку, народной поэзіи, средне-вѣковой литературѣ и искусству — ученый художникъ, наконецъ, читая полныя юношескаго одушевленія искусствомъ его „Римскія письма“ (1875 г.), мы поймемъ, что старѣющій ученый, рѣшивъ сосредоточить свою научную пытливость на искусствѣ, лишь возвратился къ симпатіямъ молодости, поймемъ, почему Римъ, связанный съ поэтическимъ періодомъ его *Wanderjahren*, привелъ его къ Византіи.

*) «Мои Восп.», В. Е. 1892, т. II, стр. 172.

Не одни ученые кабинетные труды Буслаева въ разныхъ областяхъ вносили движеніе въ русскую науку. Имя Буслаева пользовалось всероссійской извѣстностью, какъ профессора Московскаго университета, какъ опытнаго преподавателя, подготовившаго много поколѣній учениковъ, которые въ университетскихъ аудиторіяхъ и въ классахъ среднеучебныхъ заведеній знакомили въ свою очередь своихъ учениковъ съ научными взглядами учителя. Въ нашей печати можно указать нѣсколько воспоминаній учениковъ о Буслаевѣ, какъ о профессорѣ. Всѣ они представляютъ интересный матеріаль для его будущаго біографа. Но въ настоящее время я устраняю весь этотъ матеріаль и мои личные воспоминанія, такъ какъ я убѣжденъ, что самая точная характеристика Буслаева, какъ профессора, сдѣлана имъ самимъ. Въ 1876 г. (21-го марта) Буслаевъ въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской словесности читалъ свои воспоминанія о своемъ учителѣ М. П. Погодинѣ и характеризовалъ его университетское преподаваніе. Если въ слѣдующихъ строкахъ названной статьи мы мысленно имя Погодина замѣнимъ именемъ Буслаева, то получимъ самую вѣрную характеристику Буслаева-профессора, подъ которой могъ бы подписаться всякій изъ бывшихъ учениковъ его:

„Михаилъ Петровичъ предлагалъ намъ съ кафедры то, что въ данную минуту составляло предметъ его ученыхъ интересовъ, надъ чѣмъ онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ. Потому въ общемъ курсѣ онъ всегда отступалъ отъ главной нити изложенія и вдавался въ спеціальности, иногда отрывочно, внѣ всякой системы — сообщалъ намъ свои наблюденія и открытія. Лекція была для него только продолженіемъ его кабинетной работы, однимъ изъ моментовъ его собственной ученой жизни: на кафедрѣ онъ вводилъ насъ въ самый процессъ ученаго труда, который въ ту минуту поглощалъ собою всѣ его умственные интересы; онъ увлекался этими свѣжими интересами собственной работы и тѣмъ самымъ увлекалъ и своихъ слушателей, — не словами, а самымъ дѣломъ, своею личностью внушалъ воодушевленіе и любовь къ наукѣ“ *).

Здѣсь всякій бывший слушатель Буслаева найдетъ знакомыя

*) «Мои досуги», ч. II-я, стр. 249.

черты своего профессора. Буслаевъ не былъ блестящимъ лекторомъ, никогда не рассчитывалъ на большую аудиторію, не искалъ популярности. Вводя своихъ слушателей „въ самый процессъ ученаго труда, который въ ту минуту поглощалъ всѣ его умственные интересы“, онъ, какъ увлеченный своими изслѣдованіями ученый, предполагалъ въ своихъ слушателяхъ такой же интересъ къ каждому занимавшему его вопросу, иногда очень спеціальному, который испытывалъ самъ. Конечно, даже среди студентовъ-филологовъ не всѣ увлекались старинной русской письменностью или вопросами по исторіи русскаго языка. Не всѣ были въ состояніи оцѣнить значеніе открытій, которыя впервые оглашались съ университетской кафедры, ни новаго научнаго освѣщенія уже ранѣе извѣстныхъ памятниковъ. Но на многія болѣе глубокия натуры увлеченіе профессора дѣйствовало обаятельно и зароняло въ нихъ желаніе проникнуть дальше въ самую лабораторію, въ которой подъ руками опытнаго ученаго творился процессъ ученой работы. Вотъ что говоритъ о лекціяхъ Буслаева его знаменитый ученикъ, академикъ А. Н. Веселовскій: „Онъ читалъ оригинально, по-своему, съ нѣкоторыми скачками, связь которыхъ не легко давалась новичку: заключеніе являлось нерѣдко неожиданнымъ; чтобъ усвоить его, лекцію приходилось передумать; увлекали его вѣянія Гриммовъ, откровенія народной поэзіи, главное: работа, творившаяся почти на глазахъ, орудовавшая мелочами, извлекавшая неожиданныя откровенія изъ разныхъ цвѣтниковъ, пчель и т. п. старья*). Понятно, что при такомъ характерѣ преподаванія Буслаевъ могъ рассчитывать только на „избранныхъ“, въ чемъ онъ и самъ сознается въ своихъ „Воспоминаніяхъ“: „На расположеніе равнодушной толпы я никогда не рассчитывалъ и вполнѣ довольствовался сочувствіемъ немногихъ избранныхъ, настоящихъ моихъ учениковъ, которые любовно и преданно цѣнили мои труды и изслѣдованія въ непечатыхъ еще тогда сокровищахъ русской старины и народности**).

Зато эти „избранные“ навсегда сохраняютъ благодарное воспоманіе о Буслаевѣ, какъ о руководителѣ. Никогда никому не отка-

*) А. Пыпина — Исторія русской этнографіи, т. II. Дополненія, стр. 424.

***) «Мои воспоминанія» В. Е. 1892, т. I, стр. 572.

зывать онъ въ совѣтъ или указаніи. Онъ щедро снабжалъ ихъ книгами своей личной библіотеки, давалъ списывать у себя на дому свои лекціи и рукописи, занимался частнымъ образомъ по вечерамъ съ нѣкоторыми болѣе ревностными изъ своихъ слушателей. Такъ, въ 1866 году, начавъ лекціи о Дантѣ тому курсу, къ которому я принадлежалъ, онъ предложилъ всѣмъ желающимъ изъ насъ заниматься у него на дому итальянскимъ языкомъ, и эти домашнія занятія подъ его руководствомъ продолжались всю зиму. Другой такой же домашній курсъ Буслаева извѣстенъ мнѣ изъ его „Воспоминаній“. Когда въ началѣ 60-хъ годовъ, вслѣдствіе студенческихъ беспорядковъ Московскій университетъ былъ временно закрытъ, Буслаевъ устроилъ у себя домашнія лекціи. „Я кликнулъ кличъ, — пишетъ онъ, — и студентовъ набралось на цѣлую аудиторію. Будто ни въ чемъ не бывало, я продолжалъ имъ читать лекціи, внезапно прерванныя „дрезденскимъ погромомъ“, и не переставалъ до тѣхъ поръ, пока не открылся, съ разрѣшенія правительства, нашъ университетъ *)).

Занятія со студентами и курсы, прочитанные Буслаевымъ въ Московскомъ университетѣ, были чрезвычайно разнообразны. Прикомандированный въ 1842 году въ помощники профессорамъ русской словесности И. И. Давыдову и С. П. Шевыреву, Буслаевъ прочитывалъ и оцѣнивалъ сочиненія и другія письменныя работы студентовъ перваго курса словеснаго, юридическаго и математическаго отдѣленій. Затѣмъ, съ января 1847 года онъ, въ качествѣ сторонняго преподавателя, сталъ читать лекціи русской словесности сначала студентамъ 1-го курса физико-математическаго факультета, а потомъ и студентамъ 2-го и 3-го курсовъ историко-филологическаго, занимаясь съ первыми преимущественно практическими упражненіями въ русскомъ языкѣ и слогѣ, а со вторыми — сравнительно - историческимъ изученіемъ русскаго языка (**). Въ лекціяхъ сравнительной грамматики, входившихъ въ названный курсъ, Буслаевъ, по его словамъ, ограничивался только общими положеніями и главнѣйшими результатами въ той мѣрѣ, сколько

*) «Мои воспоминанія», В. Е. 1882, т. II, стр. 161.

**) См. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей И. М. У. ч. I. 1855, стр. 135.

было нужно, чтобъ опредѣлить отличительныя черты группы славянскихъ нарѣчій и указать имъ надлежащее мѣсто въ средѣ другихъ индоевропейскихъ языковъ. Исторію русскаго языка онъ велъ въ связи съ церковнославянскимъ и особенно останавливался на изученіи со студентами языка Остромирова Евангелія **). Дальнѣйшіе курсы Буслаева, въ 50 и 60-хъ годахъ, стоятъ въ тѣсной связи съ его кабинетными занятіями средневѣковой и народной словесностью какъ русской, такъ и западноевропейской. „Исторія русской и вообще средневѣковой литературы“, — говоритъ онъ, — „такой обширный и всеобъемлющій предметъ, что я не иначе могъ распорядиться имъ въ своихъ университетскихъ лекціяхъ, какъ раздробляя его на спеціальныя курсы, которые ежегодно мѣнялъ по мѣрѣ того, какъ вдавался все дальше и глубже въ новыя изслѣдованія по русской старинѣ и народности. Потому, чтобы не растерять безслѣдно съ большимъ трудомъ собираемые мною факты, я не ограничивался въ приготовленіи къ лекціи голосовыми программами, а писалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ все, что буду излагать своимъ слушателямъ“ **). О содержаніи и характерѣ изложенія этихъ лекцій-изслѣдованій можно судить по многимъ изъ нихъ, вошедшимъ въ видѣ монографій въ „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“. Но еще болѣе полное понятіе о разнообразіи и содержательности курсовъ Буслаева даетъ просмотръ нѣсколькихъ серій его лекцій, переданныхъ имъ въ оригинальныхъ рукописяхъ Румянцовскому публичному музею въ 80-хъ годахъ. Здѣсь мы находимъ лекціи по сравнительно-исторической грамматикѣ, по сравнительному изученію народной словесности (эпосъ скандинавскій, англосаксонскій и готскій), по русской средневѣковой литературѣ въ ея развитіи по областямъ, по русскому богатырскому эпосу, по средневѣковой литературѣ Западной Европы до XIV вѣка, по старинной русской повѣствовательной литературѣ и проч. Особеннаго вниманія заслуживаетъ обширный трехгодичный курсъ по итальянской литературѣ, прочитанный Буслаевымъ въ срединѣ 60-хъ годовъ. Подъ вліяніемъ своего пребыванія въ Италіи въ 64 году и шестисот-

*) «Мои воспоминанія», В. Е. 1891, т. VI, стр. 141.

***) «Мои воспоминанія», В. Е. 1892, т. I, стр. 574.

лѣтняго юбилея дня рожденія Данта, отпразднованнаго всей Ита-
ліей, какъ великое національное празднество, въ 1865 году, Бу-
слаевъ по возвращеніи изъ-за границы предпринялъ читать сту-
дентамъ филологическаго факультета специальный курсъ о вели-
комъ европейскомъ поэтѣ въ теченіе трехъ лѣтъ.

„Я началъ, — говоритъ онъ, — съ общаго обзорѣнія церковнаго,
политическаго, общественнаго и семейнаго быта среднихъ вѣковъ
въ связи съ литературой и наукой, а окончилъ подробнымъ из-
ложеніемъ и разборомъ „Божественной комедіи“, на которую упо-
требилъ цѣлый годъ“ *). Этимъ трехгодичнымъ курсомъ, посвя-
щеннымъ всестороннему разъясненію гениальнаго произведенія
XIII в., къ появленію котораго вся предшествующая литература
Италіи служила приуготовленіемъ, знаменитый русскій ученый от-
далъ дань высокаго уваженія великому поэту, который оказалъ на
него такое сильное просвѣтительное вліяніе въ тѣ ранніе годы,
когда Буслаевъ-юноша, на родинѣ Данта, весь проникнутый впе-
чатлѣніями классической и средневѣковой культуры и жизни, го-
товился къ своему будущему славному научному поприщу.

Вполнѣ сознаю, что въ моей характеристикѣ недостаточно
ярко очерченъ Буслаевъ, какъ профессоръ. Я увѣренъ, что къ
появившимся уже въ печати воспоминаніямъ учениковъ о Буслаевѣ
присоединится не мало другихъ, которыя и съ этой стороны освѣ-
тятъ его значеніе. Такія воспоминанія сохранилъ и я, какъ одинъ
изъ многихъ; но не нахожу возможнымъ теперь же дополнить ими
мою характеристику. Въ предложенномъ очеркѣ я хотѣлъ, глав-
нымъ образомъ, припомнить пройденный Буслаевымъ научный путь
и уяснить себѣ то цѣльное впечатлѣніе, какое производитъ Бу-
слаевъ-ученый. Исторія науки уже при жизни Буслаева признала
и оцѣнила его высокія заслуги: въ научной постановкѣ вопроса
объ изученіи русской народности, въ области языка, вѣрованій,
поэзіи, старинной письменности и искусства; въ развитіи симпатій
въ нашемъ обществѣ къ изученію народной струи въ литературѣ;
въ научномъ возбужденіи къ такимъ изслѣдованіямъ многихъ уче-
никовъ, получившихъ на его лекціяхъ первый импульсъ къ своимъ

*) «Мои воспоминанія», В. Е., 1892, т. II, стр. 166. См. рукоп. М. П. Рум.
М., № 2739.

будущимъ спеціальнымъ разысканіямъ. Дальнѣйшая разработка *исторіи* русской науки еще подробнѣе впоследствии выяснитъ все эти заслуги покойнаго ученаго. Но, думаю, что историки русской науки и движенія общественной мысли найдутъ объясненіе основнаго характера научныхъ трудовъ Буслаева и тайны его обширнаго вліянія на нѣсколько поколѣній его учениковъ въ той мысли, которую я старался уяснить въ этомъ очеркѣ. Русская наука и общество такъ много обязаны Буслаеву потому, что природа счастливо сочетала въ этомъ изящномъ духовномъ организмѣ пытливый умъ изслѣдователя, тонкое пониманіе красоты, свойственное художнику, душу высокаго идеалиста и отзывчивое сердце добраго человѣка.

Всеv. Миллеръ.

Памяти Буслаева. *)

Мы собрались сегодня, чтобы помянуть добрымъ словомъ одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей русской науки и русскаго просвѣщенія — Ѳедора Ивановича Буслаева. Покойный былъ учителемъ въ лучшемъ смыслѣ слова, не только на кафедрѣ профессора и преподавателя, но и во всей своей ученой и литературной дѣятельности. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ избранныхъ, которые умѣютъ вдохнуть свои идеи ученикамъ и возбудить въ нихъ горячую любовь къ дѣлу. Вліяніе Ѳедора Ивановича на постановку русскаго языка и словесности въ Россіи поистинѣ велико: всѣ преподающіе языкъ и словесность, прямо или косвенно, сознательно или безсознательно, дѣйствуютъ подъ этимъ вліяніемъ, и задача заключается лишь въ томъ, чтобы выяснитъ его направленіе и размѣры. Этой задачѣ и будутъ посвящены предполагаемые рефераты. Ихъ будетъ много, они касаются очень разнобразныхъ предметовъ, и, все-таки, многое останется неосвѣщеннымъ и недосказаннымъ. Чтобы дать дѣятельности Ѳедора Ивановича исчерпывающую характеристику, пришлось-бы устроить цѣлый рядъ засѣданій. Уже въ самомъ этомъ фактѣ выражается одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ признаковъ этой дѣятельности — необыкновенная ея многосторонность.

На одномъ изъ тѣхъ „воскресеній“, въ которыя у Ѳедора Ивановича собирались и студенческая молодежь, и извѣстные ученые, мнѣ пришлось слышать, какъ Ѳедоръ Ивановичъ съ восторгомъ говорилъ о Яковѣ Гриммѣ. Онъ выражалъ удивленіе его громадной работѣ, захватившей и языкъ, и мифологію, и народную поэзію, и юридическія древности. Самъ Ѳедоръ Ивановичъ

*) Вступительная рѣчь председателя Учебнаго Отдѣла проф. П. Г. Виноградова, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Отдѣла 10 декабря 1897 года.

былъ своего рода Яковомъ Гриммомъ для Россіи. Однимъ изъ условій, объясняющихъ его поразительную многосторонность и плодovitость, была, мнѣ кажется, художественная цѣльность его души и таланта. Умъ его работалъ не въ отвлеченныхъ схемахъ, а въ живомъ синтезѣ; интересы его не укладывались подъ строго разграниченными рубриками, а охватывали предметъ со всѣхъ его сторонъ.

Хотя каждый изъ рефератовъ нынѣшняго засѣданія будетъ касаться лишь одной части работы Федора Ивановича, но всѣ они вмѣстѣ, надо надѣяться, посодѣйствуютъ возстановленію передъ нами незабвеннаго образа этого оригинальнаго, чуткаго мыслителя.

П. Виноградовъ.

Педагогическіе завѣты Ѳ. И. Буслаева *).

Ѳедоръ Ивановичъ однажды сказалъ: „Если бы я не избралъ себѣ педагогическаго поприща и въ 1838 году не поступилъ учителемъ русскаго языка во 2-ю московскую гимназію, то въ 1888 г. члены 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ не привѣтствовали бы меня, какъ одного изъ достойныхъ своихъ товарищей“.

Въ виду такой тѣсной связи педагогическихъ заслугъ Ѳ. И. съ его ученою славою, нашъ долгъ въ этомъ собраніи почтить память его, прежде всего какъ педагога.

Возстановимъ предъ собой его образъ, какъ онъ начертался въ его дѣятельности, и выяснимъ себѣ, какіе завѣты оставилъ намъ незабвенный нашъ учитель.

Во 2-й гимназіи Ѳ. И. оставался не долго. Въ томъ же учебномъ году въ апрѣлѣ онъ получилъ заграничный отпускъ и, въ качествѣ домашняго учителя при дѣтяхъ гр. Строганова, отправился съ ними въ путешествіе по Западной Европѣ. Это двухлѣтнее путешествіе имѣло громадное значеніе для начинающаго дѣятеля. Тамъ, въ странѣ науки и свободы, онъ усвоилъ себѣ идеалы, которымъ потомъ оставался неизмѣнно вѣренъ до конца своихъ дней. Дѣйствительно, такія впечатлѣнія, какъ отъ Дрезденской галлерей, отъ памятниковъ вѣчнаго Рима и отъ всѣхъ богатствъ разнообразной литературы Запада, и ученой и педагогической, не могли не захватить могучей волной чуткую, воспримчивую душу, и Ѳ. И. возвратился домой съ запасомъ новыхъ силъ, готовый ратовать за свои свѣтлые идеалы.

Возвратившись въ 1841 году, онъ опять занялъ мѣсто учителя, но только не во 2-й, а въ 3-й гимназіи. Онъ опредѣленъ былъ старшимъ учителемъ словесности по реальному отдѣленію, каковое тогда было при 3-й гимназіи, съ возложеніемъ на него и

*) Прочитано въ засѣданіи Учебнаго Отдѣла 10 декабря 1897 года.

обязанностей младшаго преподавателя въ 3-хъ низшихъ классахъ. Здѣсь *Θ. И.* работаль пять лѣтъ до 1846 г. Нужно припомнить, что тогда была наша школа, чтобы понять и положеніе *Θ. И.* въ этой школѣ и его значеніе для нея. На всемъ ея строѣ лежала печать безпросвѣтной рутины: задаванье отъ-сихъ-до-сихъ по учебнику, субботнія расправы за неисполненіе уроковъ, совершенное невниманіе къ потребностямъ дѣтскаго развитія, затхлыя схоластическія руководства — вотъ довольно всѣмъ извѣстныя черты тогдашней педагогики. Строго преслѣдовалось все новое: по русскому языку приняты были въ большинствѣ учебники Греча и хрестоматія Пенинскаго, новыя руководства не допускались. Такъ въ 1843 году распоряженіемъ попечителя округа воспрещено было употребленіе въ гимназіяхъ извѣстной теперь всѣмъ Русской хрестоматіи Галахова, только что вышедшей тогда въ свѣтъ. Чтобы какъ-нибудь дать ходъ новой книгѣ, авторы часто въ предисловіи предусмотрительно упоминали, что книга назначается быть лишь дополненіемъ къ Гречу: такъ боялись задѣть интересы этого откупщика русской грамматики.

Не легко было свѣжему человѣку чувствовать себя въ такой душливой атмосферѣ: нужно было много энергіи, чтобы не заразиться ея тлетворнымъ дыханіемъ. И *Θ. И.* остался не тронуть ею. Его первые уроки дѣтямъ дышать любовью нѣжной матери, а на дальнѣйшихъ ступеняхъ онъ ведетъ своихъ питомцевъ въ свѣтлый міръ истинной науки. Такое впечатлѣніе и теперь производитъ составленная имъ тогда книга: „О преподаваніи отечественнаго языка“; а для тогдашней школы это былъ прямо свѣтлый лучъ, упавшій въ юдоль мрака и дѣтскихъ слезъ. Съ первыхъ строкъ этой книги *Θ. И.* постоянно внушаетъ на первомъ планѣ всегда имѣть личность учащагося: развитіе этой личности и составляетъ важнѣйшую цѣль обученія; предметъ обученія только средство къ духовному развитію ученика. Не грамматика въ ея схоластической системѣ должна быть предметомъ изученія для дѣтей; прежде чѣмъ приступить къ грамматическимъ объясненіямъ, нужно ввести дѣтей въ пониманіе самаго языка. На разговорѣ, на чтеніи дѣти должны привыкнуть всматриваться и въ строй рѣчи и въ измѣненія словъ. Только на высшей ступени

обученія грамматика можетъ быть предложена въ системѣ. Главное занятіе съ дѣтьми — объяснительное чтеніе. Путемъ постоянного чтенія и разбора ученики потомъ знакомятся и съ литературой. Вникать въ мысль писателя и изучать способы выраженія мысли — вотъ важнѣйшая задача на урокахъ словесности въ высшихъ классахъ. Книга Буслаева „О преподаваніи“ во второй части даетъ цѣлый рядъ указаній, на какія явленія языка учитель можетъ обратить вниманіе учениковъ, и какъ отъ этихъ явленій онъ можетъ вести ихъ къ уразумѣнію и древнихъ вѣрованій и стариннаго быта — если читается древній памятникъ, и къ знакомству съ личностью и убѣжденіями писателя — въ произведеніяхъ современной литературы. Не только для того времени, но и для насъ — это высокіе идеалы.

Но книга у насъ всегда относилась къ числу такъ называемыхъ средствъ, медленно дѣйствующихъ, и не Буслаеву было, съ его пылкой, живой душой успокоиться на изданіи книги. Рутинна могла затянуть и книгу и его самого. Такъ, сочиненіе „О преподаваніи отечественнаго языка“ напечатано въ 1844 году, а еще въ 1846 году, въ той же гимназій, гдѣ служилъ Ѳ. И., на педагогическомъ совѣтѣ директоръ гимназій заявляетъ, что „изученіе словесности на реальномъ курсѣ, основанное преимущественно на историческомъ развитіи русскаго языка по нашимъ лѣтописямъ и поэтическимъ памятникамъ, напримѣръ, „Слову о полку Игоревѣ“, представляется не соотвѣтствующимъ будущему назначенію учениковъ реальнаго курса, и что учениковъ слѣдовало бы занимать скорѣе дѣловыми упражненіями“. Разумѣлись коммерческія писъма, просьбы, квитанціи, объявленія. А между тѣмъ уже въ своей книгѣ Ѳ. И. по достоинству оцѣнилъ этотъ родъ упражненій.

Если даже въ своей гимназій преподаватель-новаторъ встрѣчалъ такое противодѣйствіе, то какъ онъ могъ ожидать успѣха тамъ, гдѣ онъ не могъ подать и голоса, гдѣ раздавался только голосъ Греча и К°. И вотъ Ѳ. И. выноситъ бой на болѣе широкое поле. Въ „Москвитянинѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ мы находимъ рядъ статей, посвященныхъ вопросамъ преподаванія; онѣ имѣютъ характеръ полемическій и наиболѣе видныя изъ нихъ направлены противъ

Греча („Москвитянинъ“ 1845 г., № 2-й; „Отечественныя Записки“ 1856 г., № 12-й).

Я не буду долго останавливаться на этихъ статьяхъ; Буслаевъ уличаетъ въ нихъ Греча въ такихъ несообразностяхъ, въ такихъ противорѣчiяхъ, которыя теперь непростительны были бы школьнику и которыя возможны были только въ то время, когда на науку о языкѣ смотрѣли, какъ смотрѣлъ Гречъ, какъ на „забаву педантства и слабомыслія“ (выраженіе Греча). И Ѳ. И. не щадить красокъ и ироніи. Ограничусь однимъ примѣромъ изъ разбора „Учебной книги русской словесности“. Гречъ до 1844 г. далъ нѣсколько изданій этой книги и въ каждомъ изданіи подновлялъ ее; но какъ? Приводились новые образцы изъ современной литературы, а опредѣленія оставались прежнія. И вотъ что выходило (привожу слова Буслаева). Баллада изображаетъ характеры и происшествiя рыцарскихъ временъ; таково опредѣленіе Греча. Въ примѣръ приведена баллада: „Ивиковы журавли“. Ивикъ, греческій поэтъ, оказывается рыцаремъ. Или еще: „романтическая поэма есть шитическое повѣствованіе о чудесныхъ происшествiяхъ временъ рыцарства“. Для иллюстраціи этого опредѣленія Гречъ приводитъ „Кавказскаго плѣнника“ и „Цыганъ“ Пушкина, „Наталью Долгорукую“ Козлова, „Пери“ Жуковскаго. Выходитъ, какъ замѣчаетъ Ѳ. И., что все это рыцари: и горцы для Греча рыцари, и цыганы рыцари, воздушная Пери и несчастная Наталья Долгорукая — все рыцари. „Какъ Донъ Кихоть, — прибавляетъ Ѳ. И., — и трактирщиковъ, и цырюльниковъ, и мельницы принималъ за рыцарей, такъ и Гречу вездѣ мерещатся рыцари“.

Голосъ Буслаева былъ услышанъ. Въ 60-хъ годахъ возникаетъ цѣлая школа педагоговъ, которые, идя по пути, указанному Буслаевымъ, разработали въ деталяхъ намѣченные имъ вопросы: и объяснительное чтеніе, и методу грамматическаго обученія, и веденіе письменныхъ упражненій, и чтеніе собственно литературное. Ушинскій, Водовозовъ, Острогорскій, Стоюнинъ и другіе — все это дѣятели на томъ же поприщѣ. Изъ-за тѣсныхъ рядовъ этихъ дѣятелей иногда не видать инициатора, а самъ Ѳ. И., по свойственной ему скромности, никогда не заявлялъ о своихъ заслугахъ; но теперь, когда наступилъ для него судъ

исторіи, мы обязаны указать должное мѣсто его имени и признать его основателемъ современнаго направленія педагогики.

Когда выступили на поле дѣятельности молодые борцы, О. И. пересталъ принимать участіе въ журнальной полемикѣ по вопросамъ преподаванія. Съ шестидесятыхъ годовъ онъ занятъ почти всецѣло разработкою вопросовъ чистой науки, но въ рѣшительныхъ случаяхъ всегда до послѣднихъ лѣтъ его слово, его приговоръ склонялъ чашку вѣсовъ въ ту или другую сторону.

Послѣ книги „О преподаваніи отечественнаго языка“ О. И. еще три раза выступалъ, какъ составитель программы преподаванія русскаго языка и словесности. Въ первый разъ въ 1852 году, вмѣстѣ съ А. Галаховымъ, онъ составилъ „Конспектъ русскаго языка и словесности для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ“.

Здѣсь тѣ же начала, какъ и въ первой книгѣ, но матеріаль тщательно распредѣленъ по возрастамъ, указаны статьи и стихотворенія для класснаго чтенія, опредѣлены виды разбора, начиная съ вещественнаго и до историко-литературнаго. Метода преподаванія та же — практическая. „Мы узнаемъ языкъ“, говоритъ О. И., „не потому, что намъ уже извѣстны правила грамматики, а наоборотъ, правила грамматики легко узнаемъ потому, что намъ извѣстенъ языкъ“. Вездѣ сначала факты, *примѣры*, потомъ *анализъ* и потомъ уже *правило*. Вездѣ широкая постановка преподаваемаго предмета, довѣріе къ силамъ учащихся, довѣріе къ преподавателю. Такимъ же характеромъ отличается „Программа русскаго языка и словесности для желающихъ поступить въ студенты Московскаго университета“, составленная Буслаевымъ въ 1863 году. Здѣсь видное мѣсто въ кругѣ занятій гимназистовъ отведено произведеніямъ и иностранной словесности: въ программу введены Гомеръ, Шекспиръ, Шиллеръ и проч. и указанъ методъ чтенія ихъ произведеній. Наконецъ, въ 1886 г., по просьбѣ московскаго дворянства, О. И. составилъ „Общій планъ и программы обученія языкамъ и литературѣ“, предназначавшіеся для предположеннаго въ то время Московскаго дворянскаго института дѣвицъ. Но эта программа еще ждетъ для себя исполнителей.

Сличая эти три программы, мы находимъ замѣчательное единство и цѣльность педагогическаго міросозерцанія Буслаева. Онъ и въ послѣднемъ трудѣ, такъ же какъ въ первой книгѣ, постоянно внушаетъ, что книга, т. е. учебникъ, не должна заслонять собою живое преподаваніе, и только въ такомъ случаѣ дѣти полюбятъ и книгу. О литературѣ онъ говоритъ, что она „имѣетъ благотворное дѣйствіе въ педагогическомъ отношеніи, развивая умъ и облагораживая сердце и воображеніе, но — только въ подробномъ знакомствѣ съ лучшими изъ ея произведеній, чѣмъ собственно должна и ограничиваться вся задача преподаванія этого предмета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“.

Главный предметъ, на которомъ должно сосредоточиваться все вниманіе на русскихъ урокахъ въ средней школѣ, это — языкъ во всѣхъ его разнообразныхъ явленіяхъ. Черезъ всѣ труды Буслаева яркою чертою проходитъ стремленіе перелить въ питомцевъ своихъ ту „любовь и удивленіе къ могучему языку русскаго народа“, которыми онъ самъ былъ преисполненъ. И познакомиться съ языкомъ онъ хотѣлъ бы не въ отвлеченныхъ положеніяхъ грамматики, а во всей непосредственности его явленій, во всемъ разнообразіи его сокровищъ. Это, такъ сказать, основная идея и всѣхъ программъ Буслаева.

Разница между его программами — лишь въ выборѣ литературнаго матеріала для ознакомленія съ языкомъ, и въ послѣдней программѣ указываются для чтенія уже и гр. Л. Толстой, и гр. А. Толстой, и Гончаровъ, и Тургеневъ, и Достоевскій. Но это не противорѣчіе себѣ: Ѳ. И. только чутокъ былъ къ движенію науки и литературы, никогда не былъ старовѣромъ и прекраснымъ новымъ до старости восторгался, какъ пылкій юноша.

Проработавъ четверть вѣка для установленія методы и программъ преподаванія, Ѳ. И. завершилъ свою педагогическую дѣятельность изданіемъ двухъ руководствъ: въ 1869 году вышелъ его „Учебникъ русской грамматики“, въ 1870 г. вышла „Русская хрестоматія“, содержащая памятники древнерусской литературы и народной словесности. Обѣ эти книги имѣютъ одинаково важное значеніе и составляютъ эпоху въ обученіи русскому языку. Уже послѣ изданія „Исторической грамматики“ Буслаева въ

1858 г. стало очевидно, что прежнее учение языку несостоятельно, выдвинуты были на первый планъ такія явленія, которыхъ прежде не замѣчали, выяснены законы, устранившіе массу подробностей и мелочей, загромаждавшихъ прежніе учебники. Законъ ассимиляціи, законъ подъема или усиленія, законъ смягченія, яркая картина словообразованія — все это были такія несомнѣнныя пріобрѣтенія для науки о языкѣ, что прежніе авторы начали поспѣшно передѣлывать свои учебники. Такъ, Стоюнинъ, первоначально положившій въ основаніе своей грамматики въ 1855 г. философскую грамматику Давыдова, въ 1867 г. далъ своей книгѣ значительно измѣненный видъ, именно, какъ заявляетъ въ предисловіи, подъ вліяніемъ „Исторической грамматики“ Буслаева. Явились и новые труды, прямо основанные на трудѣ Буслаева: упомяну одинъ — грамматику Поливанова того же 1867 года, какъ наиболѣе удачное изложеніе для школъ Буслаевской этимологіи. Ожидалось, что самъ основатель поваго ученія отзовется на потребность школы. И вотъ въ 1869 г. явился его учебникъ. По виѣшнему виду книга не бьетъ на эффектъ: нѣтъ здѣсь кричащихъ заглавій, вычурныхъ словъ, и система за небольшими исключеніями оставлена прежняя. Но не въ системѣ дѣло, не въ ней сила преподаванія: учебникъ не долженъ, по выраженію *Θ. П.*, заслонять собой живое дѣло преподавателя; его назначеніе главнымъ образомъ быть справочной книгой для ученика. Общепринятая система особенно удобна въ этомъ отношеніи: она — то же, что алфавитъ для словаря. Достоинство книги въ томъ, что она яснымъ, простымъ языкомъ, на основаніи массы конкретныхъ явленій, излагаетъ добытые наукой результаты. Значеніе ея то, что ею упрочена была научная постановка преподаванія грамматики въ гимназіяхъ. Мы теперь можемъ не замѣчать ея богатствъ развѣ потому, что хорошо овладѣли ими, какъ не замѣчаемъ воздуха, которымъ дышимъ. Открытія Буслаева сдѣлались теперь общимъ достояніемъ.

Еще одно слово объ этомъ учебникѣ. Наука неудержимо идетъ впередъ: съ каждымъ шагомъ открываются новыя явленія, устанавливаются новыя точки зрѣнія. Неугомонно-пытливая натура, *Θ. И.* до послѣднихъ дней не переставалъ слѣдить за наукой, и дальнѣйшая судьба учебника — живой свидѣтель его чуткости къ біе-

нію пульса науки. Съ каждымъ изданіемъ въ него вносились что-либо новое, а въ 1888 году, подъ вліяніемъ послѣднихъ изслѣдованій о языкѣ, Ѳ. И. совершенно заново его передѣлалъ. Система опять осталась прежняя, и тотъ, кто проходитъ съ учениками грамматику въ порядкѣ системы, легко можетъ просмотрѣть заслугу Буслаева. Совсѣмъ иное — при практическомъ преподаваніи, которое одно только и признавалъ Ѳ. И. При практическомъ преподаваніи предметъ для класснаго объясненія указывается не порядкомъ системы: вопросъ ставится всегда по поводу какого-либо явленія, поразившаго вниманіе учениковъ при чтеніи. Прежде чѣмъ выяснить законъ, нужно провести предъ глазами учениковъ рядъ параллельныхъ явленій, которыя уже сами приведутъ къ пониманію закона. И вотъ именно здѣсь сказывается новизна послѣдняго изданія: ряды явленій, по-просту примѣровъ, взяты въ немъ совсѣмъ иные, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ. Всѣ они взяты изъ послѣднихъ изслѣдованій по языку.

Въ одномъ письмѣ по поводу послѣдняго изданія своей грамматики Ѳ. И. высказалъ, что въ немъ онъ далъ „совсѣмъ новый учебникъ“, „тряхнувъ юною рьяностью въ своей маститой старости“. Это заявленіе вполне понятно, если стать на указанную точку зрѣнія.

Русская хрестоматія Буслаева, представляя прекрасный подборъ памятниковъ древне-русской литературы и народной словесности, поражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ богатствомъ данныхъ, разсѣянныхъ въ примѣчаніяхъ. Служа иллюстраціей къ памятникамъ, приведенные въ нихъ факты вводятъ насъ въ пониманіе древней жизни, древнихъ вѣрованій, понятій, вкусовъ и обычаевъ. И все чтеніе, всѣ тексты древнихъ памятниковъ приурочены къ потребностямъ средней школы. Ѳедору Ивановичу пришлось здѣсь взять на себя поистинѣ гигантскій трудъ, трудъ возможный только для ученаго съ такимъ незыблемымъ авторитетомъ, какъ Буслаевъ, и какъ онъ же, съ такимъ самоотверженнымъ терпѣніемъ для блага учащейся молодежи.

Упрочивъ своей грамматикой научную постановку ея въ школѣ, Ѳ. И. своей хрестоматіей упрочилъ въ школѣ научное изученіе древне-русской литературы и народной словесности. „Не-

осязасмая наука — русская словесность получила, благодаря ему, (по выраженію одного критика) доступныя чувствамъ формы“.

Завѣты намъ Буслаева ясны: любить науку, любить дѣтей. Любя науку, — неослабно слѣдить за ея движеніемъ; любя дѣтей, — вести и ихъ въ храмъ науки, но лишь заботливой рукою любящаго отца. Любя науку, неослабно хранить въ себѣ ея священнѣйшій огонь и работать для нея до послѣднихъ силъ; неусыпно слѣдить за ея могучимъ ростомъ и отъ себя вносить посильную лепту въ общую сокровищницу знаній. Дорожить русскимъ языкомъ, пытливо всматриваться въ его разнообразныя явленія, чтобы потомъ уразумѣть и таинственные его законы. Но для избранной области знанія не забывать другихъ его сферъ, не забывать жизни, а направлять и спеціальныя занятія къ уясненію ея строя въ прошедшемъ и въ настоящемъ. Любя дѣтей, помнить о ихъ еще неокрѣпшихъ силахъ; помнить, что мы должны вести ихъ въ храмъ науки, но путями, доступными имъ, должны предлагать имъ только истину, но въ живой, понятной имъ непосредственности конкретныхъ явленій. Не дѣти для науки, а наука для дѣтей.

Такъ поступалъ самъ Буслаевъ; такъ завѣщалъ поступать и намъ.

Петръ Виноградовъ.

Буслаевъ, какъ основатель исторіи всеобщей литературы *)

Русское образованное общество, какъ вамъ извѣстно, господа, уже болѣе столѣтія знакомо со всѣмъ, что есть лучшаго въ литературѣ всемірной. Уже въ царствованіе Екатерины на русскій языкъ переводились не только современные знаменитые романы, поэмы, трагедіи и комедіи (и переводились иногда по нѣскольку разъ), но и такъ называемыя классическія произведенія всѣхъ временъ и народовъ выходили въ пересказахъ и переводахъ и иногда очень недурныхъ.

Въ пятилѣтнее правленіе Павла нашимъ прадедамъ было не до классиковъ, не до литературы; но съ восшествіемъ на престолъ Александра переводческая дѣятельность у насъ опять усиливается до такой степени, что усердный читатель 20-хъ годовъ, не зная ни одного иностраннаго языка, могъ хорошо ознакомиться и съ Гомеромъ, и съ Virgiliemъ, и съ Сервантесомъ, и съ Ричардсономъ, и съ Шекспиромъ, и съ Гете, и съ Шиллеромъ и даже съ Магабгаратой и Калидасой. Поэтому иныхъ, можетъ-быть, удивило заглавіе моего реферата: какъ могъ недавно скончавшійся профессоръ Буслаевъ основать то, что въ годы его дѣтства уже было хорошо знакомо всѣмъ, кто претендовалъ на титулъ чловѣка образованнаго? какъ можетъ Буслаевъ назваться основателемъ исторіи всеобщей литературы въ Россіи, когда его учитель и потомъ старшій товарищъ Шевыревъ читалъ такіе интересные публичные курсы, печаталъ такія дѣльные статьи и о Дантѣ, и о еврейской поэзіи, и о Тассо, и о Шиллерѣ, когда даже средне-вѣковая литература была не безызвѣстна современникамъ Буслаева — студента, благодаря переводу, блестящихъ для того времени, лекцій парижскаго профессора Вильмена?? А высокополезная дѣятельность нашего геніальнаго критика Бѣлинскаго развѣ не

*) Прочитано въ засѣданіи Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній 10 декабря 1897 года.

внѣдрила въ сознание читателей „Отеч. Зап.“ — а кто тогда не читалъ ихъ? — понятія о классицизмѣ истинномъ и ложномъ, о средневѣковомъ и новомъ романтизмѣ, о сентиментализмѣ и новѣйшемъ реализмѣ, и не сдѣлала для всѣхъ и каждого *своими* знаменитыхъ дѣятелей всеобщей литературы?

Но Бѣлинскій, какъ критикъ и публицистъ, служилъ интересамъ большой публики, образовывалъ, просвѣщалъ массу и не могъ поэтому *основать ученой школы*. А различіе во взглядахъ и пріемахъ Шевырева и Буслаева всего лучше можетъ оправдать заглавіе моего реферата.

Шевыревъ былъ европейски образованный человѣкъ, западную литературу, въ смыслѣ такъ называемой изящной словесности, зналъ прекрасно и могъ и о Дантѣ, и о Тассо, и даже о Шекспирѣ прочесть блестящую публичную лекцію; съ широкими обобщеніями и массой красивыхъ словъ и фразъ. Я не слыхалъ его лекцій, но судя по напечатанному, онѣ, мнѣ кажется, должны были производить впечатлѣніе блестящей, хорошо обдуманной рѣчи оратора, который прочелъ много „умныхъ“ книгъ и статей и, выбравъ изъ нихъ самыя показныя и ходкія мысли и интересные факты, связалъ все это бойкими обобщеніями и отлилъ въ изящную, немного расплывчатую форму. Онъ могъ дать мѣткія характеристики знаменитыхъ поэтовъ и ихъ произведеній, могъ, какъ способный ученикъ романтиковъ, показать отношеніе поэта къ его эпохѣ и освѣтить его произведеніе изнутри. Но кому теперь неизвѣстно, что такіе критическіе этюды о великихъ писателяхъ, хотя бы и очень талантливые, такъ же мало могутъ замѣнить исторію литературы, какъ Плутархъ — строго-научную исторію древняго міра?

Шевыревъ могъ читать объ итальянской литературѣ, какъ образованный итальянецъ, объ англійской — какъ англичанинъ и т. д.; а когда онъ переходилъ къ своей специальности, къ древнерусской литературѣ, онъ какъ будто вдругъ перерождался и, подобно нѣкоторымъ изъ своихъ учителей — нѣмецкихъ романтиковъ, впадалъ въ благочестивый, смиренномудренный тонъ вѣковъ давнопрошедшихъ, съ усиленнымъ соблюденіемъ такъ называемаго *мьстнаго колорита*, такъ что его Дантѣ, Петрарка и Тассо ровно ничего не давали его Нестору или Сильвестру.

Буслаевъ, какъ лучшій ученикъ Шевырева, началъ съ того же, на чемъ остановился его учитель: во время своего перваго путешествія за границу въ 1840 г. онъ изучаетъ Данта, Тассо, Аріосто ради эстетическаго развитія (какъ изучалъ и памятники древняго искусства по Винкельману, Мюллеру и Куглеру) и ради нихъ самихъ, повидимому, еще не предусматривая той тѣсной связи, какая окажется между этими, если смѣю такъ выразиться, царственными особами духовной жизни человѣчества и жалкой безыменной массой древне-русскихъ книжниковъ или бродячихъ пѣвцовъ-скомороховъ. Но затѣмъ очень скоро понятія Буслаева о духовной жизни человѣчества, такъ сказать, демократизируются: тамъ же въ Италиі, рядомъ съ памятниками древности и храмомъ Петра въ Римѣ, онъ изучаетъ древне-христіанское катакомбное искусство; а по возвращеніи онъ главнымъ образомъ работаетъ надъ исторіей языка, который является и продуктомъ и показателемъ умственной жизни именно темной безыменной массы.

Это здоровое и прогрессивное, *демократическое* направленіе выражается очень ярко въ первой книгѣ Буслаева о преподаваніи отечественнаго языка не только въ томъ, что авторъ лучшимъ, наиболѣе цѣннымъ матеріаломъ считаетъ языкъ *подлаю*, по терминологіи XVIII в., народа: пословицы, пѣсни, поговорки, но еще характернѣе въ томъ, что онъ первый, сколько знаю, указываетъ, какъ Карамзинъ, царь русской стилистики, извращалъ, лишалъ человѣческаго смысла красивыя и мѣткія, при всей своей наивности, выраженія начальной лѣтописи.

Въ своей первой книгѣ и статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Москвитянинъ“, Буслаевъ является почти исключительно языковѣдомъ; таковымъ же онъ остается и въ своей магистерской диссертациі: „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“; но здѣсь онъ уже проводитъ съ строгой научностью, прежде имъ только намѣченную, плодотворную мысль объ изученіи языка не ради его самого, а для *уясненія религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній народа въ доисторическую эпоху*. Въ этой книгѣ онъ добываетъ рядъ новыхъ цѣнныхъ фактовъ для миѳологіи и поэзіи славянъ, пользуясь методомъ *сравнительнымъ*, сопоставляя эти факты съ тѣмъ, что было уже добыто западными учеными для пониманія быта миѳологіи и

поэтическихъ возрѣній народовъ германскихъ, главнымъ образомъ на основаніи Ульфилова перевода св. Писанія.

Такимъ образомъ молодой магистрантъ въ этомъ своемъ лингвистическомъ по заглавію и матеріалу изслѣдованіи оказывается первымъ и по времени и по достоинству работникомъ въ области *сравнительной исторіи* духовной жизни главнѣйшихъ европейскихъ племенъ, въ важный моментъ ихъ перехода отъ язычества къ христіанству. А кто не знаетъ въ настоящее время, что исторія литературы тогда только перестаетъ быть сборомъ фактовъ и становится наукой, когда съ помощію сравнительнаго метода выводитъ законы, обязательные для *всѣхъ* временъ и народовъ?

На диспутѣ Буслаева, который состоялся 3 іюня 1848 г. (несмотря на неудобное время года публики было очень много: въ 40-хъ годахъ интеллигенція Москвы составляла небольшую, но компактную массу, для которой диссертация по русской словесности, хотя бы и молодого ученаго представляла огромный интересъ) произошелъ очень характерный эпизодъ, иллюстрирующій сказанное мною. Въ числѣ оппонентовъ выступилъ товарищъ Буслаева по университету *Катковъ* и сталъ нападать на диссертацию, такъ сказать, за ея *двоевѣріе*: онъ требовалъ, чтобы авторъ опредѣлилъ, кто именно *хозяинъ* въ его книгѣ: *лингвистъ* или *историкъ*? *Я здѣсь хозяинъ*, отвѣтилъ Буслаевъ, и тѣмъ вызвалъ сочувственный смѣхъ понимавшей его публики *). Иными словами: узкую спеціализацию, излишнюю схематичность, къ которой тогда пріучались на философіи Гегеля даже наиболѣе сильные умы, пора сдать въ архивъ: новая живая наука, исходящая не изъ отвлеченныхъ категорій, а изъ фактовъ народной жизни, все объединяетъ.

Дѣло въ томъ, что Буслаевъ къ исторіи литературы перешелъ не отъ эстетики, какъ его учителя и многіе товарищи, а менѣе въ то время модной, но болѣе твердой и здоровой области точнаго наблюденія надъ жизнью языка.

Начавъ такъ удачно свое ученое поприще, Буслаевъ, какъ извѣстно всякому, кто хотя бы перелистывалъ его „Очерки“, продолжалъ его еще удачнѣе. Въ виду общеизвѣстности его глав-

*) См. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, X, стр. 125 и слѣд.

ныхъ работъ и великихъ результатовъ, ими добытыхъ, я позволяю себѣ перейти непосредственно къ личнымъ воспоминаніямъ о нашемъ дорогомъ учителѣ, воспоминаніямъ, какъ вы увидите, очень отдаленнымъ, но никогда не забываемымъ.

Когда мы въ 1861 г. поступали въ университетъ, исторіи всеобщей литературы еще не полагалось и въ расписаніи стояло только: древне-русская литература — проф. Буслаевъ и новая русская литература — адъюнктъ Тихонравовъ. Но подобно тому, какъ Н. С. Тихонравовъ подъ заглавіемъ новой русской литературы большую часть года читалъ намъ исторію псевдо-классицизма во Франціи, и Буслаевъ довольно скоро перешелъ отъ *былинъ*, которымъ посвятилъ онъ этотъ годъ, къ Эддѣ, Беовульфу и старогерманскому эпосу съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ году, когда мы перешли на 2-ой курсъ, читать намъ о Chansons de geste и о Сидѣ. Это не былъ переходъ отъ одного отдѣла къ другому или отъ одной главы къ другой, а совершенно естественное и, такъ сказать, органическое сліяніе однороднаго матеріала, научное изслѣдованіе котораго и возможно только совмѣстно. При всей нашей юности и неподготовленности мы ясно поняли, что нельзя, какъ слѣдуетъ, знать свое, не имѣя понятія о чужомъ однородномъ, и когда по уставу 1863 г. въ числѣ обязательныхъ предметовъ филологическаго факультета явилась исторія-всеобщей литературы, мы не только были глубоко убѣждены въ ея необходимости, но и были подготовлены къ болѣе или менѣе самостоятельнымъ работамъ въ этой области.

Кафедры этого предмета въ обѣихъ столицахъ были скоро заняты непосредственными и ближайшими учениками Буслаева: Александромъ Н. Веселовскимъ и Николаемъ Ильичемъ Стороженкой.

Этотъ частный и, на глаза иныхъ, не крупный фактъ — введеніе новаго учебнаго предмета въ курсъ университетскаго преподаванія, по моему убѣжденію, служитъ показателемъ важнаго историческаго момента въ развитіи нашего общества.

Русская филологическая въ обширномъ смыслѣ наука вошла такимъ образомъ органически въ науку европейскую, такъ какъ естественно было ожидать, что молодые русскіе ученые, обязанные самой спеціальностью своей сказать *свое слово* о литературѣ

Запада, скажутъ нѣчто новое и вѣское, именно въ смыслѣ выясненія общихъ законовъ, такъ какъ въ ихъ распоряженіи, кромѣ матеріала западнаго, будетъ находиться и свой особый, западнымъ ученымъ почти недоступный матеріалъ (такъ и вышло въ дѣйствительности: Веселовскій еще совсѣмъ молодымъ человекомъ приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность на западѣ изданіемъ и объясненіемъ итальянскихъ текстовъ, Н. И. Стороженко — своими работами по исторіи англійской драмы).

При этомъ тотъ путь, которымъ велъ своихъ учениковъ Буслаевъ, въ продолженіе всей жизни, во всѣхъ областяхъ своихъ плодотворныхъ занятій, отдававшій предпочтеніе массовому, народному передъ личнымъ, исключительнымъ, аристократическимъ, обусловилъ то обстоятельство, что и ученики его, продолжая начатое имъ дѣло, проявляли особый интересъ къ изученію умственной жизни массы народа.

Съ другой стороны закрѣпленіе и узаконеніе исторіи *всеобщей* литературы въ русскихъ университетахъ указываетъ на тотъ поворотный пунктъ въ нашемъ самосознаніи, съ котораго крайнее славяно- или, точнѣе, руссофильство и крайнее западничество оказались явно и въ одинаковой степени несостоятельными, когда и узко-патріотическое самовосхваленіе и огульное самооплеваніе стали одинаково нелѣпыми. Тогда вмѣсто племенного и частнаго выдвинулось на первый планъ *всеобщее, всечеловѣческое*, удаляющее самую мысль о племенной или религіозной исключительности и огульномъ осужденіи, которыя съ ранней молодости внушали такую глубокую антипатію нашему незабвенному учителю. !Нужно ли говорить теперь, насколько эта антипатія была разумна и законна?

Но, отвращаясь отъ всего узко-національнаго, признавая только одну науку, одну истину — *общечеловѣческую*, Буслаевъ училъ насъ и словомъ и примѣромъ своимъ прилагать тѣ приемы, тѣ параллели, тѣ орудія, которыми снабжала насъ высокоразвитая западноевропейская наука, прежде всего къ матеріалу *родному, русскому*, какъ потому, что онъ свѣжѣе и намъ доступнѣе, такъ и потому, что разработка его нашъ прямой и первый долгъ. Много разъ и подолгу бывая за границей и трудясь тамъ и въ 60 лѣтъ

съ такой энергіей, съ какой не всякій студентъ готовится къ выпускному экзамену, Буслаевъ всегда набиралъ тамъ матеріаль для работы надъ исторіей духовной жизни *русскаго* народа. Надъ такой чисто русской по задачѣ работой потерялъ онъ и свое драгоцѣнное зрѣніе и все здоровье.

Вотъ какими прекрасными словами характеризовалъ это разумное и высокогуманное равновѣсіе Буслаева между роднымъ и общечеловѣческимъ адресъ Московскаго университета, поднесенный Буслаеву 8 лѣтъ назадъ, вскорѣ послѣ его 50-лѣтняго юбилея.

„Вѣрные своему основному, сравнительно-историческому методу изслѣдованія, вы, Ѳедоръ Ивановичъ, чувствовали въ то же время необходимость расширить университетское преподаваніе словесности введеніемъ въ его кругъ курсовъ по исторіи европейской литературы и приняли на себя чтеніе лекцій о Скандинавской Эддѣ, о Дантѣ, бывшихъ предметомъ вашего глубокаго спеціального изученія. И когда уставъ, дарованный русскимъ университетамъ императоромъ Александромъ II, создалъ въ нихъ двѣ новыя каѳедры: исторіи всеобщей литературы и исторіи искусствъ — эти новыя каѳедры въ нѣсколькихъ университетахъ быстро нашли себѣ достойныхъ представителей въ спеціалистахъ, подготовленныхъ вашими лекціями и приватными занятіями съ ними.

Многолѣтнее преподаваніе ваше въ Московскомъ университетѣ, вводившее слушателей въ уразумѣніе началъ, на коихъ зиждется *народность*, освѣщавшее историческія судьбы *русскаго* языка, миѳологіи, поэзіи, искусства, проникнуто было глубокимъ сочувствіемъ къ началамъ *европейскаго просвѣщенія* и воспитывало въ студентахъ *уваженіе и любовь къ своей народности, широкую гуманность и сознательную преданность принципамъ общечеловѣческаго просвѣщенія.*“

Успокоился въ могилѣ благой сѣятель истины; но нива, имъ засѣянная, не оскудѣетъ работниками.

А. Кирпичниковъ.

Значеніе трудовъ академика В. И. Буслаева въ исторіи науки о русскомъ языкѣ.

«Языкъ и жизнь — неразлучныя понятія, и изученіе языка всегда есть его возрожденіе».

(Вилхельмъ Гумбольдтъ).

Исторія русскаго просвѣщенія весьма богата примѣрами многосодержательной дѣятельности, направленной къ достиженію высшихъ цѣлей. Протекающая дѣйствительная жизнь постоянно выдвигаетъ во всѣ эпохи нашей исторіи дѣятелей, съ высокимъ подъемомъ духа, съ горячимъ влеченіемъ сердца ко благу, истинѣ и правдѣ. Если изящная словесность со временъ Кантемира рисуетъ окружающее преимущественно съ отрицательной стороны, то это явленіе можно объяснить тѣмъ же стремленіемъ къ осуществленію высшей добродѣтели.

Федоръ Ивановичъ Буслаевъ принадлежитъ къ достопамятнымъ людямъ русской земли. (Род. 13 апрѣля 1818 г. † 31 іюля 1897 г.). Онъ ученою дѣятельностью расширилъ кругозоръ нашего міросозерцанія и способствовалъ къ облегченію задачъ дальнѣйшаго развитія, но труды его по отечественному языку имѣютъ преимущественное значеніе, по важности самого предмета. Познаніе роднаго слова составляетъ первую и самую существенную необходимость нашей духовной и практической жизни. Со времени появленія его сочиненій по изслѣдованію родной рѣчи настаетъ новый періодъ въ исторіи науки о русскомъ языкѣ.

„Языкъ, говоритъ Як. Гриммъ, есть самое величайшее, благороднѣйшее и неотъемлемое наше достояніе. Поэзія, музыка и другія искусства бывають удѣломъ людей только одаренныхъ,

языкъ же есть собственность каждаго изъ насъ“. Языкъ и жизнь народа составляютъ выраженія, означающія одно и то же понятіе. Когда появляется общая рѣчь у одной группы людей, съ того момента начинается существованіе отдѣльнаго племени или народа и продолжается на пространствѣ тысячелѣтій до тѣхъ поръ, пока живетъ языкъ. У народовъ, одаренныхъ талантами, памятники литературы, какъ духовной дѣятельности, дѣлаются достояніемъ всего человѣчества и послѣ окончанія историческаго бытія данной народности. Такимъ образомъ языкъ, дѣлаясь мертвымъ, остается хранителемъ духовнаго богатства, какъ наслѣдственнаго достоянія послѣдующихъ народовъ, чуждыхъ по вѣрѣ и народности, но родственныхъ по духовной жизни. Языкъ, какъ даръ Божій, служитъ единственнымъ условіемъ отношеній между людьми. Народы и поколѣнія объединяются посредствомъ слова и бываютъ способны къ проявленію тѣхъ качествъ, которыя составляютъ въ человѣкѣ образъ и подобіе Божіе. Все возвышенное въ человѣчествѣ находится въ тѣсной зависимости отъ способности къ словесному общенію людей. Языкъ, какъ замѣчено выше, составляя внутреннее душевное состояніе, вылившееся въ звукъ, хранитъ въ себѣ духовное богатство изъ прошлаго самыхъ отдаленныхъ временъ и служитъ связующимъ звеномъ между предшествующими и грядущими поколѣніями. Дѣятели настоящаго, благодаря дару слова, являются посредниками между прошедшимъ и будущимъ, и каждая новая эпоха черезъ лучшихъ своихъ представителей, болѣе даровитыхъ, вноситъ нѣчто новое въ развитіе народовъ и человѣчества. „Съ каждаго великаго лица извѣстной эпохи, говоритъ В. Гумбольдтъ, можно начать всемірно-историческое развитіе объясненіемъ того, на какой почвѣ явилось это лицо и какъ обработана эта почва трудами вѣковъ предыдущихъ. Но какимъ образомъ въ этой подготовленной, напередъ опредѣленной дѣятельности явилось то, что составляетъ особенность дѣйствующаго лица, это можно только указывать, и больше чувствовать, нежели изложить, но никакъ нельзя вывести и объяснить изъ предыдущаго. Таковъ и вообще характеръ человѣческой дѣятельности: первое начало ея исключительно внутри человѣка; таковы именно: чувство, желаніе, мысль, намѣреніе, слово и дѣяніе“. (О различіи органи-

мовъ челов. яз., стр. 5). Эти двѣ стихіи развитія, на которыя указалъ германскій мыслитель, именно: самобытное проявленіе духа, не такъ легко поддающееся изслѣдованію, и факты внѣшней дѣятельности, составляющіе предметъ историческаго объясненія причинъ и слѣдствій, заключаютъ всю жизнь даннаго лица. При обзорѣ трудовъ Федора Ивановича я коснусь внѣшняго проявленія его жизни небольшого періода времени, всего около двадцати лѣтъ (сороковые и пятидесятые годы), но самаго плодотворнаго по своимъ послѣдствіямъ и самаго существенно-важнаго въ исторіи нашего просвѣщенія.

Въ настоящемъ случаѣ замѣчательна та особенность языка, что въ немъ, какъ и въ поэзи, отражается все лучшее и возвышенное въ человѣчествѣ, потому что тутъ можно подмѣтить самыя сокровенныя помыслы и трогательныя чувства, изучать то, чѣмъ отличенъ человѣкъ отъ другихъ существъ творенія, и здѣсь-то постоянно замѣчается присутствіе самобытнаго проявленія тѣхъ внутреннихъ душевныхъ силъ, о которыхъ упомянуто выше, и которыя больше чувствуются, чѣмъ изучаются. Кто хоть немного углубится въ эту область познаній, тотъ не можетъ остаться равнодушнымъ къ тому народу, языкъ котораго изучаетъ. Наблюдая высокія проявленія духа, изслѣдователь невольно изумляется постоянному выраженію лучшихъ стремленій: любви къ истинѣ и людямъ, вѣры въ торжество блага и правды. Не случайно Федоръ Ивановичъ, во всѣхъ сочиненіяхъ котораго проглядываютъ эти качества, посвятилъ лучшую пору своей жизни научному изученію языка: возвышенные помыслы и стремленія его богато одаренной души находили родственные отголоски и въ красивомъ выраженіи, и въ отдѣльномъ сказаніи, и, наконецъ, въ изумительно-художественномъ строеніи языка, какъ цѣлаго организма, по тогдашнему выраженію.

Я не имѣю возможности разсматривать свойства языка, но долженъ сказать, что человѣческое слово принадлежитъ къ очень сложнымъ явленіямъ; поэтому изученіе его требуетъ особенной подготовки. Изслѣдованіе языка, какъ проявленія духовной жизни, заставляеть обратить вниманіе на науки философскія, особенно логику и психологію, уясняющія душевныя явленія; изученіе зву-

ковой стороны, членораздѣльности формъ и всего строя рѣчи, приходитъ въ соприкосновеніе съ естествознаніемъ; наконецъ, содержаніе языка, проза и поэзія, предлагаетъ знакомство съ другими отраслями знаній, а строеніе языка, напоминая художественное произведеніе, роднитъ его съ искусствомъ. Кромѣ свѣдѣній какъ бы общихъ, которыя относятся ко всѣмъ отдѣламъ языкознанія, занятіе отечественнымъ языкомъ требуетъ познаній специальныхъ по лингвистикѣ. Русскій языкъ, по своему происхожденію, находится въ родствѣ съ индоевропейскими языками и славянскими нарѣчіями; слѣдовательно, наука о нашемъ отечественномъ словѣ тѣсно примыкаетъ къ общему языковѣдѣнію. Будущій авторъ исторической грамматики русскаго языка, обладающій талантами и пламеннымъ желаніемъ знаній, приступая къ трудамъ по отечественному слову, посредствомъ энергіи и трудолюбія приобрѣлъ уже при самомъ началѣ своей дѣятельности обширныя и обстоятельныя познанія, особенно по языкознанію. Будучи студентомъ, Ѳ. И. основательно приготавлился къ самостоятельнымъ занятіямъ по русскому языку.

Въ своей автобіографіи, художественно изложенной, подъ заглавіемъ: „Мои воспоминанія“, вышедшей во время составленія настоящаго реферата (1897 г.), онъ подробно излагаетъ весь ходъ своего образованія. Собственныя его слова лучше всего дадутъ понятіе объ университетскомъ ученіи. „Я избралъ себѣ отдѣленіе славяно-русское“. Давыдовъ далъ мнѣ для изученія, такъ называемую, „Общую грамматику“ извѣстнаго французскаго филолога Дю-Саси въ нѣмецкой передѣлкѣ Фатера, съ дополненіями изъ нѣмецкаго языка. Эту книгу я перевелъ всю сполна и добавилъ грамматическія подробности Дю-Саси и Фатера русскими и церковно-славянскими. Мой переводъ былъ одобренъ факультетомъ для напечатанія, но остался въ рукописи“. „А для Шевырева я составилъ систематическій сводъ грамматикъ: Смотрицкаго, Ломоносова, академической, большихъ, или полныхъ грамматикъ Греча и Востокова и церковно-славянскій Добровскаго“ (стр. 131). Это было изученіе стараго, но молодой студентъ познакомился также еще на университетской скамьѣ съ ученіемъ основателей новой науки о языкѣ. „Оканчиваю свои воспоминанія объ Иванѣ

Ивановичъ Давыдовъ, говоритъ онъ, изъявленіемъ ему моей сердечной благодарности. По его указанію и совѣту, я впервые познакомился съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впоследствии оказало рѣшающее вліяніе на мои ученые работы. Это было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта о средствахъ и различіи языковъ индогерманскихъ (т. е. индоевропейскихъ)“. Другой профессоръ М. П. Погодинъ, на просьбу Ѳ. И. указать ему какое-нибудь руководство для изученія среднихъ нѣмецкихъ нарѣчій, по вопросу о скандинавскомъ происхожденіи варяго-русовъ, назвалъ грамматику Якова Гримма и этимъ намѣтилъ, самъ того не подозревая, дальнѣйшую дѣятельность молодого студента. „Такимъ образомъ, говоритъ Ѳедоръ Ивановичъ, изъ устъ Погодина въ первый разъ услышалъ я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями потомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, такъ воодушевлялъ меня, что я сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданнѣйшихъ его послѣдователей“ (стр. 128). „Погодину же я обязанъ великою благодарностью и за то, что онъ первый научилъ меня читать и разбирать наши старинныя рукописи, во множествѣ собранныя въ его, такъ называемомъ, древлехранилищѣ, которое помѣщалось въ собственномъ его домѣ, на Дѣвичьемъ полѣ“ (128 стр.).

Погодинъ поручилъ Ѳ. И. Буслаеву снять копію съ древней псалтыри XI в., такъ называемой Евгеніевской, по имени митрополита Евгенія, которому прежде она принадлежала, для знаменитаго чешскаго ученаго Шафарика. Одновременно съ этимъ Михаилъ Петровичъ знакомилъ своего ученика на образцахъ по оригиналамъ съ разными почерками стариннаго письма: съ уставнымъ, полууставнымъ и съ скорописью, мудреные завитки которой училъ разбирать по складамъ.

Но съ особеннымъ воодушевленіемъ вспоминаетъ Ѳедоръ Ивановичъ о своемъ профессорѣ Степанѣ Петровичѣ Шевыревѣ, который первый сталъ читать въ Московскомъ университетѣ исторію русской литературы, до него Давыдовъ излагалъ теорію словесности. Кромѣ того, Шевыревъ знакомилъ слушателей „съ элементами книжной рѣчи въ языкѣ церковно-славянскомъ и русскомъ, отличая

народныя или простонародныя формы отъ принятыхъ въ разговорѣ образованнаго общества“. При этомъ читались отрывки изъ лѣтописей, писателей — XII вѣка, изъ древне-русскихъ стихотвореній, изъ Исторіи Карамзина, и также изъ произведеній Ломоносова, Державина, Жуковскаго и особенно Пушкина. „Эти лекціи Шевырева, говоритъ Ѡ. И., производили на меня глубокое неизгладимое впечатлѣніе, и каждая изъ нихъ представлялась мнѣ какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего могучаго и великаго языка. Я впервые почувалъ тогда всю его красоту и сознательно полюбилъ его“ (стр. 125). При усвоеніи знаній Ѡ. И. особенно замѣчательна любопытная и чрезвычайно поучительная черта, свидѣтельствующая о необыкновенно живой любознательности нашего перваго историка русскаго языка, любознательности, которая проявляется не только по отношенію къ языку, но и во все продолженіе его научной дѣятельности, пока силы позволяли ему трудиться. Онъ пользуется всякимъ случаемъ, всякою встрѣчею съ людьми знающими для пріобрѣтенія знаній, и это стремленіе учиться у кого только можно значительно расширяетъ богатство его свѣдѣній. Находясь въ университетскомъ общежитіи, онъ пользуется случаемъ, чтобы получить такія познанія, которыхъ не могло дать университетское преподаваніе. Студентъ Войцѣховскій обучаетъ его еврейскому языку; Коссовичъ, тоже товарищъ его по общежитію, знакомитъ съ санскритомъ, а Классовскій даетъ ему уроки польскаго языка. Впослѣдствіи, готовясь къ магистерскому экзамену, Ѡедоръ Ивановичъ получаетъ знанія по болгарскому и сербскому языку у нѣкоего болгарина Бусилина, который бралъ у него уроки русскаго языка. По самымъ главнымъ „руководителемъ и наставникомъ“ Ѡ. И. Буслаева, по его собственному благодарному признанію, былъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ.

При воспоминаніи о Ѡ. И. Буслаевѣ невозможно не отнестись съ глубокою благодарностью къ памяти графа С. Г. Строганова, этого высокообразованнаго дѣятеля въ исторіи просвѣщенія Россіи. Въ теченіе долгаго времени съ 1839 г. по день своей кончины въ 1882 году графъ оставался неизмѣнно благорасположеннымъ

къ Ѳедору Ивановичу, который въ свою очередь платилъ ему тѣмъ же. Эти отношенія, начавшись съ учительства въ домѣ этого вельможи, переходятъ потомъ въ самую искреннюю и теплую привязанность. Сначала графъ Строгановъ оказываетъ свое покровительство и вниманіе къ дарованіямъ молодого ученаго, а потомъ принимаетъ самое живое участіе въ его дальнѣйшей карьерѣ и въ ученыхъ трудахъ. По его настоянію Ѳедоръ Ивановичъ занимается педагогикой и пишетъ сочиненіе— „О преподаваніи отечественнаго языка“; „Историческая грамматика русскаго языка“ явилась также слѣдствіемъ постоянныхъ заботъ графа о русскомъ просвѣщеніи вообще, а въ частности вслѣдствіе неизмѣнной расположенности къ ея автору. Начальникъ главнаго штаба военно-учебныхъ заведеній Ив. Як. Растовцевъ, желая поднять уровень познаній въ военныхъ школахъ, обратился за совѣтомъ къ гр. Строганову, который и познакомилъ его съ Буслаевымъ. „На мою долю, говорится въ воспоминаніяхъ, пришлось изготовить два руководства: обширную грамматику, о которой я сейчасъ говорилъ, и большую хрестоматію, въ два столбца“... (стр. 327). Благодаря гр. Строганову Ѳедоръ Ивановичъ получилъ возможность провести за границей два года, почти вскорѣ послѣ окончанія университета при самой лучшей обстановкѣ; онъ пользовался его обширной библіотекой, совѣтами и руководствомъ опытнаго человѣка; послѣ, по настоянію гр. Строганова, Ѳ. И. началъ готовиться къ ученому поприщу, держалъ магистерскій экзаменъ и наконецъ вступилъ на кафедру Московскаго университета. Графъ С. Гр. Строгановъ въ жизни Ѳ. И. Буслаева является тѣмъ добрымъ геніемъ, который лелѣетъ и бережетъ эту жизнь для русской науки и русскаго искусства. Конецъ „Воспоминаній“ посвященъ дорогой памяти этого незабвеннаго мужа. Вспоминая, что въ 1884 г. Общество любителей древней письменности издало въ свѣтъ на иждивеніе гр. С. Д. Шереметева изслѣдованіе „О русскомъ лицевомъ Апокалипсисѣ“ съ альбомомъ рисунковъ, авторъ „Воспоминаній“ заключаетъ свою книгу слѣдующими словами: „Этотъ многолѣтній трудъ посвятилъ я памяти графа Сергѣя Григорьевича, съ слѣдующимъ объясненіемъ, помѣщеннымъ въ предисловіи: „Посвящая это археологическое изслѣдованіе незабвенной

для меня памяти графа Сергѣя Григорьевича Строганова, я желалъ выразить, сколько могъ, благоговѣйную признательность за все, чѣмъ я обязанъ руководствованію и совѣтамъ этого въ высокой степени просвѣщеннаго государственнаго человѣка, не только въ моей учебной, ученой и литературной дѣятельности, но и вообще въ воспитаніи и образованіи умственныхъ и нравственныхъ убѣжденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любви къ искусству и археологiи“. Этимъ я закончу мои воспоминанія“.

Въ настоящее время, при быстрыхъ и широкихъ успѣхахъ въ развитіи наукъ, изученіе языка раздѣляется между многими специалистами. Мы говоримъ о русскихъ и заграничныхъ ученыхъ. Одни посвящаютъ себя занятіямъ по теоріи языкознанія; другіе, гораздо въ большемъ числѣ, изучаютъ фактическія явленія языковъ, или, лучше, изслѣдуютъ разные отдѣлы такъ называемой сравнительной грамматики, въ области индоевропейскихъ языковъ, или въ сферѣ отдѣльной народности, какъ-то: звуки, составъ словъ, измѣненіе ихъ, или формы, и синтаксисъ. По каждому изъ этихъ отдѣловъ трудятся особые специалисты. Кромѣ того, каждый языкъ, каждое нарѣчіе, имѣетъ своихъ изслѣдователей: такъ, появляются труды по народнымъ говорамъ, по древне-славянскому языку и др.; издаются матеріалы съ болѣе или менѣе обширными комментаріями; необъятная область языкознанія все болѣе и болѣе расширяется. Не такъ было при началѣ дѣятельности Ѳ. И. Бу-слаева. Тогда въ Германіи, въ 30-хъ годахъ, наука о языкѣ только что получила окончательное основаніе, и всѣ отдѣлы языкознанія не такъ ясно отдѣлялись одинъ отъ другого. Первый изслѣдователь русскаго языка долженъ былъ совмѣщать въ своихъ занятіяхъ всѣ отрасли нынѣшняго языкознанія. Эта новая особенность трудовъ Ѳедора Ивановича является отличительною чертою его дѣятельности. Вспоминая о первомъ своемъ замѣчательномъ трудѣ „О преподаваніи отечественнаго языка“, онъ говоритъ: „Вмѣстѣ съ капитальнымъ изслѣдованіемъ Вильгельма Гумбольдта о сходствѣ и различіи индоевропейскихъ языковъ, я изучилъ тогда сравнительную грамматику Боппа и умѣлъ уже довольно бойко читать санскритскую грамоту, которой обучилъ меня университетскій товарищъ мой, Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ, — въ Москвѣ только онъ одинъ

и зналъ этотъ языкъ, до возвращенія извѣстнаго санскритолога Петрова изъ-за границы. Но особенно увлекся я сочиненіями Якова Гримма, и съ пылкой восторженностью молодыхъ силъ читалъ и зачитывался его историческою грамматикою нѣмецкихъ нарѣчій, его нѣмецкою миѳологіею, его нѣмецкими юридическими древностями. Этотъ великій ученый былъ мнѣ вполне по душѣ. Для своихъ неясныхъ, смутныхъ помысловъ, для исканія ощущенія и для загадочныхъ ожиданій я нашелъ въ его произведеніяхъ настоящее откровеніе. Меня никогда не удовлетворяла безжизненная буква: я чуялъ въ ней музыкальный звукъ, который отдавался въ сердцѣ, живописалъ воображенію и вразумлялъ своею точною, опредѣленною мыслью въ ея обособленной конкретной формѣ“ (281).

Въ заключеніе общей характеристики изученія языкознанія Буслаевымъ мы должны указать на ту черту, что онъ смотрѣлъ на языкъ, какъ на художественное цѣлое. Вильгельмъ Гумбольдтъ въ вышеозначенномъ сочиненіи высказываетъ мысль, что „художественная красота языка принадлежитъ ему не въ видѣ внѣшняго и случайнаго украшенія, но составляетъ необходимое слѣдствіе всего существа его, вѣрный признакъ его внутренняго и внѣшняго совершенства, потому что внутренняя дѣятельность духа въ языкъ только тогда поднимается на самую смѣлую высоту, когда на нее проливаетъ свой свѣтъ чувство изящнаго“ (О различіи организмовъ человѣч. яз., перев. Билярскаго, стр. 101). Ѳедоръ Ивановичъ въ „Воспоминаніяхъ“ такъ говоритъ о художественной сторонѣ языка: „я, наконецъ, открылъ себѣ жизненную потайную связь между двумя такими противоположными областями моихъ научныхъ интересовъ, какъ исторія искусства съ классическими древностями и грамматика русскаго языка“. „Языкъ въ теперешнемъ его составѣ представлялся мнѣ результатомъ многовѣковой переработки, которая старое мѣняла на новый ладъ, первоначальное и правильное искажала и вмѣстѣ съ тѣмъ въ своеземное вносила новыя формы изъ иностранныхъ языковъ. Такимъ образомъ, весь составъ русскаго языка представлялся лишь громаднымъ зданіемъ, которое слагалось, передѣлывалось и завершалось разными перестройками въ теченіе тысячелѣтій, въ родѣ, напримеръ, римскаго собора Маріи Великой (Maria Maggiore), въ:

которомъ раннія части восходятъ къ пятому вѣку, а позднѣйшія относятся къ нашему времени. Гуляя по берегамъ Байскаго залива, я любилъ реставрировать въ своемъ воображеніи развалины античныхъ храмовъ и другихъ зданій; теперь съ такимъ же любопытствомъ я реставрировалъ себѣ переименованныя формы русскаго языка. Современная книжная рѣчь была главнымъ предметомъ моихъ наблюденій. Въ ней видѣлъ я итогъ историческаго развитія русскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и центральный пунктъ, окруженный необозримой массою областныхъ говоровъ. Карамзинъ и Пушкинъ были мнѣ авторитетными руководителями въ моихъ грамматическихъ соображеніяхъ. Первый щедрою рукою бралъ въ свою прозу мѣткія слова и выраженія изъ старинныхъ документовъ, а второй украшалъ свой стихъ народными формами изъ сказокъ, былинъ и пѣсенъ“ (стр. 282—3).

Солидная научная подготовка является весьма важнымъ условіемъ успѣха изысканій, потому что только при ней возможенъ правильный выборъ метода изслѣдованія. При знакомствѣ съ наукой Запада Ѳедоръ Ивановичъ усвоилъ историческій методъ Якова Гримма, который до настоящаго времени признается единственно правильнымъ и возможнымъ. Въ языкознаніи исторія не можетъ излагаться безъ сравненія одного родственнаго языка съ другимъ; поэтому этотъ методъ точнѣе называется сравнительно-историческимъ.

Благодаря особеннымъ свойствамъ дѣятельности, Ѳ. И. Буслаевъ положилъ основаніе науки о русскомъ языкѣ въ нашемъ отечествѣ и стремился сдѣлать эту существенную для насъ отрасль познанія достояніемъ всего образованнаго общества, а не замкнутаго круга спеціалистовъ. Для разъясненія этого положенія необходимо войти въ нѣкоторыя подробности, а это заставляетъ меня указать на ту послѣдовательность въ моей рѣчи, какая, по-моему, наиболѣе пригодна въ настоящемъ случаѣ. Сперва укажу на состояніе познаній по наукѣ о языкѣ на Западѣ и среди славянъ, потомъ перейду къ русскому языку и, наконецъ, сдѣлаю обзоръ важнѣйшихъ трудовъ Ѳедора Ивановича Буслаева по исторіи русскаго языка. Такой порядокъ изложенія мнѣ кажется наиболѣе удобнымъ, потому что такимъ путемъ возможно, быть-

можетъ, подойти къ рѣшенію важнѣйшаго вопроса о томъ, какую цѣлесообразность, въ высшемъ смыслѣ этого слова, имѣла въ этомъ мѣрѣ многосодержательная жизнь выдающагося нашего ученаго, образъ котораго носится передъ нами въ настоящую минуту.

Научная дѣятельность Ѳ. И. Буслаева не ограничивается русскимъ языкомъ; она тѣсно примыкаетъ къ состоянію научныхъ познаній въ то время въ Германіи, гдѣ наука о языкѣ, какъ увидимъ ниже, какъ бы окончательно была установлена въ 30-е годы текущаго столѣтія. Ѳедоръ Ивановичъ переноситъ эту молодую тогда науку къ намъ въ Россію и вводитъ русскій языкъ въ сферу общечеловѣческаго познанія. Когда въ 1846 г. проф. Давыдовъ перешелъ на службу въ С.-Петербургъ, Буслаеву было поручено, между прочимъ, преподаваніе въ Московскомъ университетѣ сравнительной грамматики и теоріи церковно-славянскаго и русскаго языковъ. Такимъ образомъ, онъ первый въ Россіи занялъ кафедру сравнительнаго языкознанія и можетъ, поэтому, быть признанъ основателемъ этой науки въ нашемъ отечествѣ. „Въ лекціяхъ сравнительной грамматики по Боппу и Вильгельму Гумбольдту, — вспоминаетъ Ѳедоръ Ивановичъ, — я ограничивался только общими положеніями и главнѣйшими результатами въ той мѣрѣ, сколько было мнѣ нужно, чтобы опредѣлить отличительныя черты группы славянскихъ нарѣчій и указать имъ надлежащее мѣсто въ средѣ другихъ индоевропейскихъ языковъ“. Но заслуги нашего знаменитаго ученаго будутъ яснѣе понятны, когда припомнимъ состояніе науки на Западѣ. При этомъ условіи труды его по отечественному языкознанію получаютъ надлежащее освѣщеніе, и значеніе его въ исторіи нашего просвѣщенія дѣлается болѣе понятнымъ и очевиднымъ.

Наука о языкѣ, какъ познаніе свойствъ и законовъ челоуѣческаго слова путемъ сравнительно-историческимъ, возникла въ Германіи въ началѣ XIX столѣтія, подъ вліяніемъ философіи германскаго идеализма, на почвѣ изученія санскрита.

Уже при началѣ этой новой отрасли знанія появляются два отдѣла науки о языкѣ: 1) фактическое изученіе и 2) теорія, которая составляетъ весьма занимательный и довольно обширный отдѣлъ науки. Она, какъ всякое теоретическое знаніе, основывается на

фактическомъ изученіи языковъ и способствуетъ выработкѣ методовъ изысканій и уясненію единичныхъ явленій, подводя ихъ къ общимъ научнымъ выводамъ. Исторія науки о языкѣ лучше всего можетъ подтвердить положеніе прикладной логики, что при познаніи истины одинаково важны оба пути человѣческаго разумѣнія: дедуктивный и индуктивный; оба они одинаково необходимы во всѣхъ сферахъ познанія, когда дорожимъ истиной и боимся ея искаженія.

Англичане, утвердившись въ Индіи, начали изучать санскритскій языкъ сперва съ цѣлями практическими, потомъ и научными. Въ началѣ XIX столѣтія это изученіе перешло въ Германію, гдѣ въ это время господствовалъ особенный подъемъ германскаго духа, выразившійся въ наукѣ, литературѣ и въ искусствѣ. Фридрихъ Шлегель (1772—1829 г.), занимаясь санскритомъ, напечаталъ въ 1808. году разсужденіе „О языкѣ и мудрости индусовъ“, которое было началомъ научнаго изученія языка древней Индіи и въ то же время было, по выраженію его брата Августа Шлегеля (1767—1845 г.), знаменитаго санскритолога, „блестящей увертюрой“ къ тому обширному знанію, которое получило названіе сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, терминъ, впервые употребленный Фридрихомъ Шлегелемъ. Въ разсужденіи высказана мысль о генеалогическомъ развитіи языковъ, о родствѣ санскрита съ древними языками и персидскимъ, о внутреннемъ строеніи языка и о разъясненіи его посредствомъ сравнительной грамматики и историческаго изслѣдованія. Фридрихъ Шлегель указываетъ основаніе для раздѣленія и характеристики языковъ по двумъ признакамъ: по измѣненію звука въ корнѣ и по способу присоединенія одного корня къ другому. „Это разсужденіе было первымъ камнемъ, положеннымъ при основаніи зданія“. Старшій братъ Августъ Шлегель, профессоръ университета въ Боннѣ, былъ еще болѣе извѣстенъ тѣмъ, что основалъ школу санскритологовъ, и эта отрасль познанія расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ въ Германіи, но между учеными, которые изучали и изслѣдовали санскритъ, выдающееся мѣсто занялъ знаменитый Францъ Боппъ (1791—1867), основатель сравнительнаго языкознанія. Въ 1816 году, онъ издалъ сочиненіе, сдѣлавшее эпоху въ наукѣ, „О системѣ спряженія въ

санскритскомъ языкѣ въ сравненіи съ языками греческимъ, латинскимъ, персидскимъ и германскимъ. Съ приложеніемъ точнаго перевода метромъ эпизоловъ изъ Рамайяны и Магабгараты и нѣкоторыхъ отрывковъ изъ Ведъ“. Это сочиненіе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ въ первый разъ былъ примѣненъ тотъ методъ изслѣдованія, по которому отыскивается происхожденіе грамматическихъ формъ, именно посредствомъ сравнительныхъ и историческихъ сопоставленій; во-вторыхъ, это сочиненіе имѣло цѣлью разъяснить происхожденіе формъ въ языкахъ, родственныхъ санскриту; наконецъ, было установлено то положеніе, по которому индоевропейскіе языки отличаются отъ другихъ тѣмъ, что здѣсь формы образуются развитіемъ окончаній, тогда какъ другіе измѣняютъ звуки внутри корня, или же пользуются приставками. Но мы обратимся къ самому важному труду Фр. Боппа. Его „Сравнительная грамматика санскрита, зенда, греческаго, латинскаго, литовскаго, готскаго и нѣмецкаго языковъ“ начала выходить съ 1833 г. и окончилась въ 1852 г. Авторъ трудился почти двадцать лѣтъ надъ составленіемъ капитальнѣйшаго своего произведенія, постоянно его совершенствуя, по мѣрѣ успѣховъ языкознанія. Такъ, въ 1835 г. при изданіи второй части онъ включилъ старославянскій въ число изслѣдуемыхъ языковъ, а впослѣдствіи прибавилъ армянскій языкъ. Второе изданіе, вполне обработанное, появилось въ 1857—1861 гг. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Сравнительная грамматика санскритскаго, зендскаго, армянскаго, греческаго, латинскаго, литовскаго, древнеславянскаго, готскаго и нѣмецкаго языковъ“. Эта первая по времени сравнительная грамматика есть то величественное зданіе, „первый камень“ для котораго положилъ Фр. Шлегель. Появленіе новой науки въ стройной системѣ и съ правильнымъ методомъ принадлежитъ къ геніальнымъ открытіямъ XIX вѣка. Имя Фр. Боппа, какъ основателя языкознанія, никогда не забудется въ исторіи развитія человѣчества. Въ своемъ произведеніи авторъ имѣлъ въ виду описать строеніе языковъ, изслѣдовать ихъ звуковыя законы и дать объясненіе происхожденію формъ, которыя въ устахъ индоевропейскихъ народовъ имѣютъ особенное устройство, отличное отъ построенія словъ въ другихъ, нефлективныхъ языкахъ. Вслѣдствіе такихъ цѣлей въ грамматикѣ различаются три

отдѣла: 1) обзоръ звуковъ, 2) словообразованіе и 3) изложеніе окончаній. Такое раздѣленіе науки остается до настоящаго времени, и только въ 1893 г. прибавленъ четвертый отдѣлъ — сравнительный синтаксисъ, составленный профессоромъ Дельбрюкомъ. Я не имѣю надобности излагать подробно содержаніе капитальнаго труда Фр. Боппа и многочисленныхъ открытій въ сравнительномъ языкознаніи, которыя находятся въ этомъ сочиненіи. Но для насъ любопытно знать, въ какомъ отношеніи находятся труды основателя историческаго языкознанія въ Россіи къ произведеніямъ германскаго ученаго.

Открытія, сдѣланныя Боппомъ въ его сравнительной грамматикѣ, вошли какъ основныя положенія въ „Историческую грамматику русскаго языка“ Ѳ. И. Буслаева. Такъ, напримѣръ, дѣленіе корней на глагольные и мѣстоименные, указанное Боппомъ въ санскритѣ, вошло въ историческую грамматику, какъ основоположеніе. Мысль Боппа о томъ, что составныя части слова, суффиксы и флексіи, имѣли когда-то самостоятельное значеніе и что падежныя окончанія выражаются посредствомъ мѣстоименныхъ корней, проведена и подтверждена примѣрами въ „Исторической грамматикѣ русскаго языка“. Образованіе словъ изложено въ „Исторической грамматикѣ“ по тѣмъ же основаніямъ, какія находятся въ сравнительной грамматикѣ Боппа. Ближайшее разсмотрѣніе трудовъ основателя сравнительной грамматики и его послѣдователя Августа Потта убѣждаетъ въ томъ, что Ѳ. И. Буслаевъ составлялъ свою грамматику подъ вліяніемъ Фр. Боппа. Впрочемъ, чтеніе нѣмецкой грамматики Як. Гримма оставило замѣтные слѣды и въ этомъ трудѣ нашего знаменитаго ученаго. Въ „Исторической грамматикѣ русскаго языка“ обращается постоянное вниманіе на древнерусскій языкъ и народныя говоры. Особенно замѣтно вліяніе Як. Гримма при изложеніи синтаксиса, но въ общемъ нѣмецкая грамматика Як. Гримма и „Историческая грамматика русскаго языка“ принадлежатъ къ разнымъ произведеніямъ, по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Основатель историческаго языкознанія Яковъ Гриммъ (1785—1863 гг.) принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ ученымъ Германіи. Онъ проявилъ свою дѣятельность въ столь многоразличныхъ,

значительныхъ и многочисленныхъ сочиненіяхъ, что невольно приходимъ въ изумленіе, когда знакомимся съ его произведеніями. Як. Grimmъ, юристъ по образованію, направилъ свои геніальныя способности на изученіе нѣмецкаго права, миѳологіи, эпоса, на народную и письменную словесность, и особенное вниманіе и энергію обратилъ на изслѣдованіе родного языка. Его научные труды запечатлѣны творчествомъ и поэтическимъ колоритомъ. Вообще дѣятельность этого геніальнаго ученаго представляетъ необыкновенное явленіе не только нѣмецкой, но и всеобщей научной и поэтической литературы XIX вѣка. Изъ сочиненій по изслѣдованію языка особенно замѣчательны: нѣмецкая грамматика, словарь нѣмецкаго языка и исторія нѣмецкаго языка.

Нѣмецкая грамматика (1819—1837 гг.), самое замѣчательное произведеніе по языкознанію, выходила въ теченіе 18 лѣтъ и служить образцомъ историческаго изученія языка. Все сочиненіе раздѣляется на четыре отдѣла: 1) ученіе о звукѣ, 2) измѣненіе по склоненіямъ и спряженіямъ, 3) словообразованіе и 4) синтаксисъ. Въ „Исторической грамматикѣ русскаго языка“ вся наука раздѣлена на этимологию и синтаксисъ. Какъ у Боппа, такъ и въ нашей грамматикѣ ученіе о звукахъ изложено кратко и недостаточно, тогда какъ Як. Grimmъ посвятилъ этому важнѣйшему отдѣлу грамматики большой томъ. Въ ученіи о звукахъ нѣмецкой рѣчи онъ сдѣлалъ важнѣйшія открытія, каковы, на примѣръ, законы перебоя звуковъ, особенно свойственные нѣмецкимъ нарѣчіямъ. Вторая особенность нѣмецкой грамматики выражается въ томъ, что въ ней сдѣлано обзрѣніе всѣхъ нѣмецкихъ нарѣчій, путемъ историческимъ, черезъ сравненіе сначала между собою, а потомъ съ другими индо-европейскими языками. Правда, и въ русской грамматикѣ встрѣчаются постоянные примѣры изъ народныхъ нарѣчій, но они имѣютъ характеръ сравнительный и не связаны исторически. Методъ изслѣдованій въ нѣмецкой грамматикѣ вполне историческій, и сравненіе имѣетъ второстепенное значеніе, тогда какъ въ русской грамматикѣ преобладаетъ сравнительный приѣмъ, историческому же методу предоставлено второе мѣсто. Такимъ образомъ „Историческая грамматика русскаго языка“ больше напоминаетъ основателя сравнительной грамматики, чѣмъ историче-

скую школу, но этимъ не отрицается то обаяніе, которое имѣлъ знаменитый представитель историческаго языкознанія на Ѳ. И. Бу-слаева; напротивъ, въ его трудахъ по отечественному слову вездѣ замѣтно вліяніе Гриммовской школы, особенно въ сочиненіи „О преподаваніи отечественнаго языка“ (во 2-й части), въ магистерской диссертациі и въ исторической хрестоматіи. Вообще Як. Гриммъ стоитъ какъ бы особнякомъ среди современниковъ; онъ по своимъ произведеніямъ приближается къ нынѣшнему времени, особенно по методу изслѣдованія, который, какъ уже сказано, въ настоящее время признается единственно-правильнымъ въ наукѣ о языкѣ. Примѣненіе историческаго метода составляетъ его первую заслугу. Вторая особенность Як. Гримма, какъ изслѣдователя языка, имѣющая также всеобщее значеніе, выражается въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на изученіе языка одного племени. Посредствомъ блестящихъ результатовъ, онъ показалъ всю важность и интересъ научнаго анализа одного какого-нибудь языка, или же нарѣчій одного племени, при томъ народной рѣчи. Не случайно было то явленіе въ исторіи науки, что послѣ 1819 года сначала въ Германіи, а потомъ въ другихъ странахъ Европы пробуждается интересъ къ занятіямъ языками отдѣльныхъ народовъ, чему, впрочемъ, также способствовало общее развитіе самосознанія. Як. Гриммъ первый обратилъ вниманіе на изученіе народныхъ говоровъ, и эта существенно важная сторона его дѣятельности переходитъ и къ намъ въ Россію, отражаясь особенно въ трудахъ одного изъ его лучшихъ послѣдователей, Ѳедора Ивановича Бу-слаева.

Одна изъ важныхъ научныхъ заслугъ Як. Гримма выразилась въ томъ, что онъ обратилъ особенное вниманіе на изслѣдованіе звуковъ, изученіе которыхъ составляетъ самую существенную сторону языкознанія, потому что посредствомъ едва замѣтныхъ звуковыхъ измѣненій, съ теченіемъ времени и языкъ измѣняется: звуковыя перемѣны влекутъ за собою потерю формъ, исчезновеніе которыхъ въ свою очередь имѣетъ вліяніе на переустройство всего синтаксиса. Фр. Боппъ, какъ уже сказано, въ своей сравнительной грамматикѣ посвятилъ этому отдѣлу науки сравнительно мало страницъ. Это восполнилъ его ближайшій послѣдователь и

современникъ Августъ Фридрихъ Поттъ (1802—1887 г.), трудами котораго также пользовался Федоръ Ивановичъ Буслаевъ.

Поттъ, выдающійся ученый и ближайшій послѣдователь Боппа, своими трудами, дополняетъ то, что основатель сравнительной грамматики изложилъ недостаточно подробно. По выраженію профессора Дельбрюка, онъ „создалъ научное ученіе о звукѣ“ (Введеніе въ языкознаніе, стр. 34, изд. 1893 г.).

Подъ вліяніемъ сочиненій основателей науки о языкѣ Як. Гримма, Фр. Боппа и Вильгельма Гумбольдта, о которомъ будетъ сказано ниже, фактическое изученіе языковъ быстро и всесторонне развивается въ Германіи. Изслѣдуются языки отдѣльныхъ племенъ и народовъ и отдѣлы науки. Недоставало законченной картины индоевропейскаго общаго праязыка. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ надобности останавливаться на дальнѣйшихъ успѣхахъ молодой науки, но для болѣе нагляднаго представленія о развитіи языкознанія необходимо упомянуть еще о двухъ замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ, какъ ученыхъ руководствахъ, о книгахъ Шлейхера, Бругманна и Дельбрюка, самыхъ выдающихся представителей послѣдующаго развитія сравнительной грамматики. Августъ Шлейхеръ (1821—1868 г.) наиболѣе всего извѣстенъ „Compendium'омъ сравнительной грамматики индогерманскихъ языковъ“ (1-е изд. 1861 г.). Compendium Шлейхера, по замѣчанію проф. Дельбрюка, заканчиваетъ тотъ періодъ въ исторіи науки о языкѣ, который начинается трудами Боппа. Основатель сравнительной грамматики обращалъ преимущественное вниманіе на то, что было общаго у всѣхъ индогерманскихъ языковъ, съ цѣлью возстановить первоначальныя формы; Шлейхеръ поставилъ задачей указать на то общее начало, которое потомъ развивается въ отдѣльныхъ языкахъ. Являясь послѣдователемъ того направленія, которое разсматривало языкъ какъ явленіе природы, Шлейхеръ въ своей сравнительной грамматикѣ изслѣдуетъ индоевропейскіе языки, какъ естествоиспытатель. Все развитіе языковъ ему представляется въ видѣ дерева, главный стволъ котораго составляетъ индогерманскій первоначальный языкъ, а отъ него разрастаются вѣтви: 1) славяно-нѣмецкая, которая раздѣляется на двѣ вѣтви, нѣмецкую и славянскую, въ свою очередь давшую отростки: сла-

вянокій и литовскій и 2) аrio-греко-италокельтская, давшая вѣтви, представляющія всѣ остальные индоевропейскіе языки. Боппъ имѣлъ въ виду главную цѣль объяснить происхожденіе формъ и остановился на сравненіи; Шлейхеръ идетъ дальше: онъ изъ сравненій и сопоставленій дѣлаетъ общіе выводы и заключенія о звукахъ и формахъ „индогерманскаго общаго праязыка“ (Ursprache). Такимъ образомъ, этотъ первоначальный праязыкъ, къ открытію котораго направлялись стремленія ученыхъ той эпохи, былъ возстановленъ въ своихъ звукахъ и формахъ. Въ этомъ смыслѣ трудъ Шлейхера является выраженіемъ и завершеніемъ перваго періода науки о языкѣ, выраженіемъ своей эпохи.

Ученіе о звукахъ и ихъ законахъ занимаетъ главное мѣсто въ его книгѣ (340 стр. изъ 856), и вся она представляетъ рядъ параграфовъ „собранія законовъ“, по выраженію Дельбрюка. На основаніи возможности возстановить первоначальный индогерманскій языкъ Фикъ составилъ „Сравнительный словарь индогерманскихъ языковъ“ (1-е изд. 1868 г., 3-е изд. 1874), въ которомъ представлены словари языковъ отчасти того дерева, которое указано Шлейхеромъ. Тутъ слѣдуютъ словари индогерманскаго первоначальнаго языка, арийскаго, общаго европейскаго, общаго греко-италійскаго, и т. д. Въ этихъ трудахъ многое уже не удовлетворяетъ требованіямъ послѣдующихъ ученыхъ, многое устарѣло и кажется невѣрнымъ, но это были смѣлыя открытія, облегчающія пути къ дальнѣйшему исканію истины.

Третья по времени сравнительная грамматика, заключающая результаты языкознанія послѣдняго времени, принадлежитъ проф. Карлу Бругманну и проф. Бертольду Дельбрюку: *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. (1886—1897 въ 7 томахъ). Проф. Дельбрюкъ первый издалъ сравнительный синтаксисъ индоевропейскихъ языковъ, и это составляетъ одну изъ особенностей этого ученаго руководства. Второе отличіе состоитъ въ томъ, что авторы слѣдуютъ методу изслѣдованія преимущественно историческому и поэтому отличаютъ хронологическое соотношеніе языковъ. Въ-третьихъ, этотъ замѣчательный трудъ нашего времени тѣмъ отличается, что составители, какъ вообще современное направленіе неограмматиковъ, отказываются пока рѣ-

шать вопросы объ одномъ общемъ первоначальномъ праязыкѣ, о чемъ еще скажемъ ниже. Наконецъ, сравнительная грамматика Бругманна и Дельбрюка вообще представляетъ результаты научныхъ изслѣдованій новѣйшаго періода науки о языкѣ. Въ сочиненіи указана и богатая литература произведеній по сравнительному языкознанію, какъ источники при составленіи. Первая часть этой грамматики, ученіе о звукахъ, вышла въ текущемъ 1897 году вторымъ изданіемъ въ совершенно переработанномъ видѣ, такъ какъ въ теченіе десяти лѣтъ языкознаніе сдѣлало вновь быстрые успѣхи. Поэтому неудивительно, что труды Боппа въ настоящее время составляютъ уже предметъ исторіи науки. Нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что сочиненія Ѡ. И. Буслаева также принадлежатъ уже исторіи, съ точки зрѣній современнаго языкознанія; но разница состоитъ въ томъ, что послѣ сравнительной грамматики Боппа появились въ Германіи уже два капитальнѣйшихъ произведенія, какъ обширныя руководства, сообразно съ измѣняющимися направленіями; у насъ же послѣ „Исторической грамматики русскаго языка“ Ѡ. И. Буслаева не было ничего подобнаго, и до настоящаго времени эта грамматика является произведеніемъ единственнымъ въ своемъ родѣ.

Общее ученіе о языкѣ, теорія,—столь обширно, что составляетъ уже отдѣльную отрасль знанія, не получившаго еще особаго имени, какъ отдѣлъ науки. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что именно теорія языкознанія чаще всего называется „наукой о языкѣ“, тогда какъ фактическое изложеніе извѣстно подъ общимъ именемъ сравнительной грамматики. Теорія языкознанія составляетъ тотъ отдѣлъ науки, въ которомъ опредѣляется языкъ, какъ явленіе дѣйствительности, указываются его свойства и законы развитія, отношеніе духовной стороны человѣка къ языку и обратно, вліяніе языка на развитіе отдѣльныхъ лицъ, народовъ и всего человѣчества. Исторія науки о языкѣ, въ смыслѣ теоріи, можетъ наглядно свидѣтельствовать о томъ, что развитіе фактическаго знанія находится въ тѣсной связности съ исторією философскихъ міровоззрѣній. Теоретическіе взгляды на языкъ начинаются со времени появленія греческой философій, какъ это подробно изложено въ книгѣ Штейнталя (Исторія науки о языкѣ у грековъ и римлянъ

1890 г. 2-е изд.), и продолжаютя до настоящаго времени. Поэтому исторія науки о языкѣ, какъ теорія, раздѣляется на три періода: древній, средній и новый. Въ послѣдній третій періодъ, начинающійся съ конца восемнадцатаго столѣтія, возникаетъ подъ вліяніемъ философіи германскихъ мыслителей новая наука о языкѣ, какъ явленіи дѣйствительности, подлежащей изслѣдованію. Кантъ (1724—1784), Фихте (1762—1814), Шеллингъ (1775—1854) и Гегель (1770—1831 г.), составляютъ ту группу философовъ, которая такъ благотворно воздѣйствовала на развитіе германскаго самосознанія, на подъемъ духа въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ. Они не занимались языками, но предметомъ ихъ изслѣдованій былъ духовный міръ, который находитъ свое выраженіе въ словѣ.

Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ (1767—1835 г.) по всей справедливости признается основателемъ науки о языкѣ, главнымъ образомъ ея теоріи. Вильгельмъ Гумбольдтъ, по выраженію Штейнталя, его послѣдователя и представителя психологическаго направленія, имѣетъ „такое же значеніе въ языкознаніи, какое Эвклидъ въ математикѣ или Ньютонъ въ физикѣ“ (О происхожд. яз., стр. 372, изд. 3-е, 1877 г.). Только немногимъ людямъ, говоритъ Бенфей, назначено судьбою посвятить себя научнымъ занятіямъ единственно къ гармоническому образованію собственнаго духа,—цѣли, которая для всякаго должна быть самою высокою. Карлъ Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ былъ однимъ изъ этихъ немногихъ. Научные труды по языкознанію продолжаютя у него всю жизнь отъ начала самостоятельнаго мышленія до самой смерти. Въ перепискѣ съ Шиллеромъ опредѣлилось уже то направленіе, которое преслѣдуется въ его послѣднемъ произведеніи (Исторія науки о яз., стр. 517—8, изд. 1809 г.). Тутъ высказывается то, что языкъ самъ по себѣ есть „органическое цѣлое“ и что онъ находится въ тѣсной зависимости отъ индивидуальности тѣхъ, которые говорятъ“ (Бенфей ист., стр. 518). Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ, говорится далѣе, духовное развитіе котораго совпадаетъ около середины двухъ направленій, прежняго, прошлаго столѣтія и другаго, текущаго, отображаетъ въ своихъ произведеніяхъ, нерѣдко безсознательно, борьбу обоихъ, одинаково совпадающихъ; направленіе прошлаго столѣтія было фило-

софское, въ частности кантовское, преимущественно субъективное априорное; здѣсь, въ XIX столѣтїи, оно историческое объективное (стр. 521). Его труды въ области классической и санскритской филологїи, а также по эстетикѣ, исторїи и государственнымъ наукамъ свидѣтельствуютъ о глубокомъ, философски и широко образованномъ мыслителѣ, но его произведенія по наукѣ о языкѣ, по рѣшенію основныхъ вопросовъ языкознанія, составляютъ главную заслугу его научной дѣятельности. (Benfey, Geschichte d. Sprachwissenschaft, 1869, 517—512.)

Изъ произведеній В. Гумбольдта, разъясняющихъ общіе вопросы языкознанія, самое важное, безспорно, „Введеніе въ науку о языкѣ“, служащее въ свою очередь обширнымъ вступленіемъ къ изслѣдованію языка племени Кави на островѣ Явѣ. Это сочиненіе появилось уже послѣ смерти автора, издано въ 1836 г. его братомъ А. Гумбольдтомъ и существуетъ въ русскомъ переводѣ Билярскаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „О различїи организмовъ человѣческаго языка и о вліяніи этого различія на умственное развитіе человѣческаго рода“ (1859 г.). Великій мыслитель передъ кончиной какъ бы завѣщалъ въ этомъ сочиненїи потомству свои мысли, плодъ многосторонняго изученія различныхъ языковъ индоевропейскихъ и другихъ народовъ. Положенія теорїи В. Гумбольдта явствуютъ изъ слѣдующихъ мѣстъ его чрезвычайно содержательной книги. „Раздѣленіе рода человѣческаго на племена и народы и происхожденіе языковъ и нарѣчій—эти два явленія, тѣсно связанныя между собою, — зависятъ еще отъ высшаго явленія — отъ возрожденія духовной силы человечества въ новыхъ и часто высшихъ видахъ“ (стр. 2). „Языкъ не есть только предметъ къ передачѣ мыслей, какъ нѣчто мертвое, онъ есть „органъ внутренняго бытія, даже само внутреннее бытіе, постепенно сознаваемое человѣкомъ и переходящее во внѣшность“ (стр. 4). „Языкъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности, представляется непрерывно текущимъ и преходящимъ съ каждою минутой. Письменность дѣлаетъ его, повидимому, неподвижнымъ, но, передавая его неполно, сберегая въ видѣ мумїи, она всегда предполагаетъ воспроизведеніе его живымъ голосомъ. Самъ же по себѣ языкъ есть дѣятельность (ἐνέργεια), а не оконченное дѣло (ἔργον)“.

„Языкъ это безпрестанное повтореніе дѣйствія духа на членораздѣльный звукъ для претворенія его въ выраженіе мысли“ (стр. 40). Теорія В. Гумбольдта имѣетъ ту особенность, что въ ней сопоставляются духъ и языкъ, какъ два дѣятеля, тѣсно связанные между собою, и это роднитъ ее съ философіей Канта и Гегеля. Понятіе о духѣ обнимаетъ здѣсь всю духовную сторону челоуѣчества, народа и личности. Такое же значеніе придается и языку. „Особенность народнаго духа и строеніе языка такъ слиты между собою, что какъ скоро дано одно, другое можно бы изъ него вывести. Ибо умственная жизнь и языкъ производятъ формы, одинаково годныя и одинаково благопріятныя для обоихъ. Языкъ есть какъ бы внѣшнее явленіе народнаго духа; языкъ народа есть его духъ, а его духъ есть языкъ; тожества обоихъ нельзя довольно выразить“ (стр. 36). „Рѣчь и пѣснь лились свободно, и языкъ образовался по мѣрѣ вдохновенія, свободы и мощи дружно дѣйствующихъ силъ“. „Въ ряду живыхъ существъ челоуѣкъ есть поющая тварь, но съ тѣмъ отличіемъ, что съ звуками онъ соединяетъ мысль“ (стр. 57). „Хотя языкъ тѣсно связанъ съ умственнымъ бытіемъ челоуѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ живетъ самостоятельною жизнью, какъ бы внѣ челоуѣка и господствуетъ надъ нимъ своею силою“. „Собственная жизнь языка простирается по всѣмъ фибрамъ его и проникаетъ всѣ стихіи звука“ (стр. 184). Такъ какъ развитіе языка есть вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе духа, то совокупно съ этимъ развивается поэзія и проза, и въ исторіи языка заключается исторія всей духовной жизни народа. Книга В. Гумбольдта, какъ и вообще его творенія, запечатлѣна такою геніальностью, что до настоящаго времени нѣкоторыя его положенія не затронуты въ наукѣ, хотя имѣютъ полное значеніе и глубокой смыслъ, каковъ, напримѣръ, вопросъ о вліяніи языка на развитіе людей, какъ отдѣльных лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ.

Наша цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы изложить теорію В. Гумбольдта, а въ томъ, чтобы показать общій характеръ того направленія, къ которому наиболѣе приближаются взгляды на языкъ Федора Ивановича Буслаева. Такъ, на первой страницѣ „Исторической грамматики русскаго языка“ читаемъ: „Изъ исторіи всякаго языка убѣждаемся, что первоначальная форма, въ

которой выразился даръ слова, есть уже цѣлое предложеніе“. Объ этомъ В. Гумбольдтъ говоритъ слѣдующее: „Если можно позволить себѣ смѣлость спускаться мыслью въ глубину древности, къ первому зачатію языка, то человѣкъ, конечно, съ каждымъ звукомъ, исторгающимся изъ его груди, соединялъ полный смыслъ, стало-быть оконченное предложеніе. (О различ. организ., стр. 160). Мысли о языкѣ, какъ организмѣ, о двухъ періодахъ его развитія, этимологическомъ и синтаксическомъ, и о языкѣ какъ художественномъ цѣломъ, принадлежатъ В. Гумбольдту и высказаны также въ „Исторической грамматикѣ“ русскаго языка.

Изъ сказаннаго видно, что первый историкъ русскаго языка принадлежалъ къ школѣ основателей науки о языкѣ, Вильгельма Гумбольдта, Боппа и Як. Гримма.

Основатель историческаго языкознанія Як. Гриммъ изложилъ свои воззрѣнія на человѣческое слово въ разсужденіи „О происхожденіи языка“ (1851 г.). Эта академическая рѣчь знаменитаго ученаго тѣмъ замѣчательна, что авторъ наглядно и поэтично указываетъ тѣ черты, какими языкъ отличается отъ всѣхъ другихъ явленій природы. „Дѣленіе природы, говоритъ онъ, на одушевленную и неодушевленную, не совпадаетъ съ раздѣленіемъ ея по звукамъ, потому что и неодушевленные предметы имѣютъ свои звуки; только земля и камни, а изъ животныхъ рыбы, остаются нѣмыми. Каждое животное имѣетъ свой звукъ, которымъ его надѣлила природа и которому не учатся; этотъ голосъ неизмѣнный, единообразный и постоянный. Собака и теперь лааетъ такъ, какъ она лаяла въ началѣ творенія. Жаворонокъ и теперь щебечетъ такъ, какъ онъ щебеталъ тысячу лѣтъ назадъ. Голосъ человѣчскій постоянно измѣняется, различествуетъ между племенами и можетъ быть изучаемъ. Если возьмемъ ребенка отъ французской или русскаго матери и отдадимъ его нѣмецкой, то онъ будетъ говорить по-нѣмецки. Фактъ этотъ показываетъ, что языкъ не есть прирожденная способность. Равнымъ образомъ языкъ, которымъ говорятъ въ теченіе 500 или 1000 лѣтъ, становится другимъ, т. е. измѣняется. Языкъ, поэтому, зависитъ отъ мѣста и времени, и это составляетъ особенность человѣческой рѣчи, а равно и то, что въ разнообразіяхъ и въ перемѣнахъ языка лежитъ одинъ

общій источникъ, который свойственъ данному народу. При отличіи языка отъ другихъ звуковъ природы существуетъ и сходство. Оно выражается въ томъ, что звукъ происходитъ вообще отъ движенія воздуха, въ какомъ бы предметъ оно ни проявлялось. Животныя одарены голосовыми средствами, коими они производятъ колебанія воздуха, но эти колебанія постоянныя и однообразныя, тогда какъ люди могутъ производить ихъ до безконечнаго разнообразія. Эта способность называется членораздѣльностью, артикуляціей. Изъ основныхъ звуковъ а, і, и, происходятъ о, е и другіе гласныя и дwoегласныя, со всѣми ихъ оттѣнками. Кромѣ того, существуютъ еще полугласныя и согласныя, и все это разнообразіе звуковъ прирождено человѣку. Поэтому, фізіологъ долженъ изслѣдовать самый инструментъ, філологъ же игру этого инструмента“. „Языкъ есть такое человѣческое достояніе, которое имѣетъ свободу въ происхожденіи и развитіи. Языкъ есть наша исторія, наше общее наслѣдство. Въ тѣснѣйшей зависимости между способностью думать и говорить лежитъ основа и происхожденіе нашего языка. Творецъ вложилъ душу, т. е. силу мышленія; Онъ же даровалъ намъ и средство рѣчи, т. е. способность слова, какъ драгоценный даръ. Мысль и языкъ составляютъ нашу особенность, изъ которой видна наша свобода, потому что мы можемъ чувствовать, что угодно, и выражать, что чувствуемъ; безъ этого люди были бы похожи на животныхъ. По дошедшимъ къ намъ памятникамъ и письменнымъ свидѣтельствамъ мы заключаемъ о двухъ эпохахъ въ развитіи языка; но этимъ двумъ ступенямъ предшествовало до-историческое состояніе языка, слѣды котораго до насъ не дошли. Въ до-историческомъ языкѣ не было флексій, а было господство односложныхъ корней, а черезъ соединеніе корня знаменательнаго (глагольнаго) съ мѣстоименіями образовались формы, разившіяся потомъ во флексіи. Древнѣйшій языкъ былъ мелодиченъ, но многорѣчивъ и мало содержателенъ, средній — полонъ выразительной поэтической силы, и новый языкъ стремится замѣнить ослабленіе красоты гармоніей цѣлаго и достигаетъ этого различными средствами“. „Правда, говоритъ историкъ нѣмецкаго языка, таинственно и дивно происхожденіе языка, но оно отовсюду окружено еще другими дивами и тайнами. Едва

ли меньшая тайна заключается въ происхожденіи саги, которая, сверкая и показываясь въ одинаковой несоразмѣрности и въ измѣненіи у всѣхъ народовъ земного шара, должна была развиться и далеко распространиться посредствомъ долгаго сообщества людей. Загадка языка скрывается не столько въ его собственномъ существѣ, сколько, напротивъ, въ нашихъ слабыхъ познаніяхъ о первомъ времени его появленія, когда онъ былъ еще въ колыбели. Это время характеризуется безыскусственною простотою умственного развитія, какъ особенностью первобытныхъ людей“.

„На этотъ пунктъ направлены всѣ мои мысли, говоритъ знаменитый ученый, въ этомъ я отличаюсь отъ своихъ предшественниковъ“. (Jacob Grimm, Kleinere Schrift. т. I, 1864 г., 256—277.)

Такъ думалъ и писалъ основатель историческаго языкознанія. Спустя ровно десять лѣтъ, одновременно съ Compendium'омъ Шлейхера появились „Чтенія по наукѣ о языкѣ“ (1861 г.) Макса Мюллера, въ двухъ томахъ, сочиненіе, въ которомъ языкъ рассматривается какъ явленіе природы. Чтенія Макса Мюллера написаны необыкновенно живымъ и увлекательнымъ языкомъ и предназначены для большой публики. Въ первомъ чтеніи доказывается, что наука о языкѣ принадлежитъ къ естествознанію, во второмъ рассматривается ростъ языка въ своей противоположности къ исторіи языка, далѣе идутъ чтенія о развитіи науки вообще и языкознаніи въ особенности и т. п. Эти лекціи могутъ пробудить интересъ къ языкознанію, но онѣ, выражая извѣстное направленіе, не имѣютъ никакого научнаго значенія.

Въ томъ же 1851 году, когда Як. Гриммъ написалъ свою рѣчь о происхожденіи языка, Генрихъ Штейнталь, потомъ берлинскій профессоръ, написалъ книгу „Происхожденіе языка въ связи съ послѣдними вопросами всякаго знанія“, выдержавшую нѣсколько изданій (3-е 1877 г.). Это было начало такъ называемаго психологическаго направленія въ языкознаніи. Штейнталь вмѣстѣ съ берлинскимъ профессоромъ психологін Лазарусомъ сталъ издавать съ 1860 г. журналъ народной психологін и науки о языкѣ, въ которомъ положено основаніе науки психологін народной жизни, какъ цѣлаго, науки, которая больше извѣстна въ настоящее время

подъ именемъ этнографіи. На основаніи мысли Гербарта, что психологія остается одностороннею, пока она разсматриваетъ чело-вѣка какъ отдѣльно стоящее существо, издатели ставили для себя цѣлью изслѣдовать законы и развитіе духовной жизни цѣлаго народа; но эта жизнь слагается изъ разнообразныхъ элементовъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ языку, потому что языкъ есть не только духовный органъ воспріятія, не только со-держитъ міровоззрѣніе народа, но и отображеніе самой міросозерцающей дѣятельности. Съ развитіемъ языка тѣсно связана мифо-логія, а въ сказаніяхъ и въ культѣ кроются первыя начала поэзи и прочихъ искусствъ. Штейнталь помѣстилъ въ журналъ рядъ статей, посвященныхъ духовной дѣятельности, выражающейся въ языкѣ, и уясняющихъ свойства языка съ психологической точки зрѣнія. Положеніе, что языкъ есть выраженіе душевной жизни, или, по В. Гумбольдту, выраженіе всей духовной жизни нашего бытія, а не одного только абстрактнаго мышленія, особенно по-дробно изслѣдовано въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Очеркъ науки о языкѣ“ (Ч. I, 1871 г.). Сочиненіе состоитъ изъ обширнаго вве-денія, гдѣ изложено отношеніе языкознанія къ другимъ наукамъ, и двухъ частей: въ первой изложена теорія познанія, которая здѣсь, на основаніи ученія Гербарта, названа психологической механикой; вторая часть посвящена психологическому развитію чело-вѣка, а слѣдовательно и языка; тутъ разсматриваются спо-собности души, содѣйствующія развитію языка. Развитіе языка, по мнѣнію автора, находится въ тѣсной зависимости отъ психологи-ческихъ и фізіологическихъ процессовъ. По этой теоріи выходитъ, что психологическое начало въ языкѣ является какъ бы созидаю-щимъ и составляетъ его внутреннюю сторону, тогда какъ звуко-вая сторона, или фізіологическая, служитъ какъ бы оболочкой или средствомъ къ передачѣ внутренняго содержанія. Эта двой-ственность въ проявленіяхъ языка сближаетъ психологическую теорію со взглядами В. Гумбольдта: какъ тамъ являются духъ и языкъ, такъ здѣсь душа и языкъ. Разница заключается въ томъ, что проф. Штейнталь подробнѣе и нагляднѣе изъясняетъ какъ вліяніе душевныхъ движеній, такъ и тѣснѣе связываетъ проявле-ніе звуковой стороны языка съ его содержаніемъ. То, что В. Гум-

больдтъ ставить какъ общее положеніе, его послѣдователь развиваетъ въ подробностяхъ и ближе къ дѣйствительности.

Психологическое направленіе оказало важную услугу наукъ и школьному преподаванію тѣмъ, что окончательно уничтожило логическую теорію Беккера, который на основаніи положенія Гегеля, что мысль есть „реализованное бытіе“, составилъ книгу „Организмъ языка“, гдѣ логическія категоріи абстрактнаго мышленія приспособлены къ языку. Эта книга имѣла вліяніе на составленіе грамматикъ для школъ. Грамматики, составленныя на основаніи теоріи Беккера, извѣстны подъ общимъ именемъ логическихъ. У насъ въ русской литературѣ логическая грамматика появилась въ 1852 году подъ заглавіемъ „Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка, издан. Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ“, подъ редакціей академика Ив. Давыдова. Эта книга, какъ увидимъ ниже, имѣла важное значеніе при составленіи „Исторической грамматики русскаго языка“.

Послѣднее направленіе въ языкознаніи извѣстно подъ именемъ неограмматическаго. Оно, какъ всякое научное направленіе, развивается вначалѣ незамѣтно, со времени семидесятыхъ годовъ, и продолжается въ настоящее время. Съ наступленіемъ этого новаго періода въ исторіи языкознанія наука о языкѣ, по выраженію проф. Дельбрюка, „перешла изъ философскаго въ историческій періодъ“.

Этимъ выраженіемъ опредѣляется первая и главная отличительная черта новѣйшихъ изысканій по языку. Такъ какъ методъ изслѣдованія преимущественно историческій, то хронологія, или опредѣленіе времени извѣстныхъ явленій въ языкѣ, получаетъ первенствующее значеніе. Такой же смыслъ имѣетъ и болѣе точное опредѣленіе мѣстности, особенно первобытнаго языка, взгляды на который у неограмматиковъ болѣе приближаются къ дѣйствительности. Языкъ cadaго племени имѣетъ свой праязыкъ. Такъ, у славянскихъ народовъ былъ сперва общій славянскій языкъ, эпоха распаденія котораго и является важнымъ моментомъ для изслѣдователя славянскихъ нарѣчій. Такимъ же образомъ необходимо возстановить общій прарусскій языкъ и т. д. Что касается общаго первобытнаго индоевропейскаго языка, то уже въ третьей

тысячѣ лѣтъ до Р. Хр. этотъ языкъ имѣлъ такое развитіе, что его нарѣчія находились въ такомъ же отношеніи, какъ въ настоящее время нѣмецкій языкъ къ датскому или совершенно такъ, какъ литовскій къ русскому. (Бругманнъ, Сравн. грам., т. I. 2-е изд., 2). Діалектическія различія имѣютъ значеніе во всѣ эпохи языка, слѣдовательно, и въ первоначальномъ общемъ индоевропейскомъ языкѣ они имѣли мѣсто. По этому взгляду прежнія выраженія въ наукѣ, какъ „общій языкъ“, праязыкъ и т. п., получаютъ другой смыслъ и значеніе. Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ и подъ вліяніемъ психологической теоріи открытъ былъ новый законъ, извѣстный подъ именемъ аналогіи, проф. Лескинымъ въ 1876 г. Всякій языкъ въ эпоху своего отдѣленія отъ другого имѣетъ уже готовыя формы, и дальнѣйшія новообразованія происходятъ по аналогіи, или по сходству, на основаніи законовъ ассоціаціи представленій, по образцу существовавшихъ раньше формъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что законъ аналогіи имѣетъ важное значеніе, потому что имъ объясняется многое, представлявшее прежде исключенія въ языкѣ. По мнѣнію неограмматиковъ, законы языка не должны имѣть исключеній, а ударенія и вообще *акцентуація* имѣютъ важное вліяніе на звуковыя измѣненія, которыя съ теченіемъ времени происходятъ въ языкѣ. Наконецъ, въ послѣднее время обращается особенное вниманіе на ученіе о звукѣ, какъ самое важное и главное въ языкѣ, потому что посредствомъ звуковыхъ измѣненій возможно возстановлять и объяснять форму въ языкѣ. Представителями этого послѣдняго неограмматическаго направленія признаются современные лингвисты, занимающіе почетное положеніе въ наукѣ: Лескинъ, Бругманнъ и Дельбрюкъ, Остгофъ, Пауль и многіе другіе. Между прочимъ, Пауль, исходя изъ психологическихъ принциповъ, думаетъ, что наблюденіе надъ явленіями языка отдѣльныхъ индивидуумовъ будетъ самымъ плодотворнымъ. Успѣхи науки о языкѣ и направленіе ея по частнымъ вопросамъ изложено въ небольшой книгѣ Дельбрюка: *Einleitung in das Sprachstudium*, 3-е изд. 1893 г., потомъ въ введеніи въ сравнит. синтаксисъ, его же, и въ сочиненіяхъ современнаго нѣмецкаго лингвиста Пауля. Эти ученые являются главными представителями современнаго направленія теоріи науки о языкѣ.

Перехожу къ славянамъ.

Національное возрожденіе, начавшееся у чеховъ въ концѣ XVIII вѣка, вызвало интересъ къ изученію языка и старины у славянскихъ народовъ. Ученый аббатъ Іосифъ Добровскій (1753—1829 г.) одинъ изъ первыхъ начинаетъ это изученіе, но особенное значеніе имѣла въ наукѣ его грамматика церковно-славянскаго языка, написанная на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Institutiones linguae-Slavicae dialecti veteris* (1822). Латинскій языкъ сочиненія далъ возможность Боппу и другимъ нѣмецкимъ ученымъ пользоваться славянскимъ языкомъ, при сравнительномъ языкознаніи. Добровскій этимъ трудомъ положилъ начало научной разработкѣ церковно-славянскаго нарѣчія. Ѳ. И. Буслаевъ пользовался сочиненіемъ Добровскаго, когда писалъ свою книгу: „О преподаваніи отечественнаго языка“, особенно его словопроизводствомъ. Добровскаго называютъ патріархомъ славянской науки. „Онъ первый, говоритъ А. Н. Пыпинъ въ „Обзорѣ исторіи славянской литературы“, научнымъ образомъ установилъ формы языка, своими историческими и филологическими изслѣдованіями въ первый разъ бросилъ яркій свѣтъ на славянскую старину, и въ первый разъ указалъ на тѣсную родственную связь славянскихъ племенъ и нарѣчій и возможность національнаго изученія“. Во главѣ слѣдующаго за Добровскимъ поколѣнія стоятъ знаменитѣйшіе основатели славянской науки по исторіи, литературѣ, филологіи и этнографіи. Словакъ Павелъ Іосифъ Шафарикъ (1795—1861 г.), кромѣ многихъ другихъ произведеній по литературѣ, языку и этнографіи, написалъ классическое сочиненіе „Славянскія древности“, которое и до настоящаго времени не потеряло своего значенія, какъ исторія первобытныхъ славянъ. Палацкій прославился своею исторіею чешскаго народа, а Юнгманнъ чешскимъ словаремъ (въ 5 томахъ). Не упоминаю о другихъ трудахъ въ свое время извѣстныхъ славистовъ, каковы: Копитаръ, Ганка и многіе другіе.

Въ предисловіи къ „Опыту исторической грамматики русскаго языка“ (1858 г.) Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ указываетъ тѣ сочиненія, которыя необходимы для желающихъ ближе познакомиться съ предметомъ. Это указаніе лучше всего свидѣтельствуетъ объ

источникахъ, какими могъ пользоваться историкъ русскаго языка по славянскимъ нарѣчіямъ. По отдѣльнымъ языкамъ упоминаются слѣдующія сочиненія: Копитара „Грамматика славянскаго языка“ (1808 г.), Добровскаго „Lehrgebäude der Böhmischen Sprache“ (1819), Вука Карджича „Сербская грамматика“ (1824), Шафарика „Serbische Lesekörner“, или историко-критическое освѣщеніе сербскаго нарѣчія (1833), „Грамматика древнечешскаго языка“, напечатанная въ исторической хрестоматіи Добровскаго подъ названіемъ „Wybor z literatury Ceske“ (1845), изданной Шафарикомъ же, и другія его статьи по языку, помѣщенные въ собраніи древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка (1840 г.), изданныхъ Шафарикомъ же и Палацкимъ, и въ журналѣ чешскаго музеума (1846—48 гг.), основаннаго въ 1818 году; далѣе указана „Грамматика польскаго языка“ Смита (1845 г.), Безсонова „Грамматика ново-болгарскаго языка“ (1855 г.) и магистерская диссертация Новикова: „О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій“ (1849 г.). Лучшіе словари упоминаются слѣдующіе: Линде — словарь польскаго языка (1807—1814 г. въ 6 частяхъ), Юнгмана — словарь чешско-нѣмецкій (1835—1839 г., въ 5 частяхъ) и Вука Караджича — сербскій словарь (1852 г. 2-е изд.).

Церковно-славянскій языкъ занимаетъ въ „Исторической грамматикѣ русскаго языка“ первое мѣсто; но источники изученія его составляли, въ большинствѣ, собранія или описанія рукописей, а не ученая разработка этого языка. Привожу то, что напечатано въ „Предисловіи“: Добровскаго *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris* (1822), переведено на русскій языкъ Погодинымъ и Шевыревымъ (1833—34 гг.), К. Калайдовича „Іоаннъ экзархъ Болгарскій“ (1824), Востокова Остромирово Евангеліе (1843) вмѣстѣ съ грамматикой и словаремъ, Копитара *Glogolita Clozianus* (1837), Шафарика „Памятники глаголитской письменности“ (1853 г.), Бодянскаго „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“ (1855), Кеппена „Собраніе славянскихъ памятниковъ (1827 г.) съ грамматикой и словаремъ“ и Билярскаго „Судьбы церковнаго языка“ въ двухъ выпускахъ (1847—48 гг.). Сюда относятся и грамматики новаго направленія ученыхъ: Миклошича „Ученіе о звукахъ и о формахъ древнеславянскаго языка“ (1850 г. двѣ книги) и Шлей-

хера „Грамматика церковно-славянскаго языка“ (Formenlehre der kirchenslawischen Sprache 1852 г.). „Описание русских и словенскихъ рукописей Румянцевскаго музеума“ Востокова (1842 г.) и „Описание славянскихъ рукописей Московской Синодальной библиотеки“ (Отдѣлъ первый) Горскаго и Невоструева (1855 г.) указаны какъ лучшія. „Словарь древнеславянскаго языка“ Миклошича (1850 г.) и „Корни древнеславянскаго языка“ его же (1845 г.) остаются до настоящаго времени, особенно первый, лучшими по древнему славянскому языку.

Славянскій языкъ и его нарѣчія въ общемъ видѣ въ то время можно было изучать только по сочиненіямъ Шафарика; поэтому Буслаевъ указываетъ преимущественно его труды: Славянскія древности (1837 г., русскій переводъ Бодянскаго 1848 г.), Славянское народописание (1842 г., русскій текстъ того же переводчика 1843 г.) и лингвистическія статьи въ журналѣ (Časopis) чешскаго музеума, каковы: „Объ образованіи словъ посредствомъ удвоенія корня“ (1846 г.), „Объ измѣненіи гортанныхъ согласныхъ“ (1847 г.) и другія. Въ числѣ источниковъ упомянута и „Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ“ Миклошича, первый томъ которой появился въ 1852 году. Самымъ виднымъ представителемъ науки общаго славяновѣдѣнія послѣ эпохи Добровскаго является Шафарикъ, но основателемъ славянскаго языковѣдѣнія былъ знаменитый ученый слѣдующей эпохи Франць Миклошичъ (1813—1891 гг.). Ученикъ извѣстнаго слависта начала возрожденія славянскихъ литературъ Копитара, Миклошичъ направилъ свою дѣятельность преимущественно на изученіе языка всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на изслѣдованіе церковно-славянскаго языка, и результатомъ этихъ занятій были указанные выше словари и грамматики этого нарѣчія древняго періода. Въ 1886 г. къ словарнымъ работамъ прибавился еще „Этимологическій словарь славянскихъ языковъ“, составленный по новѣйшимъ даннымъ языкознанія, единственное сочиненіе въ этомъ родѣ работъ. Трудно перечислить всѣ труды Миклошича по славянскимъ нарѣчіямъ и вообще по языкознанію, но самый капитальный изъ нихъ, классическое ученое сочиненіе, называется „Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій“, выходившая въ

теченіе 20 слишкомъ лѣтъ (1852—1874 г.). Это сочиненіе появилось въ четырехъ томахъ, по четыремъ отдѣламъ науки: ученіе о звукѣ, ученіе объ образованіи корней, словоизмѣненія и синтаксисъ. При осторожности автора въ выводахъ его „Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ“ предлагаетъ преимущественно собраніе богатаго матеріала, сгруппированнаго по извѣстнымъ категоріямъ и подлежащаго сравненію въ области родственныхъ нарѣчій; въ сочиненіи изучающему представленъ богатый просторъ самому дѣлать выводы изъ сопоставленныхъ фактовъ. Сравнительный синтаксисъ былъ вообще первымъ опытомъ этого рода работъ въ языкознаніи. Обзорѣніе трудовъ Миклошича могло бы составить цѣлую книгу: такъ, они многочисленны.

Миклошичу суждено было еще при жизни видѣть результаты своей дѣятельности. Пятидесятилѣтній юбилей его ученаго поприща былъ отпразднованъ въ 1883 году, когда славянская наука получила уже всестороннее развитіе и направленіе въ трудахъ его непосредственныхъ учениковъ, или же съ помощью его сочиненій. Проф. Ягичъ при разборѣ синтаксиса Миклошича справедливо сравнилъ значеніе этого ученаго для славянъ съ дѣятельностью Як. Гримма въ области нѣмецкаго языка.

Въ исторіи грамматики церковно-славянскаго языка можно отмѣтить три направленія. Работы Миклошича напоминаютъ труды Боппа, также осторожнаго въ выводахъ и заключеніяхъ и предлагающаго больше факты, чѣмъ обобщенія. Сочиненія Миклошича скорѣе описательнаго характера, тогда какъ грамматика церковно-славянскаго языка Шлейхера, „Ученіе о формахъ церковно-славянскаго языка“ (1852 г.), принадлежитъ къ такимъ трудамъ, гдѣ проведены общія положенія, подтвержденныя фактами. „Die Formenlehre der kirchen slawischen Sprache“ объективнѣе и научнѣе, чѣмъ его „Compendium сравнительной грамматики индогерманскихъ языковъ“, появившійся, какъ уже сказано, въ 1861 году. „Ученіе о формахъ ц. славянскаго языка“ тѣснѣе примыкаетъ къ трудамъ Як. Гримма, нежели его „Compendium“, гдѣ проведена теорія объ организмѣ индогерманскихъ (индоевропейскихъ) языковъ. Исторически сравнительный приемъ автора придаётъ грамматикѣ церковно-славянскаго языка необыкновенно живой научный интересъ и облегчаетъ изученіе пред-

мета. Славянскій языкъ сравнивается съ другими индоевропейскими родственными языками: съ санскритомъ, зендомъ, литовскимъ, готскимъ и другими; такимъ путемъ славянская вѣтвь языковъ какъ бы выдѣляется изъ общей группы. Наконецъ, направленіе неограматическое выразилось въ „Грамматикѣ старо-славянскаго языка“ А. Лескина (русскій переводъ А. А. Шахматова и В. Н. Щепкина, 1890 г. со 2-го изданія этой книги „Handbuch der altbulgarischen (altkirhenslawischen Sprache“, 1886 г., первое изданіе вышло въ 1871 году). Говоря о направленіяхъ въ наукѣ славянскаго языкознанія, я долженъ сказать, что въ настоящее время среди ученыхъ спеціалистовъ по разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ первое и выдающееся положеніе занимаетъ извѣстный славистъ профессоръ и академикъ И. В. Ягичъ. Съ 1875 года этотъ неутомимый дѣятель издаетъ „Архивъ славянской филологіи“, журналъ, въ которомъ заключается исторія науки о славянахъ всѣхъ народностей. И. В. Ягичъ сумѣлъ привлечь къ участию въ своемъ изданіи всѣхъ лучшихъ славистовъ. Все, что выходило на славянскихъ нарѣчіяхъ въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ, даже и незамѣчательное, находило на страницахъ этого журнала свою оцѣнку. Критическія обзорѣнія ведетъ большею частью самъ редакторъ, и рѣдкая книга не приноситъ съ собою какого-нибудь болѣе или менѣе обширнаго изслѣдованія этого талантливаго ученаго. И. В. Ягичъ извѣстенъ также какъ изслѣдователь и издатель обширныхъ памятниковъ древне-славянскаго языка, какъ, напримѣръ, „Маріинское четвероевангеліе“ съ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ и словаремъ (1883 г.) и другія важныя изданія и ученыя работы. Имя академика И. В. Ягича извѣстно и въ исторіи русскаго языка. Состоя въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета, проф. Ягичъ спеціально изучалъ русскій языкъ, о чемъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи къ книгѣ: „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка (1889 г.)“. „Глубоко запали мнѣ въ душу, говоритъ онъ, тѣ незабвенные годы, когда я предъ многочисленною аудиторіею русской молодежи читалъ лекціи о русскомъ языкѣ, старомъ и новомъ, какъ въ университетѣ, такъ на высшихъ женскихъ курсахъ; съ тронутымъ сердцемъ вспоминаю также отношенія ея ко мнѣ, всегда полныя вни-

манія и довѣрія“. „Критическія замѣчанія“, посвященныя бывшимъ ученикамъ и ученицамъ, написаны по поводу порученія Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, членомъ котораго состоитъ авторъ, написать разборъ труда профессора А. И. Соболевскаго „Лекціи по исторіи русскаго языка“ (1888), представленнаго въ Академію на соисканіе преміи графа Д. А. Толстого. „Критическія замѣтки“ сами по себѣ представляютъ замѣчательное сочиненіе по исторіи русскаго языка. И. В. Ягичъ во введеніи дѣлаетъ общій очеркъ трудовъ по исторіи русскаго языка, а въ слѣдующихъ XXII главахъ своего сочиненія излагаетъ по поводу „лекцій“ проф. Соболевскаго свои „особые взгляды“ на исторію русскаго языка, или лучше, пишетъ свое изслѣдованіе по исторію русскаго языка. Такимъ образомъ съ именемъ академика и профессора И. В. Ягича наука о славянскихъ нарѣчіяхъ связывается съ исторіею науки о русскомъ языкѣ, къ которому мы теперь переходимъ.

Въ Россіи со времени появленія первой русской грамматики Ломоносова (1755 г.) до изданія „Опыта исторической грамматики русскаго языка“ Ѳ. Буслаева (1858 г.) существовали практическія грамматики, направленные къ изученію языка образцовыхъ писателей, дабы извлечь изъ ихъ сочиненій правила и предложить для руководства, подобно тому, какъ это свойственно грамматикамъ классическихъ и вообще иностранныхъ языковъ. Послѣ Ломоносова была извѣстна грамматика Россійской Академіи Наукъ (1802, 1809 и 1819), дававшая направленіе школьнымъ грамматикамъ. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ явились грамматики Н. И. Греча (1827 г.) и А. Х. Востокова (1831 г.). Обѣ книги долгое время пользовались заслуженною извѣстностью, какъ руководства, особенно учебникъ Востокова. Наканунѣ появленія грамматики Ѳ. И. Буслаева академикъ Давыдовъ издалъ отъ имени Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ свой „Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка“ (1852 г.), о которомъ сказано выше. Въ научномъ смыслѣ разработки русскаго языка не было. Писатели занимались разборомъ слога нашихъ поэтовъ и ученыхъ со времени Тредьяковскаго, Ломоносова и Сумарокова. Въ то же время на развитіе русскаго общества въ первой поло-

винѣ XIX вѣка оказывала замѣтное вліяніе германская философія, особенно въ 20-е и 30-е годы теорія Шеллинга, выставлявшаго жизнь, какъ господствующее начало въ природѣ, и смотрѣвшаго на языкъ какъ на явленіе органически развивающееся по законамъ природы. Гегель, по философіи котораго выходило, что въ языкѣ выражается безконечное развитіе духа, замѣнилъ Шеллинга въ 40-хъ годахъ. Лучшіе русскіе ученые и писатели черезъ знакомство съ западною философіей узнавали, что въ Германіи еще въ началѣ столѣтія началась живая работа надъ изученіемъ челоѣческаго слова, что открывалась новая область для исканія такихъ истинъ, которыя относятся къ уясненію самыхъ существенныхъ сторонъ бытія народовъ и отдѣльной личности. Въ 1820 году появилось небольшое сочиненіе Востокова „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ въ грамматику сего языка“, напечатанное въ XIX книгѣ „Трудовъ Общества любителей россійской словесности“. Это небольшое, но богатое содержаніемъ, разсужденіе было первымъ трудомъ по исторіи русскаго языка. Въ немъ въ первый разъ въ русской литературѣ была высказана мысль объ изученіи языка историческимъ методомъ, который и былъ примѣненъ въ этомъ же сочиненіи. Авторъ указываетъ на особенности древняго славянскаго и древне-русскаго языка, на отличія этихъ языковъ отъ русскаго книжнаго и проводитъ мысль объ историческомъ изученіи славянскихъ нарѣчій. Онъ первый указалъ на три періода въ исторіи развитія церковно-славянскаго языка (I—IX—XIV вв., II—XV и XVI столѣтія, III—съ XVII вѣка). Это разсужденіе богато также открытіями въ области русскаго языка.

Десятилѣтіе сороковыхъ годовъ истекающаго столѣтія весьма знаменательно въ исторіи нашего просвѣщенія. Въ это время произошло основаніе русской науки, извѣстной подъ именемъ исторіи русскаго языка. Эта эпоха ознаменована также началомъ науки сравнительнаго языкознанія въ нашемъ отечествѣ. Эта заслуга передъ отечествомъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, Федору Ивановичу Буслаеву. Онъ беретъ результаты, достигнутые въ 30-хъ годахъ, основателями новой науки на Западѣ, переноситъ ихъ на родную почву и создаетъ новое зданіе науки о русскомъ языкѣ.

„Мечтательное расположеніе духа такъ называемыхъ людей сороковыхъ годовъ, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, не могло довольствоваться только ученою разработкою фактовъ далекой старины; они любили воссоздавать ее всю сполна въ своемъ воображеніи и вновь переживать отжившее, какъ Вальтеръ Скоттъ въ своихъ историческихъ романахъ, какъ Викторъ Гюго въ „Notre Dame de Paris“ или какъ нашъ Пушкинъ въ „Борисъ Годуновъ“; такимъ же мечтательнымъ переживаніемъ профессоръ Московскаго университета Грановскій увлекалъ своихъ слушателей на лекціяхъ всеобщей исторіи“. (Мои воспом., стр. 253). Въ другомъ мѣстѣ „Воспоминаній“, говоря о своемъ эстетическомъ образованіи въ Римѣ, Ѳедоръ Ивановичъ даетъ новую черту въ характеристикѣ людей его времени. „Я не довольствовался только изученіемъ стиля, типическихъ подробностей и основной идеи художественнаго произведенія: оно должно было меня воодушевлять, улучшать и облагораживать, воспитывая во мнѣ высокіе помыслы, очищая мой нравъ отъ всего низкаго и пошлаго, отъ всего, что оскорбляетъ человѣческое достоинство“ (стр. 266).

Какъ всегда бываетъ, въ эту эпоху дѣйствуютъ два поколѣнья, прежнее старое, и молодое, только что вступающее въ жизнь. Въ 1840 г. напечатана книга Н. Греча: „Чтенія о русскомъ языкѣ“. Не имѣя научныхъ достоинствъ, эти чтенія распространяли въ обществѣ понятія о языкѣ, какъ о явленіи, достойномъ изученія всякаго мыслящаго человѣка. Въ слѣдующемъ году появляются въ свѣтъ болѣе научныя „Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка“ протоіерея Павскаго (1841), удостоенныя Академіей Наукъ Демидовскою преміи. „Всѣ языки, по мнѣнію автора, суть только потоки изъ одного и того же источника. Что изсякло въ одномъ потокѣ, то могло уцѣлѣть въ другомъ. Уцѣлѣвшее въ другихъ языкахъ я и выставляю иногда, чтобы объяснить значенія своихъ словъ и новыхъ формъ, въ какихъ является нынѣшній нашъ языкъ, и чтобы возвести свой языкъ къ его началу“ (1-е разсужд., стр. V). Патріархъ русской науки о языкѣ А. Х. Востоковъ (1781—1864 г.) напечаталъ въ 1842 г. классическое сочиненіе „Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музея“. Это обширное и богатое фактами

сочиненіе можно назвать первою исторіей русскаго книжнаго языка. Здѣсь описаны 373 рукописи древней русской письменности до XVII вѣка включительно. При описаніи въ „выпискахъ, сдѣланныхъ изъ рукописей, соблюдены въ точности всѣ старинныя формы языка, особенности правописанія, словосокращенія и титулы, и даже ошибки безграмотныхъ писцовъ“ (Предисл., стр. XI). „Главное здѣсь точность. Палеографъ долженъ передавать описываемую имъ старину въ подлинномъ ея видѣ, безъ всякихъ прикрасъ и подновленій“. Этому правила постоянно держался знаменитый авторъ „Описанія“ во всѣхъ работахъ по изданію и описанію старинныхъ памятниковъ. Благодаря этому возможно пользоваться его отрывками изъ описаній и памятниками рукописей. Въ томъ же 1842 г. появился „Корнесловъ русскаго языка“ Ѳ. Шимкевича, удостоенный Демидовской преміи, начатый еще въ 1828 г. съ цѣлью „отыскать первоначальную основу русскаго языка и опредѣлить количество сохранившагося въ немъ собственнаго славянскаго запаса“. Объемъ и особенности русскаго языка, по его звуковымъ явленіямъ среди славянскихъ нарѣчій, опредѣляются въ книгѣ профессора Максимовича „Начатки русской филологіи“ (1848 г.). Всѣ упомянутые ученые Востоковъ, Павскій, Шимкевичъ и Максимовичъ, дѣятели прежняго времени; они, на склонѣ дней своихъ, передаютъ молодому поколѣнію труды, какъ результаты долголѣтней работы и какъ преддверіе науки о русскомъ языкѣ. Люди новаго поколѣнія сороковыхъ годовъ, Ѳ. И. Буслаевъ, М. Н. Катковъ, И. И. Срезневскій, К. С. Аксаковъ, слависты: Бодянскій, Билярскій, Новиковъ и другіе, начинаютъ свою дѣятельность блестящимъ образомъ и составляютъ знаменитую плеяду ученыхъ, среди которыхъ Ѳ. И. Буслаевъ занимаетъ первое и выдающееся положеніе въ наукѣ о языкѣ, съ горячею любовію къ изысканію истины, съ обширною эрудиціею и трудолюбіемъ, наконецъ, съ отмѣнными талантами и съ возвышеннымъ настроеніемъ чувствъ и стремленій. Каждый изъ указанныхъ ученыхъ написалъ одно или нѣсколько сочиненій по языку, но Ѳ. И. Буслаевъ цѣлымъ рядомъ обширныхъ сочиненій обзрѣваетъ русскій языкъ во всемъ его объемѣ.

Прежде, чѣмъ перейти къ обзрѣнію отдѣльныхъ трудовъ Буслаева, укажу на тѣ сочиненія, которыя принадлежали его

современникамъ, какъ бы помогавшимъ ему воздѣлывать ниву отечественнаго слова. Среди современниковъ Ѳедора Ивановича, безспорно, первое мѣсто занимаетъ знаменитый русскій публицистъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ (1818—1887 г.). Возвратившись въ 1843 г. изъ-за границы, онъ „намѣревался вступить на открывавшееся ему поприще гражданской службы; но здѣсь встрѣча съ бывшимъ тогда попечителемъ Московскаго учебнаго округа, графомъ С. Г. Строгановымъ, измѣнила его предположенія. Онъ прибылъ въ Москву и въ 1845 г. защищалъ публично диссертацию, напечатанную подъ заглавіемъ: „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ (Біографическій словарь профессоровъ Москов. универ., стр. 382). Это разсужденіе принадлежитъ къ замѣчательнымъ и выдающимся въ нашей ученой литературѣ по историко-сравнительному методу изслѣдованія, по самостоятельности выводовъ и по богатству мыслей, какъ по исторіи нашего языка, такъ и по сравнительной грамматикѣ. Оно до настоящаго времени остается единственнымъ оригинальнымъ научнымъ сочиненіемъ на русскомъ языкѣ по лингвистикѣ. Книга раздѣляется на двѣ части: I) объ элементахъ, т. е. о звукахъ, и II) о формахъ. Ученіе о звукахъ занимаетъ почти половину сочиненія (116 страницъ изъ 252). То и другое изложено исторически посредствомъ сравненія славянскихъ словъ съ выраженіями другихъ индоевропейскихъ языковъ. Видно, что талантливый авторъ, какъ и Ѳ. И. Буслаевъ, основательно изучилъ санскритъ и произведенія ученыхъ по сравнительному и славянскому языкознанію. Ученые выводы выражены въ 19 положеніяхъ, которыя приложены къ книгѣ. Развитіе гласныхъ звуковъ (вокализмъ) въ извѣстную прошлую эпоху языка, произношеніе *ъ* и *ь* въ ту же эпоху, зависимость ударенія отъ количества слога, — всѣ эти и имѣ подробныя свойства языка продолжаютъ занимать послѣдующихъ ученыхъ и не теряютъ своего интереса до настоящаго времени. Знаменитый авторъ, одаренный замѣчательною способностью къ научному анализу и критикѣ, переходитъ отъ вопросовъ спеціальныхъ къ болѣе широкимъ и общимъ: къ теоріи о происхожденіи и развитіи языка, указываетъ на отличіе въ языкѣ явленій фізіологическихъ отъ историческихъ, что до послѣдняго

времени смѣшивалось учеными, оспаривасть мнѣніе Гримма о происхожденіи долгихъ звуковъ изъ краткихъ и оканчиваетъ свою книгу полнымъ глубокаго смысла изреченіемъ: „историческое изученіе языка не должно чуждаться философіи языка: напротивъ, глубже вникая въ свое дѣло, оно должно глубже чувствовать ея потребность и наоборотъ“.

Диссертація К. С. Аксакова „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка“ (1846 г.) принадлежитъ къ противоположному направленію. Это сочиненіе больше относится къ философіи и къ литературнымъ трудамъ, чѣмъ къ языку. Въ 1849 г. на актѣ С.-Петербургскаго университета была прочитана рѣчь Измаила Ивановича Срезневскаго „Мысли объ исторіи русскаго языка“. Это сочиненіе было тогда же напечатано и второе изданіе появилось въ 1887 году, въ дополненномъ видѣ, послѣ кончины автора. Это сочиненіе написано очень живо и увлекательно. „Книжка И. И. Срезневскаго, — говоритъ академикъ И. В. Ягичъ въ своихъ „Критическихъ замѣчаніяхъ по исторіи русскаго языка“, — и до сихъ поръ (1889 г.) не потеряла своей прелести“. Но это не исторія русскаго языка, а „Мысли“ объ его исторіи. Въ этомъ сочиненіи прежде всего идетъ рѣчь о важности „народной русской науки“, изслѣдованіе же языка составляетъ ея необходимую часть и должно имѣть историческое направленіе. Авторъ отличаетъ, подобно Як. Гримму, три эпохи въ развитіи языка: время до-историческое, когда рѣчь состояла изъ небольшого количества корней, и эпоху историческую, раздѣляющуюся на два періода: періодъ формъ и превращеній. Далѣе слѣдуютъ главные вопросы въ исторіи языка: о развитіи языка до отдѣленія народа отъ другихъ племенъ, и послѣ отдѣленія; отсюда — первый вопросъ — о древнемъ первобытномъ языкѣ русскомъ, а второй — объ измѣненіяхъ со времени самостоятельности народа до настоящаго времени; при этомъ необходимо отдѣлить исторію народнаго языка отъ книжнаго: тотъ и другой языки имѣютъ свою исторію. Такъ, исторія русскаго народнаго языка должна отличать отдѣленія нарѣчій и общій ходъ ихъ измѣненій сравнительно съ другими славянскими нарѣчіями; исторія языка книжнаго имѣетъ въ виду періодъ отдѣленія его отъ языка народа и, обратно, сближе-

ніе его съ народнымъ. Книга оканчивается обзоромъ соотношеній исторіи языка и исторіи литературы и заключеніемъ о богатствѣ матеріала по исторіи русскаго языка. „Мысли объ исторіи русскаго языка“ служили, по словамъ издателей, постояннымъ основаніемъ при чтеніи лекцій покойнаго профессора по исторіи русскаго языка. Вѣроятно, этимъ объясняется довольно замѣтное вліяніе „Мыслей“ И. И. Срезневскаго на другое замѣчательное сочиненіе по исторіи русскаго языка, напечатанное въ 1852 году „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“ П. А. Лавровскаго. Заглавіе этого разсужденія не соотвѣтствуетъ содержанію, потому что изслѣдованіе языка новгородскихъ лѣтописей занимаетъ меньшую часть разсужденія, а большая его часть посвящена краткому обзорѣ исторіи звуковъ, формъ и синтаксиса „древняго и стариннаго“ русскаго языка. Тѣсная связь „Мыслей“ съ разсужденіемъ замѣтна во всемъ изложеніи. То, что въ „Мысляхъ“ выражено какъ желательное, нашло практическое выраженіе въ диссертациі П. А. Лавровскаго при изслѣдованіи памятниковъ, и это послѣднее сочиненіе является первою краткою исторіею нашего книжнаго языка древней словесности; поэтому эта небольшая книга имѣетъ особый интересъ и значеніе.

Развитіе „Мыслей“ И. И. Срезневскаго въ разсужденіи „О языкѣ сѣверныхъ новгородскихъ лѣтописей“ подтверждается словами самого автора послѣдняго сочиненія. „Такъ, безъ всякой предварительно составленной мысли, говоритъ П. А. Лавровскій, держась только однихъ источниковъ, мы пришли, на основаніи ихъ разбора, къ тому же заключенію, которое два уже года тому назадъ было высказано въ одномъ изъ достойнѣйшихъ сочиненій по русской филологіи“ (стр. 116). Къ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ принадлежитъ В. И. Даль (1801—1872 г.), который въ то время, уже извѣстный писатель, собиралъ матеріалъ для своего „Толковаго словаря живого великорусскаго языка“. Въ книгѣ академика И. В. Ягича „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка“ находится, какъ уже замѣчено, краткій обзоръ сочиненій по исторіи русскаго языка и развитіе науки въ послѣдующее время. Упомянутіемъ объ интересной и многосодержательной книгѣ И. В. Ягича, содержащей, какъ уже сказано, также краткую исторію

нашего языка, заканчиваю этотъ отдѣлъ моего обзорѣнія и перехожу къ сочиненіямъ по языку Ѳедора Ивановича Буслаева.

Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ изслѣдуетъ исторію отечественнаго слова отъ временъ первобытныхъ и оканчиваетъ обзорѣніемъ языка позднѣйшихъ писателей. Въ то же время онъ принимаетъ во вниманіе все обширное пространство русскаго языка: сюда входятъ языкъ церковно-славянскій, какъ элементъ книжнаго языка, древнерусскіе и современные говоры, при чемъ указываются сопоставленія изъ славянскихъ нарѣчій и языковъ индоевропейскихъ. Необходимо помнить, что Ѳедоръ Ивановичъ прочитывалъ массу рукописей и дѣлалъ изъ нихъ выписки болѣе характерныхъ отрывковъ, которые составляли фактическую сторону его сочиненій. Такимъ образомъ Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ является первымъ историкомъ русскаго языка. Ему принадлежитъ честь основанія науки о русскомъ языкѣ во всемъ ея объемѣ, а совершенство языка какого-либо народа есть первое условіе его могущества и славы. Обзорѣніе, даже самое краткое, трудовъ Ѳ. И. Буслаева по наукѣ о русскомъ языкѣ будетъ наглядно свидѣтельствовать о томъ важномъ значеніи, какое имѣла его дѣятельность въ исторіи нашего просвѣщенія.

Въ первомъ ученомъ сочиненіи „О преподаваніи отечественнаго языка“ (1844 г.), во второй части, уже вполнѣ обнаруживаются тѣ особенности, какими отличаются изслѣдованія Ѳедора Ивановича Буслаева по языку: талантливость, живость и доступность изложенія, богатство эрудиціи и практическія цѣли. Нашъ первый историкъ русскаго языка имѣлъ въ виду не только познаніе истины, но и распространеніе ея среди возможнаго круга читателей. Кромѣ фактовъ, обиліе коихъ находится во всѣхъ сочиненіяхъ, авторъ стремится познакомить русское образованное общество съ теоріями науки о языкѣ. „Въ языкѣ выражается вся жизнь народа; слѣдовательно, разложить на стихіи языкъ такъ же трудно, какъ и характеръ народа. Рѣчь, теперь нами употребляемая, есть плодъ тысячелѣтняго историческаго движенія и множества переворотовъ. Опредѣлить ее не иначе можно, какъ путемъ генетическимъ; отсюда необходимость историческаго изслѣдованія“ („О препод.“, 2-е изд., стр. 306). „Самымъ нижнимъ во глубинѣ лежащимъ

слоемъ языка надобно признать первобытнѣй, роднящій насъ съ языками индоевропейскими и миѳологическѣй, языческѣй“. Эти мысли высказываютъ, какъ мы видѣли, Вильгельмъ Гумбольдтъ и Як. Гриммъ. „Съ основаніемъ Руси вторгаются къ намъ варваризмы, а съ принятіемъ христіанства является смѣсь нарѣчія церковно-славянскаго съ народнымъ (стр. 308). Такимъ образомъ въ разсужденіе „О преподаваніи отечественнаго языка“ входитъ обзорѣніе языка народнаго, архаизмовъ, варваризмовъ и провинціализмовъ (309). Слово опредѣляется согласно съ В. Гумбольдтомъ: „Словомъ мы выражаемъ не предметы, а впечатлѣніе, произведенное онымъ на нашу душу. Такъ, слонъ называется двузубымъ, дважды пьющимъ снабженнымъ рукою“ (Примѣръ изъ В. Гумбольдта). Такъ какъ впечатлѣніе предполагаетъ нѣчто движущееся, дѣятельное, то большая часть словъ происходитъ отъ глагольныхъ корней. Значеніе словъ физическое древнѣе нравственнаго. Со временемъ живое значеніе слова теряется: впечатлѣніе забывается и остается одно только отвлеченное понятіе; потому возстановить первобытнѣй смыслъ слова значитъ возобновить въ душѣ своей творчество первоначальнаго языка. О происхожденіи языка авторъ согласенъ съ теоріею В. Гумбольдта. „Та же творческая сила, которая непрестанно дѣйствуетъ въ природѣ вещественной, создала и языкъ устами цѣлаго народа; ибо гласъ народа,—гласъ Божій“.

Сообразно съ такими взглядами разсматривается происхожденіе и исторія словъ, выражающихъ понятія о рѣчи, о происхожденіи закона и письменности, а далѣе идетъ обзорѣніе словъ, означающихъ понятія: міръ, пространство, время, душа, жизнь, познавательныя способности, чувства, искусство, наука, правда, вѣра, блаженство, судьба. Изъ происхожденія и исторіи этихъ понятій объясняется древнѣйшее міровоззрѣніе первобытныхъ людей того періода, въ которомъ слѣдуетъ искать начала миѳовъ, обычаевъ, нравовъ и права. Въ этихъ взглядахъ отражается теорія Як. Гримма, о чемъ сказано раньше. При этомъ народный языкъ получаетъ особое значеніе, и далѣе разсматриваются свойства народной рѣчи, которая проникнута органическою жизнью: тавтологія, описаніе, эллипсисъ, эпитеты, періоды, сравненія и народная фразеологія. Еще важнѣе обзорѣніе исторіи народнаго языка, гдѣ авторъ пока-

зываетъ тѣсную связь нашей народной поэзіи съ древнѣйшими памятниками русской литературы, и прочихъ славянскихъ племенъ, а также съ произведеніями новѣйшихъ писателей нашихъ. Здѣсь разсмотрѣны исторически формы описательныя, тавтологія, исторія постоянныхъ эпитетовъ, отрицательныхъ сравненій и олицетвореній; указано на изученіе народной рѣчи нашими писателями, начиная съ Ломоносова и кончая Пушкинымъ. Къ блестящимъ страницамъ сочиненія относится историческое обзорѣніе архаизмовъ (буда, варъ, ведро, говядо и др.), гдѣ описываются слова, означающія бытъ воинскій, юридическій, лѣтопись, старина, бытъ религіозный, отечество, честь, наконецъ, бытъ семейный и общественный. Обзорѣніе архаизмовъ даетъ поводъ автору подробно изобразить языческій взглядъ на природу, языческую символику, миѳологию, поэзію и игры, а также христіанскій взглядъ на природу, христіанскую символику, краснорѣчіе, взгляды на зодчество, ваяніе и живопись, и описать старинное предложеніе, пословицу, періодъ и рѣчь. Въ заключеніи указано отношеніе нашихъ поэтовъ къ древнерусской рѣчи. Статья „Стихи чужеземныя“ заключаетъ исторію варваризмовъ. Сочиненіе заканчивается обзорѣніемъ исторіи провинціализмовъ.

Изъ краткаго обзорѣнія содержанія книги видно, что въ ней изложена исторія русскаго слога, тогда какъ мы и до сихъ поръ довольствуемся въ нашихъ школьныхъ учебникахъ опредѣленіями и примѣрами. Это сочиненіе опередило время больше, чѣмъ на половину столѣтія. Главное значеніе этого труда выражается въ томъ, что въ немъ предложенъ опытъ историческаго изложенія явленій языка и примѣненъ въ первый разъ историческій методъ изслѣдованія Як. Гримма. Вторая часть книги есть первое по времени сочиненіе по исторіи русскаго языка. Другая важная сторона состоитъ въ томъ, что въ книгѣ указано на то значеніе, какое имѣетъ въ наукѣ изслѣдованіе народнаго языка и сдѣланъ опытъ научнаго его изученія. Вообще въ этомъ сочиненіи сказывается будущій авторъ исторической грамматики, очерковъ русской народной словесности и искусства и лицеваго Апокалипсиса. „О преподаваніи отечественнаго языка“ можно назвать блестящимъ вступленіемъ къ послѣдующимъ трудамъ нашего историка русскаго языка.

Второе сочиненіе „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“ (1848 г.) также принадлежитъ къ замѣчательнымъ произведеніямъ нашей ученой литературы по отечественному языку. Вопросъ о первобытномъ языкѣ, занимавшій тогда ученыхъ, искавшихъ въ первоначальной эпохѣ рѣшенія многихъ проблемъ исторіи человѣчества, интересовалъ и молодого русскаго преподавателя отечественнаго слова. Въ „Воспоминаніяхъ“ Ѳедоръ Ивановичъ такъ говоритъ объ этомъ трудѣ: „Меня особенно интересовалъ тогда вопросъ о первобытныхъ и свѣжихъ формахъ языка“. „Для этой цѣли мнѣ нужны были не сухія безсодержательныя окончанія склоненій и спряженій, а самыя слова, какъ выраженія впечатлѣній, понятій и всего міросозерцанія народа, въ неразрывной связи съ его религіею и съ условіями быта семейнаго и гражданскаго. Такимъ образомъ я раздѣлилъ свой курсъ исторіи языка на два періода: на язычскій съ миѳологіею и на христіанскій. Извлеченіе изъ этихъ лекцій я напечаталъ въ 1848 году въ видѣ магистерской диссертациі: „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. По Остромирову евангелію“. (308 стр.). Въ этомъ отрывкѣ изъ воспоминаній интересно указаніе на то, что Ѳ. И. Буслаевъ былъ первымъ профессоромъ, читавшимъ исторію русскаго языка; но обратимся къ сочиненію. Миѳологическій періодъ языка начинается со времени отдѣленія славянскаго племени отъ другихъ народовъ и продолжается до IV вѣка по Р. Хр., когда былъ сдѣланъ епископомъ Ульфилою переводъ Св. Писанія для готовъ, которые находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ славянами. Теоретическіе взгляды на языкъ остаются тѣ же, какіе выражены въ книгѣ „О преподаваніи“, но съ большею ясностью замѣтна теорія о происхожденіи миѳовъ школы Як. Гримма. „Языкъ въ древнѣйшемъ періодѣ своего образованія уже и потому является неразлучнымъ спутникомъ народной эпической поэзіи, что вмѣстѣ съ нею является сокровищницей вѣрованій и преданій, имъ запечатлѣнныхъ въ памяти народа“ (стр. 10). „Слово, какъ звукъ, выражающій движенія потрясенной души, тронутой впечатлѣніемъ внѣшнимъ въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, означаетъ предметъ по тѣмъ свойствамъ, какія ярче бросаются въ глаза и затрогиваютъ воображеніе“. „Впослѣдствіи изъ первоначальнаго впечатлѣнія и

постояннаго эпитета развивается цѣлое повѣріе. Для исторіи языка весьма важно обратить вниманіе на такой переходъ слова отъ значенія чисто нагляднаго къ міѳологическому, глубоко коренящемуся въ нравахъ и обычаяхъ народа“ (стр 11). „Въ названіяхъ эпическихъ эпитетъ достигаетъ высшаго значенія“. „Есть какая-то особая движущая сила въ языкѣ, соотвѣтствующая силѣ суевѣрія, посредствомъ которой слово древнѣйшее, имѣющее смыслъ обыкновенный, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію по разнымъ странамъ и народамъ, теряетъ свое обыкновенное простое значеніе и принимаетъ міѳологическое, соединяясь съ повѣріемъ“ (63). Самая міѳологія есть не иное что, какъ народное сознаніе природы и духа, выразившееся въ опредѣленныхъ образахъ: потому-то она такъ глубоко входитъ въ образованіе языка, какъ первоначальнаго проявленія сознанія народнаго“ (стр. 66).

На основаніи такихъ воззрѣній авторъ по стариннымъ эпитетамъ, выражающимъ сіяніе, блескъ, возстановляетъ картину вѣрованій міѳологическаго періода. Поклоненіе свѣту, огню и водѣ, вызываетъ вѣру въ виль, русалокъ и весталокъ, отъ которыхъ повѣріе переходитъ къ обоготворенію и олицетворенію рѣкъ и источниковъ. Эпитетъ бѣлый даетъ поводъ автору разсмотрѣть древнѣйшія представленія о божествѣ свѣта Сварогъ и Сварожичъ. Первобытный человѣкъ возводилъ существенныя и важнѣйшія явленія жизни нравственной до предметовъ поклоненія, увлекаясь врожденнымъ сознаніемъ Существа Безконечнаго. Самая жизнь и смерть, какъ предметы величайшей важности для человѣка, стояли въ ближайшей связи съ міѳологіей. Поэтому авторъ останавливается на представленіяхъ у первобытныхъ людей о жизни и смерти, о душѣ, объ очищающемъ дѣйстви огня и воды, о сближеніи души съ вѣтромъ, о вѣрѣ въ переселеніе душъ, и заключаетъ міѳическій періодъ обзорѣніемъ космогоническихъ преданій о сотвореніи міра, на основаніи Голубиной книги и другихъ сказаній. Послѣ міѳологическаго, изобразительнаго, періода настаетъ періодъ отвлеченія, или христіанскій. „Живость начальнаго впечатлѣнія уступаетъ величію влагаемой въ слово идеи, и христіанство сглаживаетъ съ языка его изобразительность, воспитанную язычествомъ, какъ ниспровергаетъ мраморныя изображенія види-

мыхъ божествъ“ (89). Существеннымъ вопросомъ, по мнѣнію автора, въ исторіи языка во время перевода Св. Писанія является тотъ, чтобы показать, „какъ языкъ отъ первоначальныхъ своихъ возрѣній, глубоко проникнувшихъ и въ жизнь и въ вѣрованія, и въ преданія народныя, мало-по-малу переходитъ къ ясному выраженію христіанскихъ понятій“ (90). „Нѣтъ сомнѣнія, что славянскій языкъ уже задолго до Кирилла и Меѳодія служилъ органомъ христіанскихъ понятій“ (91). Этому способствовали два обстоятельства: во-первыхъ, постоянныя сношенія славянъ съ народами, принявшими раньше христіанство и преимущественно съ готтами, для которыхъ переведена была Библия епископомъ Ульфилою въ IV вѣкѣ, имѣли слѣдствіемъ принятіе въ славянскій языкъ многихъ словъ, выражающихъ христіанскія понятія. Во-вторыхъ, постепенное распространеніе христіанства между славянами еще до перевода Св. Писанія способствовало къ очищенію языка и къ принятію христіанскихъ истинъ. „Особенно любопытны для исторіи такія формы, которыя, будучи образованы средствами одного языка, получаютъ право гражданства въ другомъ. Таковы въ славянскихъ нарѣчіяхъ слова, коимъ въ готтскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ образующіяся съ приставкою „ga“ (нѣм. ge): гораздъ, готовъ, гонзнути, говѣть и др. Славянское доба у готтовъ стало употребляться съ приставкою ga (га): gadob ist — подобаетъ. Слова, означающія могилу и гробъ, соотвѣтствуютъ готтскимъ, каковы: гробъ (и въ значеніи ямы, логовища), хлѣвъ (въ томъ же значеніи), и др. Черезъ сравненіе готтскаго перевода Св. Писанія съ славянскимъ дѣлается яснымъ, что переводъ еп. Ульфила изобилуетъ выраженіями, напоминающими языческую жизнь.

Преимущества славянскаго перевода Св. Писанія въ отношеніи чистоты идей при сличеніи съ переводомъ еп. Ульфила, явствуетъ изъ тѣхъ иностранныхъ словъ, которыя вошли въ славянскій до принятія христіанства, каковы: крестъ, алтарь, церковь. Съ этими словами вошли въ языкъ, раньше принятія христіанства, и слѣдующія слова: оцеть, срачица (лат. arca) и другія, наконецъ, самыя названія греческій и латинскій языки относятся къ той же эпохѣ.

Подъ вліяніемъ постепенно распространявшагося христіанства погія туземныя слова получаютъ отвлеченное значеніе, удобное

къ принятію христіанскихъ понятій, таковы слова: молитва, поклоненіе, Богъ, Спаситель, Св. Таинство, праздники, святость, и мн. другія. Наконецъ, слова: букварь, мытарь и мзда вошли въ славянскій языкъ черезъ переводъ еп. Ульфила. Обозрѣвъ періодъ готскаго вліянія, авторъ переходитъ къ исторіи понятій семейныхъ въ языкѣ и ставитъ общее положеніе: „Языкъ нашъ свидѣтельствуєтъ, что славяне преимущественно передъ индоевропейскими народами въ большей чистотѣ сохранили древнѣйшія названія семейныхъ отношеній и членовъ семейства“. Для теоріи словъ, означающихъ эти отношенія, нѣмецкіе переводы Св. Писанія предлагаютъ немаловажный источникъ. Слѣдуетъ изложеніе исторіи словъ: женихъ, обрученіе, бракъ, невѣста, и другія. Послѣ этого излагается исторія языка въ періодъ развитія общественныхъ отношеній изъ семейныхъ. Сюда относится исторія такихъ названій, какъ пращуръ, родъ, родоначальникъ, человекъ, князь, владыка, власть, старѣйшина, витязь, вѣщій и другія. Въ главѣ о расширеніи домашняго круга возрѣній въ языкѣ авторъ разсматриваетъ героическую эпоху, непосредственно предшествующую образованію государства и принятію письменности. Въ этой главѣ рассказана исторія словъ, означающихъ названія великановъ (обры, исполинъ), людей чуждыхъ (щуждь), страны міра; глава оканчивается исторією словъ: другъ, полкъ, дружина и т. подобныхъ. Въ заключеніи книги разсмотрѣны грецизмы и латинизмы, появившіеся вслѣдствіе перевода Св. Писанія Кирилломъ и Меѳодіемъ, каковы: кринъ, ехидна, сикеръ и др., и латинизмы: кустодія, легіонъ и другія.

Позволяю себѣ выписать тѣ положенія, которыя приложены къ книгѣ и характеризуютъ все сочиненіе.

1) Исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа.

2) Въ періодъ своего образованія языкъ носитъ на себѣ слѣды мифологіи народной.

3) Древнѣйшія эпическія формы ведутъ свое происхожденіе отъ образованія самого языка.

4) Родство языковъ индоевропейской отрасли сопровождается согласіемъ преданій и повѣрій, сохранившихся въ этихъ языкахъ.

5) Миѳологическія преданія славянъ должны быть изучаемы въ связи съ преданіями другихъ средневѣковыхъ народовъ, и преимущественно съ преданіями нѣмецкихъ племенъ.

6) Готтскій переводъ Библии предлагаетъ значительные факты для исторіи славянскаго языка въ IV вѣкѣ.

7) Славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей.

8) Славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія христіанскихъ понятій, происшедшаго вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ.

9) Готтскій переводъ Библии, напротивъ того, являетъ рѣзкій переходъ отъ выраженій миѳологическихъ къ христіанскимъ, и составляетъ любопытный фактъ въ исторіи языка, сохраняя въ себѣ преданія языческія для выраженія христіанскихъ идей.

10) По родству преданій славянскихъ съ нѣмецкими, не только готтскій переводъ Библии, но и другіе нѣмецкіе переводы Евангелія, VIII и IX в., предлагаютъ намъ многіе общіе у славянъ съ нѣмцами древнѣйшіе обычаи и вѣрованія, ясно сохранившіеся въ нѣмецкихъ переводахъ Св. Писанія, но не вошедшіе въ славянскій.

11) Переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ относится къ той порѣ жизни народной, когда въ языкѣ господствовали еще во всей силѣ понятія о семейныхъ отношеніяхъ.

12) Напротивъ того, въ языкѣ не только др. нѣм. переводовъ Св. Писанія, но даже и готтскаго, замѣчается большее развитіе государственныхъ понятій.

13) Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго.

14) Столкновеніе съ чуждыми народами и переводъ Св. Писанія извлекли славянъ изъ ограниченныхъ, домашнихъ отношеній, отразившись въ языкѣ сознаніемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго.

15) Отвлеченность славянскаго языка въ переводѣ Св. Писанія, какъ слѣдствіе яснаго разумѣнія христіанскихъ идей, очищеннаго отъ преданій до-христіанскихъ, усилилась грецизмами, которыхъ, сравнительно съ славянскимъ текстомъ, находимъ гораздо меньше въ готтскомъ.

16) По языку перевода Св. Писанія можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о характерѣ переводчиковъ и того народа, въ которомъ произошелъ переводъ Св. Писанія.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“, заключающей исторію языка доисторическаго времени. Она изобилуетъ фактическими сопоставленіями звуковъ, суффиксовъ и приставокъ, при объясненіи исторіи словъ первобытнаго языка. Возстановить звуковую картину языка, формы и сочетанія ихъ, представляется задачею очень трудною и для нашего времени, которое, несмотря на успѣхи языкознанія, осторожно относится къ возстановленію формъ первобытныхъ языковъ, а въ то время было совершенно невозможно. Тѣмъ не менѣе самая мысль начинать исторію нашего слова съ эпохи доисторической имѣетъ свое оправданіе, и осуществленіе ея въ изслѣдованіи дало блестящіе результаты, особенно по тому времени.

Послѣдующіе труды излагаютъ исторію русскаго языка со времени появленія письменности. Сюда относятся палеографическіе снимки съ славяно-русскихъ рукописей, историческая грамматика и историческая хрестоматія. Всѣ эти работы составляютъ въ общемъ одно цѣлое: исторію нашего книжнаго языка.

„Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ“, помѣщенные въ сборникѣ къ столѣтнему юбилею Московскаго университета: „Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ“ (1855 г.), составляютъ какъ бы переходъ къ исторіи книжнаго русскаго языка и служатъ превосходнымъ пособіемъ къ первоначальному изученію палеографіи и языка рукописей. Точные снимки съ подлинныхъ рукописей и азбуки, расположенные по вѣкамъ (до XVI в.), даютъ наглядное представленіе о характерѣ древняго письма. Въ текстѣ сдѣлано описаніе XI рукописей по вѣкамъ и даются свѣдѣнія по палеографіи и по исторіи языка. Описаніе языка слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: звуки гласные и согласные, склоненія, синтаксическія замѣчанія и нѣкоторыя особенности. Списокъ словъ составляетъ небольшой словарь древняго русскаго языка. „Къ палеографическимъ матеріаламъ“ тѣсно примыкаетъ „Историческая

христоматія“, потому что она также принадлежит къ необходимымъ пособіямъ при занятіяхъ исторіею русскаго языка.

„Историческая христоматія ц. славянскаго и русскаго языковъ“ (1861 г.) имѣетъ двойное назначеніе: во-первыхъ, она можетъ служить руководствомъ къ изученію этихъ языковъ, во-вторыхъ, предлагаетъ образцы древняго періода нашей словесности. Расположеніе матеріала слѣдуетъ въ хронологическомъ порядкѣ рукописей, а не сочиненій, какъ это сдѣлано въ „Исторической христоматіи ц. славянскаго и русск. языка“, А. Галахова (1848 г.). Въ приложеніи помѣщены образцы народной словесности XVIII-го вѣка. Всѣ отрывки снабжены примѣчаніями, „указывающими на важнѣйшее въ историческомъ изученіи языка и литературы“. „Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, совокупность всѣхъ примѣчаній, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ памятниковъ, составляетъ какъ бы исторію языка и письменности въ практическомъ изложеніи“. „Историческая христоматія“ составляетъ до настоящаго времени единственное пособіе этого рода: другой болѣе новой христоматіи, которая была бы составлена на основаніи новыхъ данныхъ по наукѣ о языкѣ, мы пока не имѣемъ.

„Историческая грамматика русскаго языка“, появившаяся въ первомъ изданіи (1858 г.) подъ именемъ „Опыта исторической грамматики“, безспорно, принадлежитъ къ самымъ важнымъ сочиненіямъ, какъ по своему научному содержанію, такъ особенно по громадному вліянію на практику русской рѣчи. Это сочиненіе до настоящаго времени не оцѣнено научной критикой; между тѣмъ оно имѣетъ несомнѣнныя научныя достоинства. Теоретическіе взгляды автора на языкъ и его исторію остаются и въ этомъ трудѣ тѣми же, какіе онъ излагаетъ въ прежнихъ сочиненіяхъ. Они, какъ мы видѣли, слѣдуютъ теоріи Вильгельма Гумбольдта и Як. Гримма. Хотя въ этомъ сочиненіи методъ изслѣдованія больше напоминаетъ Боппа, чѣмъ Як. Гримма, т. е. не вполне историческій, тѣмъ не менѣе общія основанія труда удовлетворяли тогдашнія научныя требованія. О сходствѣ грамматики съ трудомъ Фр. Боппа уже сказано, но здѣсь слѣдуетъ прибавить, что въ „Исторической грамматикѣ“ подробно изложены части слова какъ церковно-славянскаго, такъ и русскаго языка. Правда, „Историческая грам-

матика“ въ научномъ отношеніи принадлежитъ къ своему времени, но многое въ ней по этимологіи и особенно синтаксисъ не потеряло своего значенія до настоящей поры. Не слѣдуетъ забывать и того, что въ этомъ сочиненіи предлагается обильный матеріалъ по всѣмъ элементамъ русскаго книжнаго языка. Въ научной сторонѣ этого труда заключается все его значеніе, потому что, благодаря этому, у насъ была установлена теорія правописанія. Благодаря научной постановкѣ и рѣшенію вопросовъ языка, учебная грамматика получила другое болѣе правильное направленіе. Повторяю, научная критическая оцѣнка „Исторической грамматики“ можетъ составить прекрасную тему для отдѣльнаго, при томъ болѣе спеціальнаго, сочиненія; но обратимся къ практической сторонѣ этого сочиненія.

Въ предисловіи къ первому изданію, разъясняя пользу исторической грамматики, авторъ говоритъ, что онъ составилъ свою книгу на основаніи теорій современныхъ лингвистовъ. „Въ сочиненіяхъ Вильгельма Гумбольдта, Як. Гримма, Дица и другихъ лучшихъ лингвистовъ нашего времени читатели найдутъ оправданіе тому, въ чемъ авторъ отступилъ отъ прежнихъ Аделунговскихъ руководствъ. Впрочемъ, составляя свой „Опытъ“, онъ имѣлъ осторожность — постоянно свѣрять его съ этими практическими учебниками, для того, чтобы непрестанно имѣть въ виду практическую цѣль въ изученіи родного языка“ (стр. XXXI). Это указаніе самого автора составляетъ самое вѣрное основаніе для оцѣнки и характеристики его замѣчательнаго труда. Покойный профессоръ Александръ Аванасьевичъ Потебня (1835—1891 г.), авторъ единственнаго научнаго сочиненія по русскому синтаксису: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (1874 г.), полемизируя съ Ѡ. И. Буслаевымъ, относительно его синтаксическихъ опредѣленій, назвалъ „Историческую грамматику“ „во многихъ отношеніяхъ типичною“.

Такое опредѣленіе вѣрно въ томъ смыслѣ, что въ этой грамматикѣ отражаются всѣ направленія языкознанія того времени. Съ научной стороны она примыкаетъ къ теоріямъ основателей языкознанія; въ цѣляхъ практическихъ въ нее внесены взгляды и распредѣленіе матеріала грамматикъ логической и практической. Если сравнимъ „Историческую грамматику“ съ „Опытомъ общесравни-

тельной грамматики“ академика Давыдова, послѣдователя логическаго направленія, то окажется, что обѣ грамматики сходятся въ нѣкоторыхъ пунктахъ, даже въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Давыдовъ дѣлитъ грамматику на этимологию и синтаксисъ; „Историческая грамматика“ имѣетъ такое же подраздѣленіе. Обѣ грамматики начинаются введеніемъ, за которымъ слѣдуетъ, и въ той и другой, часть первая, начинающаяся заглавіемъ: „Звуки и соотвѣтствующія имъ буквы“ (одно и то же выраженіе). Кромѣ расположенія матеріала и нѣкоторыхъ опредѣленій, глава изъ общей логики о представленіяхъ, понятіяхъ и сужденіяхъ, несомнѣнно, написана, какъ уступка логической грамматикѣ. Практическія цѣли дать правила правописанія въ обширномъ смыслѣ заставили Ѳедора Ивановича имѣть въ виду грамматику Востокова. Не даромъ Востоковъ, глубокой знатокъ исторіи русскаго языка, писалъ грамматику по старымъ образцамъ, а „Опытъ исторической грамматики“ былъ вызванъ практическими обстоятельствами, о которыхъ Ѳедоръ Ивановичъ рассказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“: „коснувшись моей пространной грамматики, этого тяжеловѣснаго труда, переполненнаго необъятною массою мелкихъ и крупныхъ примѣровъ изъ древнихъ рукописей, изъ народныхъ пѣсенъ, причитаній, заговоровъ, пословицъ, поговорокъ, изъ старинныхъ книгъ XVII и XVIII столѣтій и изъ новѣйшихъ писателей до Пушкина — на первомъ планѣ моего разсказа я долженъ назвать вамъ того же моего руководителя и наставника, графа Сергѣя Григорьевича Строганова“ (326). По рекомендаціи графа, какъ уже выше замѣчено, начальникъ главнаго штаба военно-учебныхъ заведеній И. Я. Ростовцевъ поручилъ Ѳ. И. Буслаеву составить пространную грамматику, въ цѣляхъ лучшаго преподаванія этого предмета. Ѳедоръ Ивановичъ вспоминаетъ о диспутѣ, когда грамматика была уже готова и отправлена въ главный штабъ. „Диспутъ происходилъ въ главномъ штабѣ военно-учебныхъ заведеній за длиннымъ столомъ подъ предсѣдательствомъ Ростовцева; по правую его руку сидѣлъ я, а по лѣвую Востоковъ; отъ насъ направо, на концѣ стола, находился Гречъ со своими единомышленниками и приверженцами“. Диспутъ кончился тѣмъ, что Гречъ наконецъ „вспылить, вышелъ изъ себя

и наговорилъ мнѣ разныхъ дерзостей. Послѣ него никто уже не возражалъ. Тогда наступила очередь Востокова: онъ вполне одобрилъ мою грамматику“ („Мои восп.“, стр. 329). Такими обстоятельствами сопровождалось появленіе „Исторической грамматики“. Изъ исторіи подробностей появленія „Исторической грамматики“ очевидно, что она должна была имѣть характеръ прикладного знанія, а не научнаго. Заслуга составителя выражается въ томъ, что онъ сумѣлъ съ успѣхомъ согласовать практическія потребности съ научною стороною предмета. Въ этомъ отношеніи его талантъ, энергія и трудолюбіе изумительны. „Историческая грамматика русскаго языка“ съ одной стороны принадлежитъ къ эпохѣ, когда языкознаніе находилось въ первомъ періодѣ своего развитія, съ другой, — она удовлетворяла потребности русскаго образованнаго общества того времени, когда наука о языкѣ только что возникла въ Россіи. Если бы Ѳедоръ Ивановичъ имѣлъ въ виду только однѣ научныя цѣли при составленіи своей замѣчательной книги, то, навѣрное, она была бы достояніемъ книжныхъ складовъ и не соотвѣтствовала бы уровню познаній большинства тогдашнихъ педагоговъ. То обстоятельство, что „Историческая грамматика“ отличается двойственнымъ характеромъ, научнымъ и практическимъ, свидѣтельствуетъ о глубокомъ пониманіи авторомъ интересовъ родного просвѣщенія. Авторъ, какъ опытный и талантливый учитель, умѣлъ специальное научное знаніе сдѣлать доступнымъ и понятнымъ всякому образованному человѣку. Его грамматика, будучи научнымъ трудомъ, проводила въ сознаніе общества теорію и фактическія данныя новой науки о языкѣ и послужила основаніемъ этой науки въ нашемъ отечествѣ; въ то же время она дѣлала грамотнымъ русскаго человека. Преподаваніе отечественнаго языка получило новое научное направленіе, и появились учебныя руководства, которыя болѣе удовлетворяли требованіямъ науки и здраваго смысла. Если сообразимъ все это, то невольно приходимъ къ заключенію, что „Историческая грамматика русскаго языка Ѳ. И. Буслаева“ сдѣлала эпоху въ исторіи нашего развитія и поэтому принадлежитъ къ классическимъ сочиненіямъ учено-педагогической русской литературы. На Западѣ языкознаніе, какъ мы видѣли, пережило уже

нѣсколько направленій; появились три классическихъ сочиненія по сравнительной грамматикѣ со времени основанія новой науки; но у насъ существуетъ пока единственная „Историческая грамматика“: мы не имѣемъ другого руководства, которое соотвѣтствовало бы болѣе позднему времени.

Итакъ, труды Ѳ. И. Буслаева остаются первыми и единственными въ нашей литературѣ: историческая стилистика, исторія языка первобытнаго времени, историческая грамматика и хрестоматія положены въ основаніе науки о русскомъ языкѣ и составляютъ ея первый періодъ. Каждое изъ указанныхъ сочиненій вноситъ что-нибудь новое и весьма важное въ нашу науку, а всѣ они вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое, которое можно назвать исторіею русскаго языка съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до эпохи нашихъ классическихъ писателей включительно. Въ этомъ смыслѣ Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ долженъ быть названъ первымъ историкомъ русскаго языка и основателемъ этой науки въ Россіи. Такое названіе уже свидѣтельствуетъ о томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ его научная дѣятельность въ исторіи нашей науки и просвѣщенія.

Я не касаюсь статей, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ, начиная съ 1842 г., и учебныхъ книгъ, потому что, полагаю, указаннаго достаточно для моихъ цѣлей, но позволяю себѣ сдѣлать общее заключеніе.

Труды Ѳедора Ивановича Буслаева по языку имѣютъ двойное значеніе: научное и общее. При развитіи языкознанія, весьма естественно, что въ его сочиненіяхъ нѣкоторые отдѣлы и частности, соотвѣтствуя эпохѣ начала новой науки, въ настоящее время кажутся устарѣлыми, каково, на примѣръ, ученіе о звукахъ, но многое, особенно синтаксисъ, не теряетъ до сихъ поръ научнаго интереса. Теорія языкознанія также пережила нѣсколько направленій, а историческій методъ изслѣдованія, распредѣленіе исторіи языка на періоды и обильное богатство собранныхъ фактовъ навсегда останутся научнымъ достояніемъ. Начиная новый научный періодъ и основывая науку о русскомъ языкѣ, Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ, какъ лучший и талантливый представитель своего поколѣнія, вноситъ въ наше духовное развитіе то новое, что навсегда

дѣлается достояніемъ русскаго народа. Самая его дѣятельность, какъ выраженіе высокихъ помысловъ и чистоты нравственныхъ стремленій, исполненныхъ глубокаго смысла, въ свою очередь навсегда останется глубоко поучительнымъ примѣромъ для подрастающихъ юныхъ дѣятелей.

Научная разработка языка способствуетъ развитію его жизненныхъ силъ, уясненію насущныхъ запросовъ cadaго и возвышаетъ наше значеніе среди другихъ народовъ. Такимъ образомъ спеціальныя работы получаютъ общій смыслъ и характеръ. Не пришло еще то время, когда исторія русскаго языка, какъ основа всякаго познанія, будетъ преподаваться во всѣхъ университетахъ. Намъ пока приходится учиться преимущественно по книгамъ *Θ. И. Буслаева*, а учебныя руководства составлять по его грамматикѣ. Если при этомъ вспомнимъ, что онъ установилъ научныя основы правописанія, то, очевидно, мы должны признать его нашимъ общимъ учителемъ русскаго языка и отнестись съ глубокою благодарностью къ его памяти, дорогой поэтому для всякаго русскаго челоука. Благотворное вліяніе трудовъ перваго историка нашего языка простирается гораздо шире и глубже, чѣмъ оно можетъ казаться съ перваго взгляда. Онъ распространилъ правильныя взгляды на языкъ и его свойства, преподаваніе получило болѣе научное и цѣлесообразное направленіе, и русскому челоуку дана возможность быть грамотнымъ на своемъ родномъ языкѣ.

Все это споспѣшествуетъ развитію самопознанія, перваго условія просвѣщенія, но значеніе этой дѣятельности вполне выяснится съ теченіемъ времени, потому что результаты ученой разработки языка не такъ скоро замѣтны, какъ тѣ перемѣны, какія вносятъ въ живую рѣчь талантливый поэтъ или писатель. Впрочемъ *Θедоръ Ивановичъ Буслаевъ* принадлежитъ также къ даровитымъ писателямъ, что особенно явствуетъ изъ болѣе позднихъ его произведеній, какъ „Мои досуги“ (1886 г.) и „Мои воспоминанія“ (1890—92 г.). Последнее сочиненіе, вышедшее на-дняхъ (1897 г.) отдельной книгой, составляетъ замѣчательное произведеніе изящной словесности. Русская литература обогатилась прекраснымъ образцомъ автобіографіи, вполне законченной и художественно написанной; свѣтлая и привлекательная личность автора обрисовы-

вается живо и наглядно и представляет поучительный примѣръ чистаго глубоко-нравственнаго дѣятеля, съ возвышенными помыслами и стремленіями, направленными къ безкорыстному служенію истинѣ и благу просвѣщенія своего отечества. Чѣмъ дальше будетъ уходить въ глубь прошлаго свѣтлый образъ Федора Ивановича Буслаева, тѣмъ будетъ яснѣе и замѣтнѣе значеніе его трудовъ. Послѣ насъ придутъ на смѣну другія поколѣнія. Они, при дальнѣйшемъ развитіи науки, обстоятельнѣе едѣлаютъ оцѣнку заслугъ перваго историка русскаго языка и болѣе достойнымъ образомъ будутъ почитать память этого замѣчательнаго ученаго, который такъ многознаменательно и благотворно потрудился для счастья и славы нашего отечественнаго просвѣщенія.

К. Войнаховскій.

Отношеніе Ѳ. И. Буслаева къ искусству *)).

Много лѣтъ назадъ мы, студенты, въ одно изъ воскресеній, стояли въ кабинетѣ дорогаго, нынѣ чествуемаго профессора. На столѣ лежала старая рукопись, открытая на миниатюрѣ, изображающей изгнанныхъ изъ рая первыхъ человѣковъ. Несоразмѣрность частей тѣла, неискусныя линіи его обрисовки, полная неумѣлость работы — заставляли насъ со снисходительной улыбкой смотрѣть на это наивное произведеніе. А между тѣмъ Ѳедоръ Ивановичъ говорилъ намъ о высококомъ значеніи этой миниатюры, о ея важности въ исторіи искусства; онъ смотрѣлъ на нее съ любовію, даже съ уваженіемъ. Мы, легкомысленные юноши, долго не могли понять его толкованій и со свойственнымъ юности задоромъ видѣли въ профессорѣ чудака-любителя уродливой старины. Но вотъ онъ показалъ намъ другую, болѣе позднюю рукопись съ миниатюрой того же сюжета, болѣе красиво сдѣланной, гдѣ люди, какъ намъ казалось, были болѣе похожи на людей, — эта картинка намъ понравилась. Однако Ѳ. И. не одобрялъ ея. Онъ положилъ обѣ миниатюры рядомъ и сталъ ихъ сравнивать по частямъ. Что же оказалось? Мы убѣдились, что въ первой, которою мы пренебрегали, было гораздо болѣе выраженія изображаемаго момента, нежели во второй, гдѣ люди болѣе походили на куколь, какъ выразился Ѳ. И. Впервые услышали мы объ идеѣ въ искусствѣ, о воодушевленіи художника, объ его искренности, и перестали презирать все ненарядное, неумѣлое, наивное, а стали во всемъ доискиваться прежде всего проявленій высокихъ стремленій человѣческаго духа, какъ искалъ этого нашъ наставникъ.

„Разныя случайности, все равно — крупныя или мелкія, на которыя наталкивается человѣкъ въ ранней молодости, иногда могутъ оказать рѣшающее дѣйствіе на всю его жизнь, направляя

*) Прочитано въ засѣданіи Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній 10 декабря 1897 года.

его интересы, наклонности и даже пристрастія въ ту или другую сторону. Такъ было и со мной“, — говоритъ Ѳ. И. въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. Что же съ нимъ было? Случайно ѣдетъ онъ съ графомъ С. Г. Строгановымъ въ Италію. Вступая въ жизнь, Ѳ. И. первые шаги дѣлаетъ въ странѣ красоты и искусства, среди художественныхъ произведеній, подѣ книжнымъ руководствомъ Винкельмана и Отфрида Мюллера и подѣ живымъ руководствомъ несомнѣннаго знатока искусства гр. С. Г. Строганова. Слѣдите день за днемъ пребываніе Ѳ. И. въ Италиі, и вы увидите его не иначе какъ съ Винкельманомъ, Отфр. Мюллеромъ въ рукахъ или съ Дантомъ, Вергиліемъ, Гомеромъ и т. п. Онъ весь поглощенъ красотами архитектуръ, скульптуры, живописи и поэзіи. Онъ живетъ особою жизнью, отрѣшаясь отъ мелочей обыденности, погруженный въ мечты о прошедшемъ, о будущемъ, мечты, всегда неразлучныя съ идеаломъ прекраснаго. Вотъ что онъ говоритъ о себѣ при осмотрѣ римскихъ художественныхъ произведеній: „Я не довольствовался только изученіемъ стилия, типическихъ подробностей и основной идеи; но художественное произведеніе должно было меня воодушевлять, улучшать и облагораживать, воспитывая во мнѣ высокіе помыслы, очищая мой нравъ отъ всего низкаго, пошлаго, отъ всего, что оскорбляетъ человѣческое достоинство... Я любилъ отдыхать въ Сикстинской капеллѣ и Ватиканскихъ Стансахъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы изучать Микель-Анджело и Рафаэля, которыхъ я и безъ того уже зналъ во всѣхъ подробностяхъ, а для того, чтобы войти въ интимныя, симпатическія отношенія съ обоими художниками, чтобы проникнуться насквозь ихъ геніальными помыслами, заглянуть въ самое святилище ихъ вдохновенія, когда они творили эти восхитительные образы“. Такъ поступалъ Ѳ. И. „въ видахъ самовоспитанія и самосовершенствованія“. И эта работа надъ самимъ собою дала блестящіе результаты. Ѳ. И. такъ проникся любовью къ искусству, такъ отдался ему всей душой, сроднился съ нимъ, что оно положило отпечатокъ на его вкусы, характеръ, его отношеніе ко всему, что онъ дѣлалъ, ко всему окружающему. Возьмите длинный перечень напечатанныхъ трудовъ его, и вы увидите, что большинство ихъ касается искусства. Большія собранія его сочиненій,

какъ „Историческіе очерки“, „Мои досуги“, „Народная поэзія“ (въ акад. изд.), статьи въ Сборникѣ Общ. Люб. древне-русскаго искусства за 1866 г. посвящены почти цѣликомъ обзорѣ и изученію грандіозныхъ и мельчайшихъ, наивныхъ и геніальныхъ, древнихъ и новѣйшихъ проявленій человѣческой фантазіи. Даже болѣе того. Въ ученыхъ занятіяхъ языкомъ Ѳ. И. никогда не упускалъ художественной стороны его: она-то и увлекала его, и кажется, ради ея-то онъ и могъ войти въ область науки о языкѣ, будучи склоненъ интересоваться почти исключительно только художественнымъ, всѣмъ, воплощающимъ идею, всѣмъ, гдѣ человѣкъ проявляетъ свою человѣчность въ высшихъ стремленіяхъ духа. Откроемъ его диссертацию 1848 года „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“; онъ говоритъ тамъ: „Слово, какъ все истинно прекрасное въ природѣ, чуждо изысканности и плѣняетъ другихъ, въ своей простотѣ, не разумѣя само, какъ оно прекрасно... Языкъ является сокровищницею вѣрованій и преданій, имъ запечатлѣнныхъ“. Вотъ потому-то, что слово „прекрасно“, что языкъ „сокровищница“ поэзіи, — и обратился Ѳ. И. къ ихъ изученію. Языкъ явился предъ нимъ отраслью того же, дорогого ему искусства, и много поработалъ онъ надъ этой отраслью.

Человѣкъ отличается отъ животнаго тѣмъ, что обладаетъ творческой способностью, которая дѣлаетъ его стремленія безконечными, а потому и совершенствуетъ его. Потребности животнаго разъ навсегда ограничены, потребности человѣка безпредѣльны. Въ нихъ-то и проявляется наша человѣчность въ чувствѣ высокаго, въ религіи и искусствѣ. Таковы взгляды Ѳ. И., выраженные имъ въ статьѣ: „Догадки и мечтанія о первобытномъ человѣчествѣ“, написанной противъ дарвиниста Каспари. Эта человѣчность, эта сила, воплощающая идею, и интересовала Ѳ. И. на всѣхъ ступеняхъ своего развитія отъ младенчества до зрѣлости. Не только геніальныя проявленія этой силы въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ, но и первый лепетъ ея въ устахъ первобытнаго человѣка были ему дороги. Съ какимъ уваженіемъ относится онъ къ катакомбнымъ рыбамъ, колесамъ, добрымъ пастырямъ, и именно потому, что подъ этими символами скрывается высокая идея — христіанская. Христось, изображенный безъ бороды, Хри-

стось, въ царственномъ одѣяніи, распятый на крестѣ, первоначальный крестъ безъ Распятаго, — вся эта христіанская древность привлекаетъ Ѳ. И. потому, что носить въ себѣ идеи вѣчности и славы. Въ этихъ молодыхъ произведеніяхъ искусства привлекаетъ его свѣжесть, искренность, а главное, высота и сила духа. Съ этой же точки зрѣнія относится Ѳ. И. къ искусству византійскому и древнерусскому. Главная ихъ особенность — сначала наивное, а потомъ преднамѣренное уклоненіе отъ природы, ведущее иногда даже къ безобразію, но полное самаго безграничнаго идеализма и безъ всякой примѣси натурализма, — всегда тѣсно связана съ высокими идеями вѣры и нравственности. И не отвратило такое искусство нашего изслѣдователя своею неуклюжестью, угловатостью и условностью, а наоборотъ, онъ посвятилъ ему большую половину трудовъ своихъ, между тѣмъ какъ онъ не могъ безъ негодованія говорить о нѣкоторыхъ картинахъ нашего времени, написанныхъ современными знаменитостями. „Наша древняя иконопись, говоритъ Ѳ. И. въ статьѣ о древнерусской иконописи, какъ и византійская, стремясь къ высокой цѣли изображенія Божества по образу и подобію, не имѣла необходимыхъ средствъ для достиженія этой цѣли: ни правильнаго рисунка, ни перспективы, ни колорита. Поставляя себѣ правиломъ изображеніе Божества въ человѣческомъ воплощеніи, она не знала человѣка и не догадывалась о необходимости изучать его формы. Это искусство какъ бы боялось дѣйствительности, не находя нужнымъ брать у нея уроки въ правильномъ начертаніи рукъ или ногъ и въ правильной постановкѣ фигуры. Но въ самомъ своемъ коснѣніи оно искупило чистоту церковнаго стиля... Произведенія нашей иконописи, представляя наивную смѣсь величія и красоты съ безвкусіемъ и безобразіемъ, служатъ явнымъ признакомъ молодого, свѣжаго и неиспорченнаго роскошью искусства, когда оно, еще слабое по технику, отважно стремится къ достиженію высокихъ цѣлей и является выраженіемъ неистощимаго богатства идей въ области вѣрованія... Всѣ эти неуклюжія фигуры, при очевидныхъ ошибкахъ противъ природы, отличаются благороднымъ характеромъ, который могъ имъ сообщить художникъ только подъ тѣмъ условіемъ, что самъ былъ глубоко проникнутъ созна-

ніемъ святости изображаемыхъ имъ лицъ“. Въ другой статьѣ своей, при разборѣ сочиненія Віоле-ле-Дюка о русскомъ искусствѣ, Ѳ. И. указываетъ особое значеніе древнерусской иконописи, которая стоитъ въ непосредственной зависимости отъ священнаго писанія, или какъ его иллюстрація, или какъ толкованіе. Миниатюра иллюстрируетъ, а икона замѣняетъ собою текстъ; отсюда цѣлыя молитвы въ видѣ иконъ, каковы „Отче нашъ“, „Вѣрую“, „Единородный Сыне“ и др. И назначеніе иконографіи — быть грамотой для безграмотныхъ, первоначально общее всему христіанству, у насъ господствуетъ до сихъ поръ. Поэтому наша иконопись стремится не къ вѣрности природѣ, а къ прямому соответствію словамъ священнаго писанія; отсюда ея косность, ея символическое значеніе и охраненіе ея отъ новшествъ, какъ и словъ евангелія. Однимъ словомъ, икона и миниатюра, изображая священные предметы, сами были святынями и требовали благоговѣйнаго къ себѣ отношенія. Художникъ не смѣлъ брать для святыни образцы изъ грѣшной дѣйствительности; всѣ предметы изъ окружающаго его грѣховнаго міра не годились для перенесенія на священное полотно или доску. Поэтому немислимы были натурщики, а тѣмъ болѣе натурщицы. Ни лики святыхъ, ни ихъ обстановка, утварь, ни горы, ни деревья, не должны на иконѣ быть такими, какъ на землѣ: ибо все это не земное, не здѣшнее, а святое. Съ полной вѣрой въ эту святость приступалъ къ своему дѣлу живописецъ, и эта чистота вѣры, эта искренность, это благоговѣніе и привлекаютъ знатоковъ, какимъ былъ Ѳ. И.

Съ точки зрѣнія такого истиннаго благочестія, высоко ставитъ Ѳ. И. западное искусство первыхъ лѣтъ предшественниковъ Рафаэля, у которыхъ идеализмъ господствуетъ во всей силѣ, и гдѣ главная задача — придать священнымъ лицамъ святое выраженіе. Западные художники уже считались съ дѣйствительностію. Ихъ изображенія уже приближаются къ природѣ, носятъ слѣды ея изученія, но она приносится въ жертву идеалу, къ которому стремится художникъ. Лица ихъ святыхъ не портреты натурщиковъ, но и не символы византійскіе. Съ этой точки зрѣнія искренности художника и его стремленія дать идеальное изображеніе, оцѣниваетъ Ѳ. И. и великихъ мастеровъ Возрожденія. Гдѣ больше

стремленія къ святости въ изображеніи святого лика, тамъ больше идеализма, тамъ икона ближе къ цѣли передать неземное. Поэтому Ѳ. И. находитъ, что рафаэлевскія Мадонны перваго періода болѣе соотвѣтствуютъ цѣли иконы, нежели знаменитыя Сикстинская и della sedia; послѣднія ближе къ дѣйствительности земной. Въ Сикстинской Христосъ представляетъ не столько Божество, сколько Богочеловѣкъ; а въ della sedia въ Мадоннѣ видна болѣе женщина, чѣмъ Богородица.

Въ вопросѣ о вліяніи вѣроисповѣданія на живопись, Ѳ. И. отдаетъ предпочтеніе нашему православію съ той же точки зрѣнія — стремленія къ неземному. „Было бы вопіющею несправедливостію (говоритъ онъ) противъ условій изящнаго вкуса не согласиться съ тѣми, которые видятъ въ нашей иконописи существенный недостатокъ — суровость аскетизма. Но слѣдуетъ упомянуть, что католическая изнѣженность, несмотря на привлекательныя формы, настолько же далека отъ своей цѣли въ искусствѣ церковномъ, если не дальше, чѣмъ восточная суровость. Эта изнѣженность способствовала профанаціи церковнаго стиля, и западные художники уже съ XV вѣка писали Богородицу съ своихъ женъ, знакомыхъ и даже любовницъ. Католическая фантазія не умѣла удержаться въ строгихъ границахъ уваженія къ святынь, и даже въ готическихъ соборахъ XIII вѣка, рядомъ съ ангелами и святыми, помѣщаются скандалезныя сцены, какъ любовница Александра Македонскаго ѣдетъ верхомъ на Аристотелѣ, или какъ Вергилія спускаютъ со стѣны въ корзинѣ. „Но наши предки съ благоговѣйною боязнію относились къ религіознымъ сюжетамъ, считая отступленіе отъ установленныхъ границъ такою же сресью, какъ и измѣненіе текста священнаго писанія“. „Постоянныя же примѣсы къ религіознымъ сюжетамъ изъ мифологіи, изъ народныхъ преданій, анекдотовъ или сценъ современной жизни низвели католическую икону на степень картины, гдѣ сюжетъ религіозный берется для изображенія чего-либо другого. Такъ Веронезъ любилъ писать подъ видомъ брака въ Канѣ венеціанскіе пиры съ полной венеціанской обстановкой, съ арапами и собачками; а Рубенсъ, подъ предлогомъ Святого Семейства, писалъ свою семью, гдѣ жена его была Богородицей, самъ онъ Іосифомъ,

а двое толстых бѣлокурыхъ ребятъ въ соломенной люлкѣ должны были изображать Христа и Предтечу. Однимъ словомъ, религіозная живопись на Западѣ была искусствомъ временнымъ и обратилась въ XVI вѣкѣ изъ церковной въ портретную, жанровую, ландшафтную и историческую. А искусство наше, удержанное коснѣніемъ, зато въ чистотѣ сохранило религіозный стиль и осталось искусствомъ церковнымъ“. Искусство протестантское называетъ Ѳ. И. иконоборческимъ, а потому изгнавшимъ изъ своей среды живопись религіозную.

Не мало потрудился Ѳ. И. для разъясненія положенія современнаго нашего искусства. Одно время въ вопросѣ объ искусствѣ явилась путаница и непониманіе ходячихъ терминовъ. Смѣшивали натурализмъ, реализмъ и матеріализмъ, противопоставляя ихъ идеализму. Ѳ. И. разъяснилъ эти термины, указавъ въ матеріализмѣ отсутствіе духовной стороны съ исключительнымъ изображеніемъ чувственнаго и противопоставивъ его идеализму, какъ преимущественно изображающему духовную сторону. И тотъ и другой могутъ быть натуральны и не натуральны: если голова похожа на голову, то произведеніе натурально, и обратно. Реализмъ, будучи возсозданіемъ дѣйствительности (не только современности), по закону логической необходимости, также противоположенъ идеализму, который стремится не къ дѣйствительному, а къ возможному. Но реальное не есть только чувственное, и было бы оскорбительно, говорить Ѳ. И., „осудить художниковъ реальной школы на воспроизведеніе чувственности, животности и всякаго скотства“. Реальное изображаетъ равномерно и духовное и тѣлесное; идеальное предпочитаетъ духовное, иногда совершенно игнорируя тѣлесную дѣйствительность, или преднамѣренно не допуская ея, какъ оскорбительной для высокой идеи. Такъ въ древности не рѣшались изображать Христа обнаженнымъ ни въ распятіи, ни въ воскресеніи.

До византійскаго искусство ограничивалось символами, какъ высшимъ проявленіемъ отвлеченнаго идеализма. Іона во чревѣ китовѣ изображалъ воскресеніе Христа; юноша въ стадѣ — того же Христа Спасителя. Первые шаги въ реализмѣ сдѣланы византійцами, впрочемъ, далѣе первыхъ шаговъ не пошедшими и за-

вѣщавшими свое достояніе русской иконописи. Сильно сказался реализмъ въ школѣ фламандской, въ изображеніи святыхъ съ современныхъ натурщиковъ; но фламандская религіозная живопись далека отъ матеріализма, ибо согрѣта искреннимъ чувствомъ художника. Матеріализмъ начинается тамъ, гдѣ кончается изображеніе духовнаго; какъ, на примѣръ, въ олеографіяхъ аббатовъ, смакующихъ вино и испугавшихся червяка. Равнымъ образомъ идеализмъ кончается тамъ, гдѣ нѣтъ искренняго воодушевленія со стороны художника, нѣтъ вѣры въ изображенную идею, гдѣ является ханжество, сантиментальность, рутина. Такъ идеализмъ перешелъ въ ложный идеализмъ XVI и XVII столѣтій, когда художники, утративъ религіозное воодушевленіе, писали свои картины изъ свящ. писанія, руководствуясь образцами классической миѳологіи. Выходило не искусство, а игра въ искусство, такъ называемое искусство для искусства только.

По мнѣнію Ө. И., важнѣйшимъ условіемъ истиннаго искусства должна быть правда жизни и искренность художника. Искусство не должно быть праздною игрою, а должно соответствовать потребностямъ времени, оно должно изображать только то, что можетъ быть всеѣмъ доступно, интересно, назидательно. Великія произведенія потому до сихъ поръ не теряютъ своего значенія, что служатъ идеямъ вѣчнаго, а потому для всѣхъ, во всякое время доступны и важны. Современное искусство имѣетъ передъ предшествовавшимъ то преимущество, что получило отъ него въ наслѣдство много выработаннаго, готоваго. Мы видѣли, сколько нужно было прожить искусству, чтобы дойти до натуральности и реальности. Современный художникъ долженъ внимательно отнестись къ этому наслѣдству и изучить всю его исторію, если хочетъ понять искусство и сдѣлать шагъ впередъ. Требования Ө. И. отъ художника весьма высоки: всесторонняя образованность, знакомство съ философскими ученіями, съ исторіей культуры, цивилизаціи, основательное изученіе исторіи искусства, полное знаніе современнаго духа времени, окружающей жизни и ея требованій, а главное искренность и высокое воодушевленіе — вотъ что требуется отъ современнаго художника, если онъ хочетъ быть на высотѣ своего призванія.

Многіе подь правдою жизни разумѣли только изображеніе темныхъ сторонъ ея. *Θ. И.* разъясняетъ этотъ вопросъ. Художникъ, руководимый неуклоннымъ нравственнымъ принципомъ, стремящійся къ чистому идеалу, что важнѣе всего, воленъ выбирать, что ему угодно и высокое и низкое, и прекрасное и безобразное, но подь однимъ непремѣннымъ условіемъ: облагораживать публику, вносить въ душу успокоеніе, уравнивать заботы и тревоги дѣйствительности чистыми радостями художественнаго впечатлѣнія. Поэтому въ искусствѣ нѣтъ мѣста грязному, отвратительному и омерзительному для нравственнаго человѣка. И художникъ, будучи самъ чисто нравственнымъ, никогда не дозволитъ себѣ изображенія сценъ грязныхъ, исключительно чувственныхъ. Матеріализму нѣтъ мѣста въ искусствѣ.

Въ выборѣ сюжета художникъ прежде всего долженъ руководствоваться его долговѣчностью. Сюжетъ не долженъ быть скоро преходящимъ, забываемымъ, но прочнымъ, годнымъ для будущаго. Изъ современности должно выбирать только такое характерное для нея, что составляетъ не временное, исключительное явленіе, а относится къ существенному въ человѣческой жизни. Сюжетъ долженъ быть такимъ, чтобы и впослѣдствіи не требовалъ комментариевъ, но былъ бы всегда всякому понятенъ, чтобы всегда можно было извлечь изъ него что-либо для думы и самосовершенствованія, какъ изъ Мадоннъ Рафаэля или картинокъ Теньера.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій истинно-художественнаго произведенія ставитъ *Θ. И.* искренность художника, который долженъ изображать только то, что онъ прочувствовалъ, чѣмъ увлекается, во что вѣруеть. Только искренне-религіозный художникъ можетъ создать художественное произведеніе религіознаго содержания. Невѣрующій не долженъ браться за церковную живопись, какъ не любящій природы не долженъ писать ландшафтовъ.

Наше время *Θ. И.* считаетъ неустановившимся, временемъ броженія, лишеннымъ цѣльности жизни. Огромное разнообразіе направленій создаетъ исключительность въ искусствѣ. Современный художникъ проводитъ въ своемъ произведеніи или свое личное направленіе, или направленіе извѣстной партіи. Первое—неизбѣжно. Но проповѣдь доктрины въ искусствѣ понижаетъ его цѣну, ибо

доктринерское или тенденціозное произведеніе уже не можетъ быть доступно всякому, а составляетъ принадлежность только извѣстнаго кружка и извѣстнаго момента времени. Впрочемъ, въ такомъ разнообразіи направленій нашего времени видитъ *Θ. И.* и хорошую сторону — во всесторонности разработки, въ изображеніи жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, что можетъ наконецъ вести къ объединенію всего въ одно цѣлое въ рукахъ истиннаго генія, который внесетъ въ искусство не чье-либо, а свое личное, индивидуальное, но все-объединяющее направленіе.

Главнѣйшій недостатокъ нашего времени, по мнѣнію *Θ. И.*, это отсутствіе объединяющихъ жизнь идеаловъ. Какая цѣльность жизни видна въ искусствахъ классическомъ, византійскомъ или романскомъ! И архитектура, и скульптура, и живопись, и орнаментъ, и миниатюра — все подчинялось одному теченію, во всемъ господствовалъ одинъ стиль, во всемъ виденъ былъ одинъ духъ. А теперь у насъ, говоритъ *Θ. И.*, живопись заботится объ основаніи школы реалистической, между тѣмъ какъ архитектура строить церкви въ стилѣ византійскомъ, а дома въ стилѣ древнерусскомъ съ примѣсью пошиба крестьянской избы, если хотятъ выйти изъ однообразной рутины казармъ или вокзала. За неимѣніемъ своихъ идеаловъ, наши художники пользуются заимствованіями; за недостаткомъ своихъ идей, берутъ ихъ у Шекспира, у Данта, Гете, Рафаэля и др. Поэтому наше время можетъ быть по преимуществу окрещено именемъ эклектическаго, несамостоятельнаго. Такой эклектизмъ кончится тогда, когда явятся новые идеалы, которые захватятъ жизнь сверху донизу во всѣхъ ея проявленіяхъ; ибо искусство не есть что-либо отдѣльное отъ жизни, но часть самой жизни и стоитъ въ тѣсной связи съ другими частями ея: съ наукой, литературой, моралью, философіей и политикой. Между тѣмъ у насъ каждая изъ этихъ областей жизни идетъ своимъ независимымъ путемъ, не будучи связана съ другими областями, а иногда и противорѣча имъ, идетъ не такъ, какъ въ средніе вѣка на Западѣ или у насъ въ древней Руси, когда все объединялось единымъ идеаломъ религіознымъ. Идеалы объединяли цѣлую націю или нѣсколько націй; поэтому всякое произведеніе искусства было достояніемъ всенароднымъ и проявленіемъ всена-

роднаго духа, какъ наши былины, какъ готика, или картины мастеровъ Возрожденія, статуи Праксителя и Фидія, или наша суздальская живопись.

Что же остается современному художнику? „Если искусство нашего времени разучилось внушать чистыя молитвы, говоритъ Ѳ. И., пусть Вдохновляется оно, чѣмъ можетъ, только бы вдохновлялось, было бы искренне и правдиво и питало бы въ чело-вѣкѣ чистыя радости, чтобы смягчать его душу и раскрывать въ ней благородныя чувства и помыслы для бодрой дѣятельности. Довольно и того, если оно, правдиво изображая добро и зло, будетъ способствовать нравственному совершенству, внушая уваженіе къ чело-вѣческимъ достоинствамъ и снисхожденіе къ слабостямъ и недостаткамъ, если оно, по существу своему стремясь къ прекрасному, будетъ воспитывать къ нему любовь въ чело-вѣкѣ, а изображая прекрасное въ чело-вѣческомъ образѣ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспитывать и любовь къ ближнему“.

Ѳедоръ Ивановичъ, написавшій эти знаменательныя слова, самъ былъ проникнутъ этимъ чувствомъ прекраснаго, самъ стоялъ на той нравственной высотѣ, которой требуетъ отъ художника, и на эту высоту поставило его искусство. Всю жизнь изучая искусство отъ перваго его лепета до высочайшаго апогея, Ѳ. И. не только понималъ, цѣнилъ, но и зналъ его. Отсюда его необычайно широкій кругозоръ въ этой области. То, что публикѣ казалось вѣскимъ, первокласснымъ, часто не удовлетворяло нашего наставника, ибо онъ видалъ и зналъ, какъ подобныя произведенія раждались и какъ умирали, и давалъ настоящую оцѣнку произведенію. Онъ смотрѣлъ не съ точки зрѣнія современности или національности, но съ особой, ему присущей, міровой, всеобъемлющей. Онъ не объективно отнесся къ искусству, но впиталъ его въ себя, пережилъ, изучая всѣ его моменты, съ самаго его рожденія, и судилъ, какъ патріархъ, взорами вѣковъ смотрящій на преходящую суету современности. Отъ этого-то онъ и требовалъ не малаго: чтобы истинно-художественное произведеніе было вѣчнымъ носителемъ общечело-вѣческихъ идеаловъ, имѣло бы міровое значеніе. Поэтому и не удовлетворяли его картины, въ которыхъ проглядывала злоба дня. Кончится эта злоба, — а съ

нею и жизнь картины, никому тогда не нужной, никому непонятной. Многовѣковая жизнь искусства указала Ѳ-у И-у на красоту, на идею, на реальность, какъ на необходимыя его свойства. Поэтому всякое уклоненіе въ сторону матеріализма, мелочь мысли, отсутствіе красоты заставляли его налагать свое мощное veto на признаніе произведенія художественнымъ.

Этотъ взглядъ, воспитанный искусствомъ, перенесъ Ѳ. И. и на жизнь. Все мелкое, грязное, неодухотворенное было противно его эстетической натурѣ, равно какъ все узкое, партійное, скоропреходящее не могло увлечь его. Искренній цѣнитель всего истинно прекраснаго, вѣчнаго, онъ былъ всегда приверженцемъ добра и красоты. Тѣ, кто имѣлъ счастье знать Ѳ. И., никогда не забудутъ этого великаго человѣка, жившаго здѣсь не временною, но уже вѣчною жизнью, этого носителя міроваго идеала, человѣка, глубоко любившаго все человѣческое, служившаго одной правдѣ жизни, этого воплощенія тѣхъ высокихъ качествъ, которыхъ онъ требовалъ отъ истиннаго художника. А тѣ, кто имѣлъ счастье узнать его ближе, тѣ всегда будутъ помнить его отзывчивость на все доброе, его неподражаемую привѣтливость и ласку, его теплое любящее слово, его всегдашнюю готовность помочь, ободрить, его сердечное отношеніе къ несчастіямъ, его удивительную снисходительность къ человѣческимъ слабостямъ. Ѳедоръ Ивановичъ любилъ людей, и невозможно было не любить его.

Л. Бѣльскій.

Значеніе трудовъ В. И. Буслаева по народной словесности *).

I.

„Ровно четверть столѣтія тому назадъ, — такъ писалъ А. А. Котляревскій въ 1861 году, — открылись первые университетскіе курсы исторіи русской литературы. Въ незаманчивомъ видѣ вышла эта новая наука: безъ исторіи позади, безъ прочнаго метода впереди, лишенная самыхъ необходимыхъ источниковъ и пособій... Трудная работа предстояла ученымъ: добывать матеріаль и вмѣстѣ строить изъ него зданіе... По неопредѣленности метода и скудости содержанія въ исторію литературы вносилось все, о чемъ можно было встрѣтить хотя малѣйшее упоминаніе въ нашей письменности: событія политическія, церковныя, юридическія учрежденія, анекдоты и даже извѣстія медицинскія — все это, направленное къ цѣлямъ душеспасительнымъ, возводилось къ одному высшему началу, которымъ и умиралась нескладица такого свалочнаго магазина разнородныхъ вещей. Источникомъ ученаго вдохновенія бывали при этомъ чувства патріотическія: обыкновенно обращались къ священнымъ стѣнамъ Кремля и ихъ обаяніемъ восполняли недостатокъ содержанія и бѣдность мысли“.

При своемъ перечисленіи разнородныхъ вещей, входившихъ въ магазинъ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ нашего вѣка, талантливый авторъ не называетъ одной вещи, которой, дѣйствительно, не было въ этомъ магазинѣ, это — народной словесности.

Вопросъ о народной словесности былъ приблизительно въ томъ же положеніи въ періодъ, когда Котляревскій писалъ приведенныя строки, въ какомъ была исторія литературы двадцать пять лѣтъ назадъ. Народная словесность становилась только на очередь науч-

*) Прочитано въ засѣданіи Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній 10 декабря 1897 года.

наго вопроса, и первымъ русскимъ ученымъ, поставившимъ этотъ вопросъ въ центрѣ своей научной и общественной дѣятельности и сдѣлавшимъ его наиболѣе жизненнымъ и дорогимъ для себя, по личнымъ симпатіямъ и убѣжденіямъ, былъ Ѳедоръ Ивановичъ Бу-слаевъ.

Если народная словесность, какъ научное понятіе, еще почти не существовала въ русскомъ обществѣ въ періодъ сороковыхъ годовъ, въ концѣ которыхъ начинается научная дѣятельность Буслаева, то народъ, въ качествѣ самобытнаго, стихійнаго начала, и народность, какъ всестороннее выраженіе народнаго духа, давно уже были предметами самаго разнообразнаго толкованія и самыхъ ожесточенныхъ споровъ. Это былъ споръ, теперь уже взвѣшенный судьбою, споръ западниковъ и славянофиловъ, въ которомъ народъ игралъ не столько роль объекта изученія, сколько источника для построенія самыхъ противоположныхъ аргументовъ. Хотя непризнанная, существовала и народная словесность, въ видѣ появившихся уже въ значительномъ числѣ сборниковъ пѣсенъ, сказокъ, преданій, суевѣрій и т. д. Былъ, стало-быть, матеріаль, были и строители, но зданія, возводимыя ими, рушились отъ одного прикосновенія критики; именно о нихъ можно сказать, что они возводились на песокѣ.

Представленія объ историческомъ складѣ древняго эпоса были въ высшей степени туманны и сбивчивы; смыслъ его фантастическихъ созданій понимался каждымъ собирателемъ и истолкователемъ по-своему; особенности народно-поэтической формы давали поводъ къ самымъ наивнымъ, нерѣдко курьезнымъ заключеніямъ. Одинъ изъ замѣтныхъ въ то время этнографовъ, Сахаровъ, считаетъ, на примѣръ, возможнымъ поддѣлывать и подправлять народныя эпическія пѣсни, такъ какъ онѣ, взятыя вмѣстѣ, по убѣжденію ихъ остроумнаго комментатора, должны были составлять нѣсколько цѣлыхъ „народныхъ поэмъ“, и только произвольныя измѣненія редакторовъ (замѣтимъ — не существовавшихъ рукописей) „ихъ разрознили по-своему“. К. Аксаковъ видѣлъ въ пирахъ и богатыряхъ Владимира слишкомъ много историческихъ чертъ и находилъ, что въ былинахъ наиболѣе отразились два элемента: христіанство и семейное начало. Вопросъ рѣшался, по его мнѣнію, очень просто.

„Христіанство есть главная основа всего Владимірова міра. На этой-то христіанской основѣ является богатырская сила и удалъ молодого, могучаго народа“... „Вмѣстѣ и согласно съ началами христіанской вѣры выдается начало семейное, основа всего добраго на землѣ“. Шевыревъ находилъ, что по всему эпосу проходитъ одна великая черта, принадлежащая тому народу, который олицетворяютъ богатыри: самоотверженіе, — и въ былинахъ подыскивалъ оправдательные примѣры. Въ противоположность славянофиламъ, западники были убѣждены, что идеаль русскаго богатыря — грубая физическая сила, торжествующая надъ всѣми препятствіями — даже надъ здравымъ смысломъ. Извѣстенъ тотъ фактъ, что просматривавшій въ Академіи наукъ рукописный сборникъ пословиць Даля, человекъ „ученый по званію“, находилъ непозволительнымъ сближеніе подъ рядъ пословиць и поговорокъ: „у него руки долги“ (власти много) и „у него руки длинны“ (онъ воръ). Историки литературы, какъ Н. Полевой и Милоковъ, сходились на томъ мнѣніи, что, если и есть народная поэзія, то она груба, невѣжественна и ужъ конечно не способна вызвать высокій художественный интересъ.

При такомъ уровнѣ понятій выступилъ Ѳ. И. Буслаевъ со своими трудами по народной словесности. Не касаясь деталей, мы опредѣлимъ основные взгляды его на народное творчество, въ его соотношеніи съ понятіемъ о народности вообще, и укажемъ ихъ научное и общественное значеніе. Мы говоримъ *общественное*, потому что, по справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина, его научныя занятія въ этой области были въ то же время и дѣломъ его служенія обществу и даже, прибавимъ мы, народу.

Въ самомъ дѣлѣ, національный мотивъ красной нитью проходитъ по трудамъ Ѳ. И., и безыскусственная словесность наша имѣетъ въ его глазахъ высокое значеніе прежде всего потому, что въ ней съ наибольшою широтою и полнотою выразилась народность, во всемъ разнообразіи ея физическихъ и духовныхъ особенностей, ея быта, вѣрованій, умственныхъ и нравственныхъ началъ. Народность обусловливается не столько настоящимъ, сколько прошлымъ; настоящее есть только послѣдняя страница великаго прошлаго, и само оно можетъ быть понятно только тогда,

когда будетъ опредѣленъ историческій путь, пройденный народомъ, какъ одной изъ составныхъ частей всего человѣчества. Это многовѣковое прошлое русскаго народа отъ незапамятной старины, отъ той эпохи, когда всѣ индоевропейскіе народы были еще однимъ общеарійскимъ племенемъ, которое жило въ Азіи, молилось однимъ богамъ и говорило однимъ языкомъ, сохранилось до нашихъ дней въ подробностяхъ быта, въ обрядѣ, но больше всего въ остаткахъ мифологіи, въ языкѣ, пословицахъ, сказкахъ и пѣсняхъ. Нужно только сумѣть разобраться въ этомъ преданіи, найти возможность объяснить и раскрыть сокровенный смыслъ того, что въ раздробленномъ и измѣненномъ до неузнаваемости видѣ живетъ въ народномъ обиходѣ, и сѣдая старина, пока еще темными намеками говорящая о себѣ, раскроется во всей патриархальной простотѣ и привлекательности и обнаружитъ скрытые дотолѣ идеалы, ведущіе народъ по его историческому пути.

Къ воссозданію этой древности, къ объясненію этого преданія, въ которомъ заключены основныя начала народности, и были направлены историко-филологическія изысканія Буслаева.

Первымъ трудомъ его въ этомъ направленіи, положившимъ въ то же время прочное и новое основаніе научной разработкѣ народной словесности, была его диссертация: „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“, вышедшая въ 1848 году. По существу изслѣдуемаго вопроса, это трудъ собственно формально-лингвистическій, но въ немъ на первый планъ выдвинута археологически-бытовая, культурная сторона, которая воссоздавала, по даннымъ сравнительнаго языкознанія, бытовую картину такой отдаленной эпохи, объ изслѣдованіи которой русская наука до Буслаева и помышлять не могла. А главное — на этомъ трудѣ впервые сказала европейская ученая школа, взгляды которой перенесъ Ѳ. И. на русскую почву, и впервые была намѣчена основная точка, опредѣлявшая его критическіе приемы. Впервые же въ этомъ трудѣ Ѳ. И. съ неоспоримой убѣдительностью доказалъ тѣснѣйшую связь исторіи языка съ преданіями и вѣрованіями народа, уже тогда высказалъ ту мысль, что начало эпической поэзіи восходитъ къ періоду зарожденія самого языка, что сходство повѣрій и преданій объясняется родствомъ индо-европейскихъ народовъ, и потому

миеологическія преданія славянъ должны быть изучаемы не иначе, какъ въ связи ихъ съ преданіями другихъ средневѣковыхъ племенъ, особенно нѣмецкихъ.

Это было блестящее примѣненіе того метода, которымъ онъ былъ обязанъ знаменитому нѣмецкому ученому Якову Гримму. При несовершенствѣ научныхъ приѣмовъ въ русской наукѣ того времени, внесеніе въ изслѣдованіе точнаго и достовѣрнаго метода имѣло едва ли не большее значеніе, чѣмъ самая сущность миѣологической экзегезы, которая также была воспринята отъ геніальнаго нѣмца.

Я. Гримма Буслаевъ не даромъ избралъ своимъ руководителемъ не только въ наукѣ, но и въ жизни. Они были очень близки другъ къ другу и по сходству научныхъ воззрѣній, и по сочувствію къ народу, какъ носителю поэтическаго преданія, и по склонности къ идеализаціи старины. Теорія Я. Гримма была уже закончена, имѣла уже своихъ критиковъ и послѣдователей, когда О. И. выступилъ на научное поприще, и знакомство съ ней произвело на молодого тогда ученаго неотразимое впечатлѣніе. Прежде всего своимъ настроеніемъ она пришлась ему по душѣ, а затѣмъ, прочно обоснованная на фактахъ сравнительнаго языкознанія, она поразила его глубиной и стройностью своей системы, и, такъ сказать, органически срослась съ научно-поэтическимъ воззрѣніемъ Буслаева, сдѣлалась, въ примѣненіи къ русской словесности, его собственностью, въ той же мѣрѣ, въ какой романтики могли считать своими идеалы, переработанные въ душѣ, въ актѣ поэтическаго творчества и нераздѣльно слившіеся со всею нравственною фізіономіей поэта.

Во имя „уразумѣнія основныхъ началъ нашей народности“, уразумѣнія, которое, какъ выразился Буслаевъ въ своей университетской рѣчи 12 января 1859 года, „есть едва ли не самый существенный вопросъ и науки, и русской жизни“, — мастерски набрасываетъ онъ широкую картину зарожденія національных основъ, которымъ суждено опредѣлить нравственное бытіе народа и обусловить тотъ или иной порядокъ вещей и все будущее развитіе жизни. Всѣ главнѣйшія основы національности въ языкѣ и миѣологіи, состоящія въ тѣснѣйшей связи съ поэзіей, правомъ,

обычаями и нравами, изначала самой природой были заложены въ нее въ самую раннюю, первобытную эпоху жизни народа, которая недоступна хронологіи. Онѣ глубоко вошли въ нравственное бытіе народа, и потому, — „всѣ нравственныя идеи для народа эпохи первобытной составляютъ его священное преданіе, великую родную старину“, „святой завѣтъ предковъ къ потомкамъ“.

Къ слову, этому „естественному орудію преданія“, сходятся всѣ тончайшія нити родной старины, о которой трудно сказать, откуда ведетъ она свое начало. Еще труднѣе представить себѣ, хотя бы приблизительно, исходный хронологическій моментъ. Въ темной доисторической глубинѣ исчезаетъ начало поэтического творчества, въ тѣхъ, хочется сказать, предразсвѣтныхъ сумеркахъ, когда созидается самый языкъ, происхождение котораго представляется Буслаеву самой рѣшительной и блистательной попыткой человѣческаго творчества. Господствующей силой, которая даетъ толчокъ этому творчеству, по мнѣнію Буслаева, являлась религія, и потому — на пути созиданія языка и поэзіи, охватывавшей всѣ духовныя интересы народа, стояли сопровождаемые обрядами древнѣйшіе миѣы. Къ вѣрованію прежде всего, слѣдовательно, восходили творческіе процессы языка, зарожденіе миѣовъ народа и его поэзіи. А далѣе — продолжали дѣйствовать различныя духовныя силы народа, и забвеніе стараго играло ту же роль въ образованіи формъ и сюжетовъ, какъ въ изобрѣтеніи новаго — еще не подточенная опытомъ и анализомъ первобытная фантазія народа. Нерѣдко „собственное имя города или какого-нибудь урочища приводило на память цѣлую сказку, сказка основывалась на преданіи, частью историческомъ, частью миѣическомъ; миѣъ одѣвался въ поэтическую форму пѣсни“...

Если религія была исходнымъ факторомъ, какъ полагалъ Буслаевъ, то совершенно естественно было предположить и то, что народный эпосъ, миѣологическій по основѣ своей, первоначально носилъ характеръ строго теогоническій. Лишь въ послѣдствіи, когда чистый миѣъ сталъ осложняться сказаніями о подвигахъ выдающихся людей, теогоническій эпосъ постепенно смѣнился героическимъ и, наконецъ, вступилъ на поприще историческаго разсказа. Во время этихъ смѣнъ въ немъ происходитъ исконная, до не-

уяснимости сложная внутренняя переработка частей. Буслаевъ старается въ общихъ чертахъ представить намъ этотъ процессъ. При этомъ, говоритъ онъ, стройный, цѣльный кругъ народной мифологіи разрывается, дробится, и въ памяти народа остаются только отрывочные намеки на утраченное цѣлое, въ видѣ обычныхъ „эпическихъ формъ“, темныхъ повѣрій, бессознательныхъ обрядовъ. Поэма и сказка, отдѣльныя изреченія, краткіе заговоры, пословицы, поговорки, клятвы, загадки, примѣты, вообще, суевѣрія, хоть и не въ мѣрной рѣчи выражающіяся, — вотъ разрозненные члены эпическаго преданія. Ни одинъ изъ этихъ разрозненныхъ членовъ баснословнаго преданія не живетъ въ народѣ отдѣльно: всѣ они взаимно переходятъ другъ въ друга; загадка переходитъ въ цѣлую поэму, и поэма сокращается въ загадку; пословица рождается изъ сказанія и становится необходимой частью поэмы, хотя и ходитъ въ устахъ народа отдѣльно; клятва и заговоръ развиваются въ цѣлое сказаніе и составляютъ обычный пріемъ въ эпическомъ разсказѣ. Такъ объяснялъ Буслаевъ разнообразіе и отчасти происхожденіе видовъ и формъ народнаго творчества. Въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія, насколько послѣдующая наука поддержала его объясненіе, насколько оно научно вообще; гораздо важнѣе то обстоятельство, что этимъ объясненіемъ устанавливалась не сознававшаяся почти дотолѣ связь между разнообразными видами поэтическихъ произведеній, открывался цѣлый связанный міръ преданій, сбереженный въ народѣ въ теченіе цѣлаго ряда эпохъ и доходившій корнями своими до арійскаго праязыка. Народное „суевѣріе“, оказывалось, сохраняло слѣды первобытной языческой религіи; первобытная космогонія обнаруживалась въ заговорѣ, сказкѣ, былинѣ, — словомъ, все было частью цѣлаго, и не было ничего произвольнаго и случайнаго въ преданіи, какъ это могло казаться при поверхностномъ взглядѣ.

II.

Указанная выше постановка вопроса о происхожденіи и формахъ эпическаго преданія, въ связи съ извѣстной намъ теперь по школьнымъ учебникамъ характеристикой русскаго богатырскаго эпоса,

съ дѣленіемъ богатырей на старшихъ, еще хранившихъ на себѣ замѣтные слѣды первоначальной мифологической основы, и младшихъ, въ которыхъ эта основа уже заслонена позднѣйшими историческими и бытовыми чертами, была настоящимъ откровеніемъ для русской науки пятидесятихъ годовъ, откровеніемъ, которое сразу покончило со всѣми прежними наивными представленіями о народномъ творествѣ и произвело коренной переворотъ въ направленіи филологической научной мысли. Ученіе Буслаева указывало на близкую и необходимую зависимость между преданіемъ и языкомъ, въ процессъ беспорядочнаго накопленія матеріала вносило руководящую и объединяющую идею, впервые охватывало эпосъ въ его цѣломъ и, въ разработкѣ деталей, раскрывало неизвѣстные до тѣхъ поръ въ нашей наукѣ критическіе приемы.

Стало невозможнымъ вмѣстѣ съ Сахаровымъ не только сомнѣваться въ томъ, имѣли ли на русскую семейную жизнь вліяніе Дельфійскій и Додонскій оракулы и „прорицалище Аммона“, но и повторять о т. н. суевѣріяхъ, что „русскій народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ сказаній“; что „онъ только перенесъ ихъ изъ всеобщаго міроваго чернокнижія въ свою семейную жизнь.“ Невозможными стали и мифологическія толкованія въ духѣ бывшаго профессора Снегирева, по которымъ скандинавскіе Белъ и Торъ переходили въ славянскихъ Бѣлбога и Чернобога, а скандинавскій Оденъ преображался въ водяного. Въ иномъ видѣ предстала и наша старина, которая того времени изображалась крайне расплывчатыми и идиллическими чертами нашими народолюбцами въ родѣ Терещенки, автора вышедшей въ Петербургѣ въ 1848 г. книги: „Бытъ русскаго народа“, говорившаго о патриархальности древняго быта въ такихъ, на примѣръ, выраженіяхъ: „Оставивъ людскія страсти, которыя мы относимъ къ понятіямъ вѣка, намъ усладительно вспомнить, что предковъ жизнь, не связанная условіями многосторонней образованности, излилась изъ сердечныхъ ихъ ощущеній, истекла изъ природы ихъ отчизны, и этимъ напоминаетъ патриархальная простота, которая столь жива въ ихъ дѣйствіяхъ, что какъ будто это было во всякомъ изъ насъ“... Наивность и неясность подобныхъ представленій становилась слишкомъ очевидной, и патриотическій экстазъ не могъ уже

съ прежнимъ успѣхомъ замѣнить недостатокъ знанія и критическаго чутья.

Работы Буслаева по народной словесности сводились, главнымъ образомъ, къ объясненію содержанія и формъ того эпическаго міросозерцанія, которое съ наибольшою полнотою выразилось въ народно-поэтическомъ творествѣ. Предстояла задача оцѣнить это творчество со стороны идеи и формы, указать красоту и образность народной рѣчи, которая все его содержаніе дѣлаетъ достояніемъ всеобщимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ ему характеръ художественной цѣльности и единства.

Но не одни эстетическіе мотивы руководили Буслаевымъ. Въ общенародности эпическаго преданія лежала другая черта, одинаково дорогая его душѣ — это нравственность его, какъ коллективнаго созданія, надъ которымъ въ теченіе вѣлаго ряда вѣковъ работалъ обще-народный инстинктъ добра и правды. Этотъ инстинктъ отбрасывалъ все ложное, какъ неестественное, и потому въ народной поэзіи не можетъ быть ничего безнравственнаго, „что можетъ иногда оскорбить въ поэзіи личной“. „Какъ бездарность, такъ и всякое личное зло и всякій произволъ эпическая поэзія, въ своемъ вѣковомъ теченіи, отъ себя отбрасывала, подобно тѣмъ озерамъ, которыя будто бы не терпятъ на днѣ своемъ никакой нечистоты и постоянно извергаютъ ее на берегъ“. Нравственному элементу Буслаевъ положительно отдаетъ преимущество передъ эстетическимъ. Нравственное чувство, замѣчаетъ онъ, такъ значительно воспитывается эпической поэзіей, что слушателя всегда живѣе увлекали вопросы нравственные, нежели художественная идея поэмы, и ссылается затѣмъ на свидѣтельство первыхъ знатоковъ эпической поэзіи — братьевъ Гриммовъ — въ томъ, что имъ не случилось ни въ одной народной пѣснѣ найти ничего ложнаго, никакого обмана. „Пѣсня, сказка, поэтическое преданіе старины дороги народу не потому только, что забавляютъ въ досужее время, даютъ пищу праздному воображенію, ласкаютъ слухъ складными звуками, однимъ словомъ — не потому, чтобы народъ не находилъ въ произведеніяхъ своей безыскусственной поэзіи удовлетворенія только однимъ эстетическимъ стремленіемъ и позывамъ. Въ этихъ произведеніяхъ онъ чувству-

етъ какъ бы дополненіе всему нравственному существу своему; потому что они срослись въ его сердцѣ со всѣми лучшими задушевными его помыслами, мечтами и вѣрованіями; потому что въ нихъ находитъ онъ уже готовое выраженіе тѣхъ сокровенныхъ духовныхъ началъ, которыя ему самому становятся доступны и ясны только въ этой внѣшней, уже установившейся, окрѣпшей формѣ“.

Эти внѣшнія окрѣпшія формы, въ которыхъ слѣдуетъ распознать „сокровенныя духовныя начала“, создавались въ теченіе тысячелѣтій, и вотъ почему, настаиваетъ Буслаевъ, ихъ слѣдуетъ изучать исторически, строго различая то, что въ „священномъ преданіи“ должно быть отнесено на долю „первобытной старины“, и что есть „позднѣйшее подновленіе“. Только историческое обозрѣніе, тѣсными узами связывая современную намъ народность съ нашею стариною, можетъ выставить народную поэзію въ ея настоящемъ свѣтѣ, „какъ постоянное, ни отъ какихъ случайностей не зависящее выраженіе мышленія, впечатлѣній и чувствованій народа“. Но съ другой стороны, изученіе не должно ограничиваться только областью русской народной поэзіи: въ его кругъ должна быть непременно введена словесность славянскихъ и европейскихъ народовъ. Сравнительный методъ важенъ не только для уразумѣнія многихъ доселѣ необъяснимыхъ фактовъ славянской поэзіи народной, но даже и для изслѣдованія древней русской письменности, несмотря на ея видимое отчужденіе отъ интересовъ обще-европейскихъ. Этотъ методъ особенно важенъ въ вопросѣ о дальнѣйшей судьбѣ міаа, послѣ его зарожденія, когда онъ входитъ въ историческую эпоху, сталкивается съ христіанствомъ и, теряя многое изъ своего исконнаго содержанія, принимаетъ новыя черты, видоизмѣняется и дробится.

Съ одинаковымъ успѣхомъ примѣнялъ Ѳ. И. эти методы къ изслѣдованію, какъ общихъ вопросовъ русской поэзіи, въ ея цѣломъ, въ различныя эпохи ея историческаго существованія, такъ и отдѣльныхъ ея видовъ. Обширные сборники пѣсенъ и духовныхъ стиховъ, изданные Якушкинымъ, Рыбниковымъ, Кирѣевскимъ, вызываютъ со стороны Буслаева обширныя статьи по русскому богатырскому эпосу, и нашъ ученый даетъ ему такую полную и

всестороннюю характеристику, которая не имѣетъ ничего общаго съ риторическими разсужденіями Хомякова, К. Аксакова, Шевырева. Наряду со статьями по русскому эпосу мы встрѣчаемъ у него, примѣнительно къ народному творчеству, статьи, направлявшія интересы слушателей и въ область всеобщей литературы. Таковы, напримѣръ: „Древне-сѣверная жизнь“ (по поводу сочиненія К. Вейнгольда *Altnordisches Leben*), „Пѣсни древней эдды о Зигурдѣ и Муромская легенда“, „Сказаніе новой эдды о сооруженіи стѣнъ Мидгарда и сербская пѣсня о построеніи Скарда“, „Пѣсня о Роландѣ“, „Испанскій народный эпосъ о Сидѣ“ и пр. Въ другихъ работахъ своихъ по народной словесности онъ останавливается на преданіяхъ, пословицахъ, сказкахъ, сближаетъ ихъ съ чужеземными, отмѣчаетъ, что въ нихъ оригинальнаго и древняго, и по нимъ старается возсоздать тѣ или другія черты эпическаго міровоззрѣнія или быта.

Но сближенія эти не вовлекали Буслаева на скользкій путь созданія обширныхъ общихъ гипотезъ и теорій, которыя, подобно Александрову мечу, однимъ взмахомъ разрубали бы многочисленные Гордіевы узлы нашей народной поэзіи. Въ этомъ отношеніи знаменательно то, что онъ говоритъ въ концѣ одного изъ классическихъ „Историческихъ очерковъ“ своихъ, именно — въ очеркѣ „Эпическая поэзія“, по поводу значенія и объема изслѣдованной темы. Думая *объяснить только* начало эпической поэзіи въ связи съ исторіей языка и жизни народной и въ общихъ чертахъ опредѣлить свойства эпическаго воодушевленія, Буслаевъ такъ оправдываетъ свои экскурсы: „Мы сближали иногда Гомера и средневѣковыя поэмы чужихъ народовъ съ нашими пѣснями и сказками, но единственно для того, чтобъ объяснить предметъ разсужденія, *не позволяя себѣ никакихъ выводовъ* касательно взаимнаго отношенія этихъ разнородныхъ произведеній“. Онъ понималъ несвоевременность этихъ выводовъ и не допускалъ себя до увлеченія кажущимся сходствомъ.

Въ пользованіи громаднымъ разнообразнымъ матеріаломъ въ полной силѣ проявляется замѣчательный даръ комбинаціи, которымъ О. И. такъ напоминалъ своего великаго учителя Гримма: построенія Буслаева всегда въ высшей степени остроумны, есте-

ственны и наглядны. Въ нихъ сказывается, въ одно и то же время, и въ высшей степени ясный, спокойный умъ и тонкое поэтическое чутье. „Какъ античный фризъ, вмазанный въ лачугу новаго издѣлія (сравниваетъ онъ), и какъ рядъ дорическихъ колоннъ, забранный кирпичами и вдвинутый въ стѣну средневѣковаго дворца: такъ и старинная эпическая форма, въ пѣсняхъ позднѣйшаго содержанія, не что иное, какъ отколокъ отъ давно разрушеннаго поэтическаго зданія. И какъ греческій барельефъ миѳологическаго содержанія въ католическомъ храмѣ не оскорбляетъ молящагося, которому и въ голову не приходитъ обратить на него вниманіе: такъ и старинныя прикрасы пѣсеннаго слога съ темными намсками, будто какіе условные музыкальные звуки, повторяются и переходятъ изъ роду въ родъ безсознательно“. Въ другомъ мѣстѣ Буслаевъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ роль внѣшней природы въ эпическихъ произведеніяхъ. „Въ самородной эпической поэзіи, говоритъ онъ, внѣшняя природа обращаетъ на себя вниманіе только тогда, когда она служитъ необходимымъ яснымъ представленію дѣлъ и характера человѣка. Въ этомъ отношеніи народная поэзія руководствуется тѣмъ же художественнымъ воззрѣніемъ, которое заставляло перваго живописца въ мірѣ, Рафаэля, весь интересъ картины сосредоточивать на человѣкѣ, и ландшафтомъ, какъ внѣшней обстановкой, только округлять все цѣлое, въ группѣ сосредоточенное. Гомеръ никогда не засматривается на природу столько, чтобы забыть о человѣкѣ“.

Особенно интересны у Буслаева сопоставленія съ произведеніями и образами живописи, въ которой, какъ извѣстно, онъ также былъ тонкимъ знатокомъ.

III.

Старина имѣла для Ѳ. П. Буслаева священное значеніе, особенно потому, что ею, какъ мы видѣли, опредѣляется народность. Всякій народъ, говоритъ онъ по поводу „древнѣйшихъ эпическихъ преданій славянскихъ племенъ“, т. е. масса людей, соединенныхъ между собою какими-либо общими, нравственными и физическими

узами, опредѣляетъ свою національность всѣмъ тѣмъ, что въ теченіе незапамятныхъ лѣтъ накопилось въ его духовной жизни, въ его бытѣ, нравахъ и обычаяхъ. И будучи убѣжденъ, вопреки ученію славянофиловъ, что чѣмъ развитѣе какая національность, тѣмъ далѣе уклонилась она отъ общаго индо-европейскаго сродства въ миѳологіи и языкѣ, и тѣмъ лучше выработала и то и другое въ словесныхъ произведеніяхъ, Буслаевъ приходитъ къ выводу, что „народность не только не противорѣчитъ общечеловѣческому совершенствованію, или прогрессу, но, возводя къ нему, составляетъ его необходимое явленіе“. Мы вполне оцѣнимъ эти слова, если вспомнимъ, что вопросъ о воспріимчивости народа къ прогрессу былъ спорнымъ и жгучимъ вопросомъ современности, и что, говоря такъ, Буслаевъ придавалъ своему мнѣнію значеніе научнаго авторитета. И вообще, живя лучшею частью своего внутренняго „я“ въ построеніяхъ минувшаго, Ѳ. И. вовсе не сторонился отъ текущей дѣйствительности и современной ему общественной мысли. Онъ никогда не спускался только съ высоты научнаго изслѣдованія предмета во имя какихъ-либо предвзятыхъ этическихъ воззрѣній, согласныхъ съ партійнымъ духомъ борющихся общественныхъ теченій. Признавая, что лучшими сборниками народныхъ пѣсенъ и стиховъ литература обязана славянофиламъ, Буслаевъ прибавлялъ: „Можно не соглашаться съ этой партіей во мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, но относительно изданія памятниковъ народной поэзіи надобно отдать ей полную справедливость“. Въ то же время, широко образованный, проникнутый лучшими вѣяніями европейской науки и искусства, онъ не былъ западникомъ въ томъ крайнемъ смыслѣ, какъ понималось это слово въ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ. Глубоко вѣря въ благотворное вліяніе многовѣковой западно-европейской цивилизаціи на молодое русское просвѣщеніе, онъ не увлекался и не интересовался социальными теоріями современнаго ему народничества, шедшими съ Запада, но не находившими себѣ почвы въ русской народной средѣ. Это положеніе, занятое Буслаевымъ среди русскихъ ученыхъ, въ большинствѣ, не отличавшихся объективностью и безпристрастіемъ своихъ научныхъ взглядовъ, и по отношенію къ наукѣ, еще только намѣчавшейся и склады-

вавшейся, съ первыхъ же статей его по народной словесности сразу гарантировало въ глазахъ ученыхъ и общества высокое пониманіе научныхъ задачъ и полнѣйшую добросовѣстность и неподкупность научныхъ убѣжденій. А. А. Котляревскій, характеризуя, по поводу рѣчи Буслаева „О народной поэзіи въ древнерусской литературѣ“, эти качества работъ его, говорилъ, что для него была дорога только „истина“, кому бы ни принадлежала ея выработка, *хотя бы даже самимъ немцамъ*“.

Эти слова, напечатанныя и у Котляревскаго курсивомъ, не покажутся намъ странными, если мы взглянемъ на нихъ опять-таки исторически, съ точки зрѣнія конца пятидесятихъ годовъ, когда уже окончательно сложились убѣжденія славянофиловъ о тлетворности Запада и всего, что отъ него исходитъ, и когда мысль о необходимости заимствованій казалась опасною даже официальнымъ представителямъ университетской науки.

Но сознаніе высоты научныхъ требованій и стремленій къ истинѣ не было у Буслаева слѣдствіемъ дѣятельности только одного ума, аналитическаго по природѣ своей, строго послѣдовательнаго и трезваго. Соединяясь съ искренностью и убѣжденностью, оно было дѣломъ всей его идеальной и цѣльной натуры, въ которой горячее отзывчивое сердце и чуткое воображеніе, осторожно направлявшіяся критическою мыслью, превращали холодное научное изслѣдованіе въ процессъ художественнаго творчества, и надо сознаться, въ вопросѣ о народной словесности это было болѣе чѣмъ гдѣ-либо умѣстно, а главное своевременно.

Не трудно разгадать, въ чемъ лежалъ источникъ поэтическаго воодушевленія Ѳ. И.: его научныя изысканія не были только наукой для науки, но были направлены къ другой высшей, идеальной цѣли.

Идеаломъ Ѳ. И. Буслаева была народность, жизнерадостная и свободная; въ основѣ ея духовной дѣятельности лежало преданіе, глубокое, поэтическое, прекрасное и нравственное, но оставшееся неизвѣданнымъ и темнымъ. Его пытливая мысль впервые проникла въ задушевные тайны русской старины и поэзіи, а любящее отношеніе его ко всему, на чемъ лежала печать отдаленной эпохи, непосредственнаго, наивнаго міросозерцанія, освѣ-

тила передъ нимъ наиболѣе привлекательныя черты народнаго быта и духа и сообщила возвышенный тонъ его рѣчи.

Эта рѣчь, эпически-спокойная, мѣстами восторженная, сама по себѣ чарующе дѣйствовала на читателя и невольно заставляла вслушиваться и вникать въ то, что, независимо отъ научной идеи, для писателя служило неизсякаемымъ источникомъ вдохновенья. Буслаевъ понималъ, что у науки есть свое искусство, и онъ прибѣгалъ къ этому искусству всюду, гдѣ было возможно.

Касается ли Ѳ. И. вопроса объ извѣстныхъ шести стихотвореніяхъ, списанныхъ въ 1619 году для оксфордскаго бакалавра Ричарда Джемса, онъ при объясненіи ихъ рисуетъ, на основаніи народно-поэтическихъ памятниковъ, цѣлый рядъ картинъ изъ жизни шестнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ. Отмѣчая, что лѣтописи, юридическіе акты и благочестивыя назиданія даютъ немного матеріала для полнаго возсозданія формъ и особенностей древняго быта, онъ съ особенной любовью высказываетъ свою завѣтную мысль, что „только поэзія имѣетъ средство изображать человѣка во всѣхъ подробностяхъ и случайныхъ обстановкахъ его быта; только искусство умѣетъ соединить интересъ къ мелочамъ жизни съ высокими стремленіями души“. И положительно живая душа чувствуется въ каждой строчкѣ его изложенія, когда онъ говоритъ о грубости древне-русскихъ нравовъ, порабощеніи личности, невѣжествѣ или торжествѣ физической силы. Изобразивъ по „Слову о женахъ“ униженное, пригнетенное положеніе древне-русской женщины, Ѳ. И. не можетъ не воскликнуть: „Удивительно, какъ мало во всемъ этомъ человѣколюбиваго, христіанскаго снисхожденія къ человѣческой немощи и слабости!“ При чтеніи повѣсти „О горѣ злосчастіи“ и ея „жалкомъ“ представителѣ, Буслаева, какъ онъ самъ признается, охватывало тяжелое чувство: приходилось изображать темную и безотрадную жизнь... тѣмъ не менѣе, эта повѣсть ему нравится. „Отъ перваго и до послѣдняго стиха его чувствуется, несмотря на грубое его содержаніе, присутствіе чьей-то благородной мысли, которая постоянно держитъ рѣшительный протестъ противъ окружающей ея темной дѣйствительности, постоянно чувствуется, хотя и не высказанный словами, строгій голосъ судьи, который предастъ жестокому суду всѣ загрубѣлые пороки ста-

рины и подаетъ охранительную свою руку читателю, проводя его по безотрадному поприщу древне-русскаго бражника“.

Справедливо усматривая прогрессивное движеніе въ развитіи народности, Буслаевъ несомнѣнно вносилъ въ свои взгляды на старину, какъ на воплощеніе эпическаго міросозерцанія, извѣстную долю идеализаціи, той романтической дымки, которая придавала и твореніямъ Гримма такой привлекательный колоритъ. Не все, въ самомъ дѣлѣ, въ нашей, какъ и во всякой другой, народности прекрасно, возвышенно и нравственно, и современный изслѣдователь долженъ считаться со всѣмъ ея содержаніемъ, не подводя тѣ или другія явленія подъ личные художественные или этические вкусы. По отношенію же къ Буслаеву эта идеализація имѣла громадное значеніе и въ эпоху до и вскорѣ послѣ реформы была положительно необходима: пробуждая общій интересъ и сочувствіе къ народу и къ его духовному міру, эта идеализація въ то же время вызывала любовь къ изученію старины и этнографіи, и по путямъ, намѣченнымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, это изученіе пошло въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Идеализація народной старины и быта не нарушала, однако, перспективы въ представленіяхъ Буслаева о другихъ параллельныхъ теченіяхъ художественной и научной мысли. Народное творчество никогда не принимало у Ѳ. И. формы культа, не дѣлалось своего рода *idée fixe*, которая заслоняла бы собою всѣ другіе идеи и интересы. Если, съ одной стороны, Буслаевъ и нападалъ на аристократизмъ, какъ на главнѣйшее свойство современной ему эстетической критики, аристократизмъ, сказывавшійся въ томъ, что критикъ останавливался только на свѣтилахъ первой величины, оставляя въ сторонѣ писателей второстепенныхъ и въ особенности народную словесность, то съ другой стороны, съ присущей ему трезвостью взгляда, онъ же признавалъ, что „высшимъ проявленіемъ творческаго генія челоѳчество обязано не совокупнымъ силамъ поколѣнія въ созданіи народныхъ пѣсенъ, а именно отдѣльнымъ геніальнымъ личностямъ, имена которыхъ, конечно, никогда не затмятся, сколь бы блистательно ни была поставлена въ исторіи просвѣщенія самородная безыскусственная поэзія“.

Взаимоотношеніе между поэзіей коллективнаго и личнаго творчества было тѣмъ вопросомъ, на которомъ Буслаевъ столкнулся съ Бѣлинскимъ. Цѣлью Буслаева было ввести обособленный до-толѣ народно поэтической міръ въ кругъ понятій, образующихъ общественное самосознаніе, и доставить въ этомъ сознаніи прекраснымъ, возвышеннымъ, нравственнымъ всенароднымъ идеямъ, какъ ихъ понималъ Буслаевъ, то высокое положеніе, какого они заслуживали. Бѣлинскій не понималъ народной поэзіи и, по своему времени, не могъ стать на точку зрѣнія Ө. И. Для критика „одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника было неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ“. „Естественная поэзія“ представлялась ему дѣтскимъ лепетомъ въ сравненіи съ художественной, которая есть „опредѣленное слово мужа“.

Но если не вполне справедливъ былъ Бѣлинскій въ своихъ отзывахъ о народной поэзіи, не вполне справедливъ былъ и Ө. И. въ своемъ осужденіи, съ исторической точки зрѣнія, философской эстетики тридцатыхъ годовъ и въ частности эстетической критики Бѣлинскаго. Дѣло не въ этомъ. Важно отмѣтить, что по отношенію къ литературѣ Бѣлинскій сдѣлалъ то же, что Буслаевъ по отношенію къ народной словесности: онъ впервые внесъ въ русское общество ясныя теоретическія понятія о поэзіи и ея художественныхъ достоинствахъ и впервые вызвалъ сознательное отношеніе къ литературѣ, какъ къ выраженію общественныхъ взглядовъ и направленій. И научные взгляды Ө. И. потому такъ быстро привились и были усвоены обществомъ, что имъ предшествовала серьезная по тому времени теоретическая подготовка, полагавшая, въ статьяхъ знаменитаго критика, первыя основы создаваемаго тогда понятія исторіи литературы. Но съ другой стороны, безъ трудовъ Буслаева, выдвигавшихъ огромное научное значеніе и необходимость изученія памятниковъ народнаго творчества, это понятіе, ограниченное только кругомъ произведеній, такъ называемой, изящной словесности, было, безспорно, одностороннимъ: оно исключало мысль о такой исторіи литературы, въ которой поэтическое творчество не только является „во всемъ его національномъ объемѣ, начиная съ его первыхъ проявленій въ древней

народной поэзіи“, но и должно быть объясняемо и изслѣдуемо въ связи съ данными исторіи культуры и аналогичными явленіями другихъ литературъ. Различными путями, одинъ дополняя другого, оба дѣятеля помогли выработкѣ этого понятія; оба содѣйствовали измѣненію наивныхъ старыхъ представленій о литературѣ, какъ о случайномъ подборѣ занимательныхъ и, въ лучшемъ случаѣ, назидательныхъ сочиненій, и — каждый въ своей области — одинъ стоилъ другого.

Но съ тѣхъ поръ, когда два замѣчательнѣйшіе дѣятеля нашего вѣка одинъ за другимъ работали на нивѣ русскаго просвѣщенія, прошло не мало времени: новое и оригинальное успѣло сдѣлаться общеизвѣстнымъ и обыкновеннымъ, и молодое — старымъ.

Научные взгляды Буслаева сдѣлались достояніемъ всего образованнаго общества и легли краеугольнымъ камнемъ въ основу школьнаго преподаванія литературы. Русская наука гордится десятками именъ послѣдователей и учениковъ Буслаева, которые примѣнили его методъ и значительно расширили и углубили область изслѣдованій, остановились на специальныхъ вопросахъ и подробностяхъ, которыхъ, по свойству своей работы, не касался ихъ великій учитель. Важенъ былъ первый толчокъ, который и данъ былъ Буслаевымъ, и если съ той поры нѣсколько измѣнилась въ наукѣ точка зрѣнія на характеръ и объясненіе различныхъ сторонъ народнаго творчества, если мифологическая теорія сузилась въ своемъ понятіи до положенія одного изъ основныхъ элементовъ, дѣйствующихъ въ процессѣ образованія народной словесности, и нѣкоторыя работы Буслаева имѣютъ, какъ самъ онъ, съ присущей ему скромностью, заявилъ при переизданіи своихъ очерковъ, лишь историческое значеніе, то историческое значеніе это должно быть понимаемо въ данномъ случаѣ какъ великая историческая заслуга, которой не можетъ забыть ни русская наука, ни исторія русскаго просвѣщенія вообще. Пусть пройдутъ года: если даже послѣдующія поколѣнія ученыхъ, вооруженныхъ и бѣльшимъ количествомъ опытовъ и все прогрессирующей силою научнаго анализа, построятъ, допустимъ, на выводахъ Ѳ. И. совершенно новое зданіе науки, и труды его всецѣло сведутъ къ историческому значенію, — въ нихъ навсегда останется одна сто-

рона, независимая отъ развѣдающаго вліянія критической мысли;— ихъ поэтическое воодушевленіе, ихъ высокій, обаятельно-художественный идеализмъ. Съ первыхъ же страницъ онъ сообщится всякому, кого приведетъ къ трудамъ Ѡ. И. интересъ къ родной словесности и старинѣ, и передъ нимъ раскроется живая душа того, чья горячая любовь къ наукѣ и стремленіе къ истинѣ руководились и просвѣтлялись глубокой вѣрой въ торжество лучшихъ сторонъ народнаго духа и въ полную возможность въ будущемъ общественнаго и народнаго блага.

Евг. Ляцкій.

В. И. Буслаевъ, какъ идеальный профессоръ 60-хъ годовъ *).

Движеніе въ умственной жизни здороваго общества совершается всею массою его вѣчно и непрерывно; но давая себѣ отчетъ въ его прошломъ и даже настоящемъ, мы непременно приурочиваемъ ступени его развитія къ нѣсколькимъ выдающимся личностямъ.

Старѣйшій университетъ въ Россіи, истинная *alma mater* всѣхъ русскихъ университетовъ, былъ такъ счастливъ, что далъ цѣлый рядъ такихъ дѣятелей, которые имѣютъ крупное значеніе не только въ исторіи русской науки, но и въ исторіи русскаго прогресса.

Всѣмъ вамъ извѣстно, какое видное и почетное положеніе занимаетъ въ ней профессоръ всеобщей исторіи Тимоѣей Николаевичъ Грановскій. Это самая чистая личность въ интересную и плодотворную эпоху сороковыхъ годовъ, когда свѣтъ и тѣни русской жизни такъ ясно, такъ рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга. Тогда, какъ вы знаете, росли и воспитывались будущіе дѣятели эпохи великихъ реформъ, воспитывались подъ непосредственнымъ вліяніемъ одновременно появившихся талантливыхъ и высоконравственныхъ людей, которые, несмотря на крайне тяжелыя условія, дѣйствовали такой плотной массой и съ такой энергіей, что примѣровъ подобной не много насчитаешь и во всей исторіи человѣчества.

Люди 40-хъ годовъ дѣлились на партіи, полемизировали другъ съ другомъ, „непримиримо“ расходились въ убѣжденіяхъ, но въ самомъ существенномъ, въ томъ, что надо жить не для себя, а для идеи, не для личнаго блага, а для блага общаго, что надо любить

*) Лекція, читанная въ Одессѣ 26 ноября 1897 г. въ пользу основанія *Буслаевского фонда*.

добро и ненавидѣть зло, они были настолько же согласны между собою, насколько и въ основномъ представленіи о томъ, что такое добро и зло. Не было между ними ни ко всему равнодушныхъ скептиковъ, ни защитниковъ непротивленія злу, ни сторонниковъ сопротивленія всякими, хотя бы и отвратительными средствами, ни крѣпостниковъ, ни противниковъ грамотности, ни сторонниковъ безпорядка и беззаконія. Все грубое, злобное, безчеловѣчное и явно нелѣпное возбуждало во всѣхъ ихъ отвращеніе, и никакіе софизмы, ни даже глубокая симпатія къ тому, кто впалъ въ ошибку, не могли въ ихъ глазахъ оправдать самой ошибки. Напомню трагическую исторію „Перениски съ друзьями“ Гоголя, за которую его осудили люди всѣхъ оттѣнковъ, поклонявшіеся его таланту.

Вотъ почему люди 40-хъ годовъ, несмотря на свои раздоры и партіи, составляли одно крѣпкое цѣлое и, не имѣя никакой политической силы, представляли огромную силу нравственную, подготовлявшую великое дѣло возрожденія Россіи.

Но и на солнцѣ есть пятна. Когда наступила пора критическаго отношенія къ людямъ 40-хъ годовъ, въ каждой группѣ, въ каждомъ отдѣльномъ крупномъ дѣятелѣ, оцѣнивая ихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, стали находить темныя стороны. Пережившихъ эпоху освобожденія, иногда не безъ основанія, осуждали за измѣну ихъ прежнимъ идеаламъ, за старческое озлобленіе противъ тѣхъ, кто пошелъ дальше ихъ; одни обвиняли тѣхъ, кто покинулъ тогда Россію, другіе тѣхъ, кто покорился злу, иныхъ упрекали за крайнее западничество, другихъ за узкое славянофильство и т. д.

Только одинъ Грановскій и какъ человѣкъ, и какъ дѣятель остался безъ пятна и упрека, остался чистымъ воплощеніемъ всего лучшаго, что было передумано, прочувствовано и пережито въ 40-хъ годахъ и, сколько знаю, никто даже въ пору самаго беззавѣтнаго отрицанія и глумленія надъ недавнимъ прошлымъ, не находилъ нелѣпнымъ его направленія, бесполезной его дѣятельность; а когда противъ этого отрицанія наступила спасительная реакція, образъ высокоталантливаго проповѣдника истины и чело-вѣчности засіялъ безпримѣрно яркимъ свѣтомъ. Вотъ отчего въ Московскомъ университетѣ до сихъ поръ всякая вступительная

лекція, хотя бы и плохо составленная и прочитанная, вызываетъ громъ рукоплесканій, если лекторъ въ заключительныхъ словахъ произноситъ имя Грановскаго.

Не мнѣ, съ дѣтства ученику учениковъ Грановскаго, привлеченному много лѣтъ назадъ его свѣтлымъ именемъ на историко-филологическій факультетъ, уменьшать заслуги и значеніе незабвеннаго московскаго профессора. Но именно та доля историческаго смысла, которой мы обязаны прежде всего непосредственнымъ ученикамъ Грановскаго, заставляетъ меня утверждать, что *идеальнымъ профессоромъ* Грановскій былъ для своего времени, для 40-хъ годовъ, когда нужно было будить русское общество и прежде всего русскую молодежь, приносившую изъ гимназій и семинарій кое-какія свѣдѣнія, но полное отсутствіе общихъ идей и яснаго пониманія добра и зла. Юноша, воспитанный среди крѣпостной дворни, пріѣхавшій въ Москву съ крѣпостнымъ лакеемъ, котораго онъ, слѣдуя родительскимъ повелѣніямъ, долженъ былъ отправлять за провинности въ часть для тѣлеснаго внушенія; сынъ офицера, ходившій для развлечения смотрѣть на экзекуціи; сынъ чиновника, съ дѣтства выдавшій кулечки, которые просители посилали отцу его; сынъ священника или дьякона, съ котораго въ бурсѣ чуть не ежедневно спускали по три шкуры; изрѣдка сынъ вольноотпущеннаго, который только вчера избавился отъ помѣщичьихъ розогъ, а сегодня подводилъ подъ нихъ своихъ односельчанъ, — вотъ изъ кого зачастую состояла аудиторія Грановскаго. Что дѣлать съ нею? Ужели засадить ее за изученіе текстовъ Павла Дьякона и Витукинда? По привычкѣ къ повиновенію, подъ страхомъ исключенія за малоуспѣшность, его студенты, пожалуй, и одолѣли бы Витукиндовъ, но остались бы такими же полувѣрями, какими они пришли въ университетъ. Не лучше ли, не полезнѣе ли было въ тысячу разъ привить имъ прежде всего человѣческія чувства и мысли, дать имъ разумное, гуманное міровоззрѣніе, воодушевить ихъ любовью къ добру и правдѣ и энергіей къ огромной работѣ, которая предстояла имъ?

Это и сдѣлалъ Грановскій своими блестящими и задушевными лекціями, на которыя собирался весь Московскій университетъ его времени, и отзвуки которыхъ разносились по всей нашей

интеллигенціи. Онъ не составилъ себѣ *школы* въ научномъ смыслѣ, но за то вся молодая Россія была его школой.

На своихъ знаменитыхъ публичныхъ лекціяхъ и вообще во всей своей общественной дѣятельности Грановскій преслѣдовалъ другую цѣль, столь же высокую, для достиженія которой только онъ одинъ имѣлъ достаточно таланта, смѣлости и, главное, вѣры въ людей: надо было утѣшить и поддержать все, что было тогда лучшаго въ Россіи, доказать, что не слѣдуетъ приходить въ безнадежное отчаяніе и бессильно складывать руки, что у насъ не убита еще живая мысль, что общество, среди котораго есть такіе руководители юношества, имѣетъ свѣтлую будущность...

И Грановскій исполнилъ свою великую задачу. Не даромъ ради его лекцій съѣзжались въ Москву изъ медвѣжьихъ угловъ за 300—400 верстъ; не даромъ, послѣ cadaго его курса за обѣдомъ въ честь лектора, горячо обнимались славянофилы съ западниками.

Грановскій больше, чѣмъ кто нибудь, создалъ „святыя стѣны Московскаго университета“, воспоминаніе о которыхъ будило лучшія человѣческія чувства и мечты въ людяхъ, повидимому, безвозвратно затянутыхъ тиной тогдашней провинціальной жизни и службы.

Работа его была великая, но не человѣчески трудная, и онъ сошелъ въ могилу 42 лѣтъ отъ роду, чуть не наканунѣ возрожденія, имъ и его поколѣніемъ подготовленнаго. Ему нѣтъ памятника, но скромная могила его и до сихъ поръ — мѣсто поклоненія.

Черезъ 5—6 лѣтъ послѣ смерти Грановскаго наступила „эпоха великихъ реформъ“, и для проведенія и закрѣпленія ихъ требовались многія тысячи работниковъ. Тогда оказалось, что многіе изъ нашихъ передовыхъ людей лучше умѣютъ говорить о дѣлѣ, чѣмъ дѣлать его, что то общее развитіе, которое давали нашей молодежи лучшіе люди 40-хъ годовъ, было достаточно для инициаторовъ, но не для исполнителей, что у послѣднихъ часто не хватало ни умѣнья взяться за работу, ни выдержки даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Тургеневъ говоритъ, что русскіе молодые люди, посланные доучиваться за границу, сперва

поражали нѣмецкихъ профессоровъ своимъ развитіемъ и широкими планами, а потомъ приводили ихъ еще въ большее изумленіе своимъ феноменальнымъ бездѣльничаніемъ. Это было печально, но вполне естественно; обвинять за это людей 40-хъ годовъ было бы такъ же несправедливо, какъ обвинять учителя за то, что онъ прежде учить ребенка азбукѣ, а потомъ уже спеціальнымъ наукамъ. Тѣмъ не менѣе очевидно, что для новыхъ условій жизни надо было иначе готовить молодежь. Соотвѣтственно этому въ Московскомъ университетѣ явились и профессора другого типа, иначе работавшіе и иначе вліявшіе на студентовъ.

Одинъ изъ лучшихъ представителей этого типа, можетъ быть, самый вліятельный въ исторіи русской науки, образовавшій не одну *школу*, а цѣлый рядъ школъ, былъ недавно скончавшійся Ѳ. И. Буслаевъ.

Буслаевъ всего на 5 лѣтъ моложе Грановскаго; Грановскій род. въ 1813 г., Буслаевъ -- въ 1818. Они были одно время товарищами и пріятелями; но расцвѣтъ ихъ дѣятельности — двѣ разныя эпохи, рѣзко отдѣляющіяся въ нашемъ представленіи — 40-ые годы для одного, 60-ые для другого. Это обусловлено никакъ не медленностью развитія Буслаева и не столько случайными обстоятельствами жизни каждаго изъ нихъ, сколько различіемъ тѣхъ задачъ, которыя имѣли совершить они.

Чтобы возбуждать аудиторію свѣтлыми идеями, не нужно глубокой учености, а нужна прежде всего горячая вѣра и одушевленіе, широкій умственный кругозоръ, божья искра и ораторскій талантъ. Все это доступно юности. Грановскій и въ могилу сошелъ молодымъ профессоромъ. Чтобы проводить новое научное міровоззрѣніе, чтобы научить студентовъ самостоятельно работать, чтобы основать научную *школу*, надо самому пройти долгую и серьезную школу; необходимы долгіе годы кабинетнаго труда, глубокія знанія и большая опытность. Буслаевъ въ первыхъ своихъ работахъ былъ болѣе сухимъ и строгимъ и болѣе осторожнымъ изслѣдователемъ, чѣмъ когда-нибудь впослѣдствіи, и въ первые годы его профессорства, сколько знаю, его аудиторія посѣщалась только обязательными слушателями.

Такое различіе направленій въ началѣ профессорской карьеры

Грановскаго и Буслаева въ значительной степени обуславливалось различіемъ условій, среди которыхъ они развивались.

Грановскій, какъ извѣстно, получилъ блестящее, но поверхностное *домашнее* воспитаніе, и прямо изъ дому въ ранней юности поступилъ на службу въ Петербургъ; послѣ этого онъ сдѣлается студентомъ юридическаго факультета и тогда же вступаетъ на литературное поприще. По окончаніи университета онъ опять-таки служить и только черезъ два года начинаетъ готовиться къ занятію каѳедры.

Буслаевъ вышелъ изъ семьи недостаточной; окончивъ 15 лѣтъ отъ роду гимназію въ Пензѣ, онъ годъ занимался древними языками, 16 лѣтъ выдержалъ экзамень въ Московскій университетъ и былъ принятъ казеннокоштнымъ студентомъ на словесное отдѣленіе философскаго факультета. 4 года онъ усердно работалъ отчасти самостоятельно, отчасти подъ руководствомъ Шевырева, Погодина и Давыдова. Онъ вынесъ изъ университета основательное знаніе древнихъ языковъ (по-нѣмецки онъ хорошо зналъ и прежде), незаурядную начитанность и нѣкоторую научную подготовку (между прочимъ, онъ бѣгло разбиралъ рукописи, свободно читалъ польски и даже началъ учиться по-еврейски), а главное, онъ вынесъ привычку и умѣнье заниматься; университетъ укрѣпилъ и урегулировалъ неутомимую жажду знанія, которая лежала въ самой его натурѣ.

По окончаніи курса Буслаевъ живетъ уроками, но не перестаетъ заниматься; черезъ годъ ему представляется случай ѣхать за границу не на казенный счетъ для приготовленія къ каѳедрѣ, какъ Грановскому, а въ качествѣ учителя при дѣтяхъ гр. Строганова. Тамъ онъ остается 2 года, главнымъ образомъ въ Неаполь и въ Римъ, и усердно занимается археологіей, исторіей искусства и итальянской литературой, занимается не только и не столько по книгамъ, сколько по самымъ памятникамъ.

Юноша нашего практическаго вѣка можетъ прійти въ недоумѣніе отъ такого направленія его занятій: ученикъ Шевырева и Погодина, еще въ университетѣ избравшій своею спеціальностью родную старину и языкъ, цѣлые два года тратитъ на изученіе Данта; скульптуры и живописи. На что это ему?

Конечно, не для магистерскаго экзамена и не для диссертациі, а для общаго художественнаго и научнаго развитія. Буслаевъ, какъ и всѣ лучшіе профессора того времени, никогда не былъ узкимъ специалистомъ; оттого онъ и создалъ не одну школу, а рядъ школъ; но объ этомъ я еще буду говорить далѣе.

По возвращеніи изъ-за границы въ 1841 г., Буслаевъ поступаетъ учителемъ въ 3-ю московскую гимназію (гдѣ у него учился будущій его товарищъ по кафедрѣ Н. С. Тихонравовъ), усердно работаетъ для уроковъ, а въ то же время выступаетъ (сперва очень скромно — рецензіями) на литературное поприще, въ *то же время* занимается санскритомъ, изучаетъ сравнительную грамматику Боппа, грамматику нѣмецкихъ нарѣчій Якова Гримма и его же мифологію и „Правовыя Древности“.

А въ *то же время* онъ пишетъ свою книгу: „О преподаваніи отечественнаго языка“ и *готовится къ магистерскому экзамену*, который и выдерживаетъ блистательно въ 1843 году! *)

Какимъ образомъ хватало одного человѣка и человѣка, еще столь юнаго, и никогда не отличавшагося несокрушимымъ здоровьемъ, просто понять невозможно. Узнавъ лично Буслаева уже 20 лѣтъ спустя, когда онъ работалъ много, но, такъ сказать, размѣренно, когда онъ очень берегъ себя и насъ всячески убѣждалъ беречь и глаза и голову, не работать сверхъ силъ, не сидѣть ночи напролетъ, — я спросилъ его:

— А вы сами, Ѳ. И., въ началѣ 40 годовъ, когда вы и уроки въ гимназіи давали, и у Строгановыхъ учили, и книгу писали, и къ экзамену готовились, ужели вы успѣвали все это дѣлать днемъ и вечеромъ?

— Сколько помню, я почти никогда не сидѣлъ цѣлыя ночи напролетъ, а только старался днемъ не терять времени; даже во время перемѣны въ гимназіи, бывало, норовишь просмотрѣть что-нибудь. Мнѣ много помогла 4-хъ-лѣтняя жизнь въ студенческихъ казенныхъ нумерахъ, гдѣ мы волей-неволей привыкли заниматься

*) Замѣтите, что въ то время въ магистерскій экзаменъ входила и философія, къ которой Буслаевъ не чувствовалъ расположенія, а санскритъ и Гриммъ къ экзамену не требовались, такъ какъ сами экзаминаторы были плохо съ ними знакомы.

въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ: среди шумныхъ разговоровъ, пѣнія, музыки. Конечно, во время приготовленія къ магистерскому экзамену трудновато было; но я молодъ былъ; тогда все съ рукъ сходило; вѣроятно, потомъ отзовется. Да еще, замѣтите, я въ это время въ гостяхъ успѣвалъ бывать.

Черезъ Погодина и Шевырева Буслаевъ въ это время познакомился и сблизился съ Хомяковымъ, Константиномъ Аксаковымъ, Кирѣевскимъ и пр., которые уже тогда начали выдѣляться въ особую литературно-политическую группу; его соединяла съ ними любовь къ народной поэзіи и занятіе родной стариной и языкомъ; но ихъ богословско-философскія доктрины, ихъ политическіе взгляды оставались ему совершенно чужды, впрочемъ, не вызывая съ его стороны противодѣйствія и споровъ прежде всего потому, что онъ и тогда, какъ и послѣ, нисколько не интересовался политикой.

Въ 1844 г. вышла его книга: „О преподаваніи отечественнаго языка“ въ двухъ частяхъ; изъ нихъ первая, соотвѣтственно заглавію, посвящена изложенію дидактическихъ приемовъ, а вторая — собственнымъ изслѣдованіямъ и замѣткамъ по исторіи русскаго языка. Эта вторая часть была настолько научна и самостоятельна, что ему предлагали представить ее въ факультетъ въ качествѣ магистерской диссертациі. Подъ скромнымъ заглавіемъ „Матеріаловъ для русской стилистики“ молодой авторъ изложилъ въ ней рядъ цѣнныхъ наблюденій и сопоставленій изъ исторіи языка съ фактами изъ русскихъ древностей. Онъ пользовался методомъ и отчасти матеріаломъ изъ трудовъ Якова Гримма, Боппа и др.; но примѣнилъ этотъ методъ къ даннымъ, которыя Гримму оставались неизвѣстными, черезъ что и отечественный матеріалъ получалъ блестящее освѣщеніе, да и самый методъ приобрѣталъ большую устойчивость и вѣсь. Слѣды языческой старины въ языкахъ славянскихъ до тѣхъ поръ указывались неувѣренно, безсистемно и какъ бы въ видѣ курьезовъ, ничего не доказывающихъ; Буслаевъ ясно до наглядности отдѣлилъ слой доисторическій отъ христіанскаго и указалъ твердую основу для уясненія русской народности, которая до тѣхъ поръ была только темой для лирическихъ восторговъ или беспочвенныхъ упражненій въ діалектикѣ. Съ юно-

шеской смѣлостью напалъ онъ на чрезвычайно распространенное въ то время убѣжденіе, что церковнославянскій языкъ есть языкъ нашихъ предковъ, и доказалъ все анти-историческое легкомысліе его сторонниковъ. Въ первый разъ, сколько знаю, въ книгѣ Бу-слаева русское общество встрѣтилось съ спокойнымъ, объектив-нымъ, чисто научнымъ отношеніемъ къ Шишкову и къ Карамзин-ской реформѣ; которая только съ тѣхъ поръ перешла въ область исторіи. Вообще, сравнивая первую книгу Буслаева съ другими современными работами подобнаго рода, нельзя не замѣтить, что русская филологія съ нимъ вступаетъ въ новую и плодотворнѣй-шую стадію развитія: до тѣхъ поръ были тяжеловѣсные почтен-ные труды, усердно подбиравшіе матеріалъ, но имѣвшіе въ виду только посвященныхъ специалистовъ, а что предназначалось для большой публики, то было лишено всякой научной солидности и имѣло видъ и значеніе чуть не ученическихъ разсужденій. Съ Бу-слаевымъ русская наука какъ бы переходитъ изъ монашеской келліи съ одной стороны и изъ гимназіи съ другой — въ свѣтлую аудиторію европейскаго университета.

Но требовательный къ себѣ авторъ былъ не вполне доволенъ научной частію своей книги и отказался представить ее, какъ диссертацию.

Что касается до 1-й ея части, дидактической, она имѣла успѣхъ посредственный, такъ какъ появленіе ея было совсѣмъ несвое-временно: молодой горячій педагогъ, съ широкимъ филологическимъ образованіемъ, слишкомъ далеко обогналъ современную ему рус-скую школу. Онъ доказывалъ, что родному языку нельзя обучать, какъ чужому, что нельзя подчинять ученія искусственной, рутин-ной системѣ, высказывался противъ теоріи словесности *), громилъ Карамзина, приводя многочисленные примѣры того, какъ онъ уродовалъ красивыя лѣтописныя выраженія **), доказывалъ, что заучивать наизусть дѣти могутъ только классически-прекрасныя произведенія ***), изгонялъ изъ младшихъ классовъ теоретическую грамматику, какъ сборникъ полицейскихъ предписаній, требовалъ

*) По 2-му изд. стр. 86 и далѣе.

***) Стр. 258—9.

***) Ibid. стр. 40.

для высшихъ классовъ грамматики сравнительно - исторической, считалъ звуковой методъ обученія грамотѣ прочно у насъ установившимся, и все это въ 1844 г., обращаясь къ учителямъ, которые задавали ногтемъ *отсельва досельва*, которые заставляли учить поздравительныя стихотворенія къ именинамъ начальника, задавали въ видѣ сочиненія благодарственныя письма благодѣтелямъ, къ педагогамъ, которые не учили, не воспитывали, а исполняли установленныя служебныя обязанности и за то получали присвоенное имъ по штату содержаніе. Конечно для 99 изъ ста такихъ школьныхъ дѣятелей проповѣдь Буслаева была гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Тѣмъ не менѣе къ книгѣ его критика отнеслась довольно внимательно: было не мало похвальныхъ отзывовъ, а баронъ Брамбеусъ, т. е. Сенковскій, въ „Библиотекѣ для чтенія“, разнесъ ее, какъ говорится, въ пухъ, не щадя прозрачныхъ намековъ на отношеніе Буслаева къ гр. Строганову: скептикъ Сенковскій въ увлеченіи народной поэзіей и первобытною древностью видѣлъ проявленіе самаго разнузданнаго и вреднаго романтизма; къ тому же онъ велъ непрестанную войну со всѣми московскими литераторами, которые съ своей стороны, не безъ основанія, считали его вмѣстѣ съ Булгаринымъ и Гречемъ губителями русской словесности. Это первое огненное крещеніе отъ руки популярнаго и не бездарнаго (но безпринципнаго) критика принесло большую пользу не только самому Буслаеву, но черезъ него и многочисленнымъ ученикамъ его: закаленный съ 26 лѣтъ къ печатной брани, онъ былъ равнодушенъ къ ней и впослѣдствіи никогда не отвѣчалъ на критики и насъ пріучалъ относиться къ непріятностямъ этого рода стоически.

— Что-нибудь одно, — говорилъ онъ бывало, когда кто-нибудь изъ насъ приходилъ въ отчаяніе или кипятился по поводу полученія печатнаго реприманда, — или вашъ жестокій критикъ правъ по существу или не правъ. Въ первомъ случаѣ отругиваться несправедливо, а надо слѣдующую работу исполнить, какъ можно лучше; во второмъ же — бесполезно и унизительно. Не хорошо, если совсѣмъ ничего не говорятъ о вашихъ трудахъ; а если одни хвалятъ, другіе бранятъ, вы имѣете, стало-быть, успѣхъ несомнѣнный. Журнальная критика имѣетъ чутье и обращаетъ вни-

маніе на то, что того заслуживаетъ; но требовать отъ нея безпристрастія при существованіи партій было бы слишкомъ наивно.

Въ 1846 г., за переходомъ въ Петербургъ Давыдова, въ Москвѣ, на кафедрѣ русской словесности, которая тогда читалась и юристамъ и математикамъ, остался одинъ Шевыревъ. Тогда въ товарищи къ нему былъ приглашенъ Буслаевъ.

Вступая 29 лѣтъ отъ роду на кафедру старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, Ѳ. И. Буслаевъ, кромѣ глубокихъ свѣдѣній по своему предмету, принесъ съ собою рѣдкое по широтѣ, даже въ то энциклопедическое, сравнительно съ нашимъ, [время, общее образованіе, основательное знаніе обоихъ древнихъ и 3-хъ новыхъ языковъ, близкое и непосредственное знакомство съ главными славянскими нарѣчіями, серьезную подготовку по сравнительному языковѣдѣнію и по той области филологіи, которая со времени его великаго учителя Гримма извѣстна подъ именемъ *германистики*; а главное, онъ принесъ съ собою неутомимую жажду знанія, энергію въ работѣ, строгій научный методъ, умѣнье распределять свое время и живой интересъ къ разнообразнымъ проявленіямъ человѣческаго духа въ произведеніяхъ словесности и искусства. Если мы къ этому прибавимъ мягкій и любящій характеръ, педагогическую опытность, блестящій даръ изложенія и въ ранней юности пріобрѣтенное вниманіе къ правильности и красотѣ литературной формы, легко понять, какой превосходный профессоръ долженъ былъ изъ него выйти.

Съ первыхъ же лѣтъ своего пребыванія на кафедрѣ Ѳ. И. не только пользовался уваженіемъ и любовью своихъ слушателей, но и началъ образовывать свою *школу*, которой потомъ предстояло охватить всѣ русскіе центры просвѣщенія. Буслаевъ со всѣми студентами обращался чисто по-товарищески; но съ тѣми, въ комъ замѣчалъ способность и охоту работать серьезно, входилъ въ самыя близкія, дружескія сношенія. Если случалось, что студентъ, по скромности, не шелъ къ нему, самъ Буслаевъ его разыскивалъ, приводилъ къ себѣ, снабжалъ его книгами, читалъ съ нимъ памятники, горячо ходатайствовалъ за него передъ начальствомъ, направлялъ его работы и скоро превращалъ робкаго, неловкаго юношу въ серьезнаго работника науки.

Вліяніе Буслаева на его учениковъ было въ высшей степені благотворно въ томъ отношеніи, что отчасти по характеру имъ усвоеннаго и усовершенствованнаго сравнительнаго метода, отчасти по особенноти своего широкаго и пытливаго ума, онъ не только самъ не довольствовался чужими фактами и выводами, какъ бы ни были авторитетны ихъ авторы, а вносилъ въ каждый вопросъ новый матеріаль и самостоятельное освѣщеніе, но приучалъ и студентовъ не пѣть съ чужого голоса, а добывать свое, не ссылаться на *verba magistri*, а обращаться непосредственно къ источникамъ, къ сырому матеріалу и провѣрять на немъ всѣ положенія, даже и считающіяся твердо установленными. Дѣло не въ томъ, что предшествующій наблюдатель смотрѣлъ недостаточно внимательно (хотя это и случается довольно часто) и даже не въ томъ, что онъ, исходя изъ извѣстной тенденціи, взялъ изъ памятника только то, что ему нужно для ея подкрѣпленія (это случается еще чаще и этимъ сильно погрѣшалъ учитель Буслаева, теперь его старшій товарищъ С. П. Шевыревъ), но въ томъ, что, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, никто не можетъ ручаться, что онъ и его предшественники извлекли изъ памятника все, что слѣдуетъ: мысль человѣческая вѣчно ширится, и всякое новое поколѣніе видитъ яснѣе и больше предыдущаго.

Такимъ строго критическимъ отношеніемъ къ памятникамъ языка и словесности Буслаевъ выгодно отличался отъ своихъ учителей и старшихъ товарищей, и лучшіе изъ его студентовъ, разумѣется, охотно шли за нимъ.

Другая оригинальная его черта, рѣзко проявлявшаяся уже и въ тѣ юные годы,— его отношеніе къ борьбѣ литературно-политическихъ партій, волновавшей тогда всю просвѣщенную Россію и Московскій университетъ. Живою, отзывчивой и увлекающійся, занимаясь вопросами, тѣсно связанными съ основами славянофильскаго ученія, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ Погодинымъ, Кирѣевскимъ и др., Буслаевъ никоимъ образомъ не желалъ стать въ ряды славянофиловъ и усвоить ихъ политическую программу. Съ другой стороны, поддерживая добрыя товарищескія отношенія съ западниками, онъ столь же мало былъ расположенъ отнестись враждебно къ допетровской Руси и къ

тѣмъ остаткамъ старины, которые еще были живы въ русскомъ народѣ. Такъ и остался онъ внѣ партій.

Извѣстно, что во время горячей борьбы люди, держащіеся золотой середины, обыкновенно проигрываютъ, такъ какъ возбуждаютъ одинаковое нерасположеніе обѣихъ сторонъ, и приравняются къ тѣмъ несчастнымъ и презрѣннымъ, которые, по словамъ Данта,

„Visser senza infamia e senza lodo“ (Inf. III, 36).

Но этого не могло случиться съ Буслаевымъ, такъ какъ онъ уклонялся отъ борьбы не изъ робости, не изъ нерѣшительности или равнодушія, а по убѣжденію, въ силу своего строго научнаго, объективнаго, а въ то же время широко гуманнаго міровоззрѣнія, не позволявшаго ему закрывать глаза на слабыя стороны обѣихъ программъ и съ другой стороны заставлявшаго его видѣть въ той и другой партіи искреннее желаніе блага русскому молодому обществу, для котораго онъ, Буслаевъ, усматривалъ прежде всего спасеніе въ широкомъ просвѣщеніи, въ серьезной и свободной наукѣ.

Приблизительно черезъ годъ послѣ вступленія на кафедру Буслаевъ представилъ въ факультетъ магистерскую диссертацию, подъ заглавіемъ: „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“, которая съ строгой научностью развила и дополнила плодотворную идею автора о языкѣ, какъ важнѣйшемъ источникѣ для изученія религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній народа и его доисторическаго быта, и дала рядъ цѣнныхъ новыхъ фактовъ для исторіи славянскаго языка, миѳологіи и поэзіи. Способъ добыванія и систематизація этихъ фактовъ показали въ авторѣ вполне европейскаго ученаго, который не уронилъ бы себя и на кафедрѣ любого изъ нѣмецкихъ университетовъ.

Диспутъ состоялся 3 іюня 1848 г. Несмотря на неудобное время, публики была масса, и диспутъ былъ оживленный и блестящій; возражали Буслаеву Шевыревъ, Бодянский, Катковъ, Леонтьевъ и Хомяковъ. Характерны были пренія Буслаева съ Катковымъ и Хомяковымъ *): систематикъ Катковъ нападалъ на смѣ-

*) См. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 125 и слѣд.

шеніе наукъ, на то, что изъ книги Буслаева не видно, кто въ ней хозяинъ: лингвистъ или историкъ? „Я здѣсь хозяинъ“, — отвѣтилъ Буслаевъ и тѣмъ вызвалъ сочувственный смѣхъ понимавшей дѣло публики. Человѣкъ съ огромными знаніями, но тенденціозно настроенный, Хомяковъ заинтересовался санскритскими корнями книги и ихъ сближеніемъ съ славянскими, но очевидно, „признавалъ санскритъ мѣстнымъ нарѣчіемъ языка русскаго“. Пренія съ Шевыревымъ, при всемъ глубокомъ уваженіи, которое магистрантъ выказывалъ ему, выяснили, насколько ученикъ ушелъ впередъ, сравнительно съ учителемъ. Вскорѣ послѣ диспута Буслаевъ былъ сдѣланъ адъюнктъ-профессоромъ, черезъ что пріобрѣлъ прочное, — а при его скромныхъ требованіяхъ отъ жизни — квартира въ 4 комнаты ему съ молодой женой казалась почти роскошью, только на книги и на рукописи тратилъ онъ деньги, не жалѣя, — и вполне обеспеченное положеніе. Съ этихъ поръ онъ читаетъ въ университетѣ каждый годъ новые и вполне самостоятельные курсы, значительную часть которыхъ онъ потомъ отдѣлываетъ и помѣщаетъ въ лучшихъ литературныхъ журналахъ; а въ то же время ведетъ съ студентами практическія занятія по исторіи языка, палеографіи и древней литературѣ. Онъ работаетъ усердно, *не теряя ни одного дня ни зимою, ни лѣтомъ*, и постоянно расширяетъ кругъ своихъ занятій, но при этомъ не покидаетъ и областей, имъ первоначально излюбленныхъ. Школа его растетъ; извѣстность его увеличивается годъ отъ году, и уже къ концу 50-хъ годовъ онъ считается не только первымъ знатокомъ по русскому языку, древней литературѣ, но и по народной словесности, къ изслѣдованію которой онъ привлекаетъ памятники поэзіи всѣхъ индоевропейскихъ племенъ.

Длинный перечень его трудовъ, изъ которыхъ главнѣйшіе: „Историческая грамматика“, „Историческая хрестоматія“ и два огромныхъ тома „Историческихъ очерковъ“ — до сихъ поръ настольныя книги не только для всякаго магистранта или ученаго, но и для хорошаго учителя словесности, вы навѣрно читали въ его некрологахъ и найдете во всякомъ энциклопедическомъ словарѣ русскомъ и иностранномъ.

Чтобы не задерживать васъ до ночи, я прямо перехожу отъ конца 40-хъ годовъ къ началу 60-хъ, къ моимъ студенческимъ

воспоминаніямъ, которыми я надѣюсь въ значительной степени оправдать заглавіе моей лекціи.

36 лѣтъ тому назадъ, 1 сентября 1861 г., я совсѣмъ еще зеленымъ, 16-ти лѣтнимъ юношей вступилъ въ первый разъ въ стѣны Московскаго университета, съ очень плохой подготовкой по всѣмъ филологическимъ предметамъ, съ полнымъ неумѣніемъ взяться за науку, но съ горячимъ желаніемъ проникнуть въ тайники ея. Изъ расписанія узналъ я, что первые два часа будетъ читать намъ въ Большой Словесной (въ Московскомъ университетѣ аудиторіи не имѣютъ нумеровъ, но прозванія) профессоръ Буслаевъ. Имя Буслаева мнѣ было извѣстно: во-первыхъ, оно встрѣчалось мнѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, впрочемъ, подъ статьями, мало мнѣ доступными; во-вторыхъ, когда мы переходили изъ 6-го класса въ 7-й, на экзаменѣ громко заспорили наши два словесника о томъ, можно ли написать: „Французы, вступающіе въ Москву, были встрѣчены“ или надо сказать: „Французы, *вступавшіе* въ Москву“...

— Ну, спросимъ у Буслаева, — предложилъ одинъ.

— Извольте, съ удовольствіемъ: я знакомъ съ нимъ. Какъ онъ скажетъ, такъ тому и быть! — отвѣтилъ другой.

Можете себѣ представить, какимъ божествомъ представился намъ Буслаевъ, суду котораго безпрекословно подчинялся нашъ любимый учитель, дѣйствительно, человѣкъ очень знающій!

Отыскавъ Большую Словесную, я нашелъ въ ней толпу, человѣкъ въ 200, если не больше: по дѣйствовавшему тогда уставу „русскую словесность“ должны были слушать, кромѣ филологовъ, и юристы и математики, еще не отдѣленные въ то время отъ естественниковъ. Кромѣ того, слава имени Буслаева, незадолго передъ тѣмъ возвратившагося изъ Петербурга, гдѣ онъ давалъ уроки Наслѣднику Цесаревичу, и только что выпустившаго въ свѣтъ свои „Очерки“, привлекла на его лекцію много добровольцевъ со старшихъ курсовъ. Я ожидалъ увидѣть на кафедрѣ маститаго старца, по крайней мѣрѣ лѣтъ на 20 старше нашего словесника, и былъ пріятно пораженъ, увидавъ красиваго, симпатичнаго человѣка среднихъ лѣтъ, съ умнымъ и добрымъ лицомъ,

живого и изящнаго во всѣхъ своихъ движеніяхъ; уже по одной наружности онъ показался мнѣ *идеаломъ* профессора.

Онъ окинулъ аудиторію смѣлымъ „соколинымъ“ взглядомъ и началъ... Его лекція, почти дословно написанная, но превосходно читаемая, по живости и какой-то спокойной, увѣренной красотѣ своей формы, вполне соответствовала его наружности; содержаніе ея, увы! плохо далось мнѣ на первый разъ: несмотря на 3—4 тома Бѣлинскаго, мной прочтенные, несмотря на десятки сочиненій, мной написанныя, я былъ еще слишкомъ мало развитъ для настоящей науки, а Буслаевъ, какъ я потомъ присмотрѣлся, не спускался до студентовъ, но *поднималъ ихъ до себя*. Кромѣ того, меня смущала новость моего положенія (на университетской лекціи и у кого же? у *Буслаева!*), а главное — я залюбовался лекторомъ и его чудной дикціей. На второй часъ я понималъ нѣсколько болѣе. Не помню, послѣ этой ли лекціи или черезъ недѣлю, черезъ двѣ, я услышалъ при выходѣ изъ аудиторіи, какъ Буслаевъ говорилъ осаждавшимъ его вопросами студентамъ:

— Въ пятницу, въ пятницу ко мнѣ, кому угодно, милости просимъ, съ 6 часовъ.

Навелъ я у старшихъ студентовъ справки; оказалось, что знаменитый профессоръ доступенъ до-нельзя, хотя, конечно, не всегда, а въ опредѣленное время.

Въ одну изъ пятницъ отправился и я, набравшись смѣлости. Маленькая передняя была завалена студенческими и статскими пальто (въ тотъ годъ форму „донашивали“); въ первой комнатѣ за круглымъ столомъ сидѣло человѣкъ двѣнадцать студентовъ за работой; большинство списывало лекціи и поправляло свои записки; нѣкоторые работали по книгамъ и старымъ рукописямъ. Всякаго вновь приходящаго хозяинъ опрашивалъ о факультетѣ и цѣли прихода. Если это былъ юристъ или математикъ, пришедшій за лекціями или справкой, онъ устраивалъ его сейчасъ же за общимъ столомъ; если это былъ филологъ, имѣющій намѣреніе заниматься серьезно, но незнающій, за что взяться ему, хозяинъ вводилъ его предварительно въ кабинетъ, подробно расспрашивалъ его о подготовкѣ, о намѣченной цѣли, давалъ ему совѣты, снабжалъ его книгами, знакомилъ его съ своей богатой библіотекой.

Пятница была приемным днем Буслаева не для одних студентов, и посетителей у него бывала масса: приходили кандидаты, учителя, магистранты, литераторы, какъ признанные, такъ и непризнанные; трудно понять даже, какъ все они умѣщались въ небольшой квартирѣ Федора Ивановича. Пока еще не все студенты были устроены за работой, Федоръ Ивановичъ проводилъ остальныхъ гостей въ гостиную (она же и зала) и предоставлялъ имъ занимать другъ друга, самъ же оставался съ нами; часовъ съ 8, когда наплывъ студентовъ прекращался, Федоръ Ивановичъ уходилъ и самъ въ гостиную, но часто возвращался къ намъ, давалъ совѣты, указанія. Папиросы домашняго приготовления и чай все время не сходили со стола. Часамъ къ 10 студенты, списывавшіе лекціи, обыкновенно расходились; студенты, особенно заинтересованные бесѣдой съ хозяиномъ и уже нѣсколько освоившіеся въ домѣ, переходили въ гостиную. Въ началѣ 11-го часа на томъ же кругломъ столѣ, гдѣ прежде работали студенты, ставилась скромная закуска, къ которой, за недостаткомъ мѣста, все приступали стоя.

Скоро наши набѣги на квартиру Буслаева уже не ограничивались однѣми пятницами: въ виду невозможности оканчивать намъ наши работы въ 2—3 часа въ недѣлю, а вѣрнѣе въ виду того, что мы не успѣвали наговориться съ хозяиномъ, которого отвлекали другіе гости, онъ самъ предложилъ намъ приходиться по вторникамъ вечеромъ, предупредивъ насъ, что его круглый столъ и библіотека къ нашимъ услугамъ, а самъ онъ будетъ занятъ приготовленіемъ лекціи на среду. Такъ это и было; но въ 10-мъ часу Федоръ Ивановичъ оканчивалъ работу и выходилъ къ намъ посмотреть, что мы сдѣлали, и поболтать *полчасика*. Эти полчасика нерѣдко растягивались часовъ до 11, и здѣсь-то рѣчь профессора, окруженнаго исключительно его духовными дѣтьми и возбуждаемаго ихъ юношески горячими запросами и задорными возраженіями, лилась особенно свободно и вдохновенно.

И этимъ дѣло не ограничилось: не помню, въ этомъ году или въ слѣдующемъ, Буслаевъ предложилъ намъ слушать у него на дому, по воскресеньямъ утромъ, курсъ исторіи русскаго языка по памятникамъ. Мы приходили часовъ въ 10-ть; онъ раздавалъ намъ

рукописи и книги для подготовительной работы, а въ 12-ть часовъ начиналась его лекція въ формѣ бесѣды. Здѣсь опять-таки былъ случай поговорить съ Ѡ. И.; только эти воскресные разговоры носили исключительно дѣловой, ученый характеръ.

Понятно, что при такихъ частыхъ сношеніяхъ съ нами, Бу-слаевъ зналъ насъ прекрасно и легко могъ отличать изъ насъ тѣхъ, кто выказывалъ охоту и нѣкоторыя способности къ наукѣ. Добръ и ласковъ онъ былъ ко всѣмъ студентамъ, но за такихъ онъ стоялъ горой во всѣхъ перипетіяхъ нашей студенческой жизни: пускалъ въ ходъ всѣ свои связи, если студентъ попадалъ въ какую-нибудь „исторію“, разумѣется, не безнравственнаго характера, и нерѣдко спасалъ всю будущность молодого человѣка (между прочими, и я на себѣ испыталъ это).

„Въ семьѣ не безъ уroda“, и въ такой обширной семьѣ, какъ студенческая, не могли не встрѣчаться аномаліи. Бу-слаевъ по добротѣ своей никого не отталкивалъ, никому никогда не сказалъ ни одного рѣзкаго слова; только въ обращеніи его съ такимъ студентомъ или чуждымъ университету посѣтителемъ пятницъ, поведеніе котораго было подозрительно — времена были бурныя, — опытный глазъ могъ подмѣтить холодность, выражавшуюся въ преувеличенной учтивости и несвойственной Бу-слаеву сдержанности. Самъ объектъ холодности, повидимому, не чувствовалъ ея; но какъ-то такъ непременно случалось, что послѣ нѣсколькихъ посѣщеній онъ самъ собою исчезалъ съ горизонта. Бу-слаевъ вовсе не старался о томъ, чтобы всѣхъ болѣе даровитыхъ студентовъ привлечь непременно къ занятію одной изъ своихъ спеціальностей; также охотно помогалъ онъ совѣтами и книгами и историкамъ, и славистамъ, и классикамъ, и почти ни одинъ изъ нихъ не миновалъ его благотворнаго вліянія.

Никогда Бу-слаевъ не замыкался передъ нами въ свое профессорское достоинство: все, что волновало студентовъ, было близко и его сердцу, хотя, конечно, на многое онъ смотрѣлъ иными глазами, чѣмъ мы. Во время большой студенческой „исторіи“, которая произошла какъ разъ, когда мы были на 1-мъ курсѣ, многіе профессора избѣгали всякихъ сношеній съ „бунтовщиками“; Бу-слаевъ не только не прервалъ своихъ пятницъ и вторниковъ, но

велъ съ нами болѣе продолжительныя бесѣды, чѣмъ когда бы то ни было, и въ самый разгаръ „исторіи“, когда лекціи совсѣмъ прекратились, онъ явился въ Большую Словесную и со слезами въ голосъ сказалъ намъ рѣчь, въ которой, сколько помню, всячески щадя наше самолюбіе, называя насъ истинною надеждою Россіи (не по расчету, не изъ лести, а по искреннему убѣжденію), доказывалъ намъ, что отдаваясь университетской политикѣ, мы уклоняемся отъ нашего прямого дѣла — науки, и говорилъ о томъ, какъ это огорчаетъ его и всѣхъ тѣхъ, кто, дѣйствительно, любитъ насъ.

Мы проводили его аплодисментами, но въ сущности, на этотъ разъ остались недовольны имъ... Мы лучше поняли его позднѣе, когда прошелъ пылъ увлеченія, и когда мы втянулись въ работу; но вполне разъяснилъ намъ Буслаева одинъ изъ первыхъ учениковъ его по времени и безспорно первый по таланту и по ученымъ заслугамъ, въ то время уже товарищъ его по кафедрѣ и также близко стоявшій къ студентамъ — Николай Саввичъ Тихонравовъ.

Вотъ какъ это произошло.

Въ концѣ 1863 г. Буслаевъ уѣзжалъ въ командировку за границу; мы, филологи старшихъ курсовъ, столько разъ пользовавшіеся гостепріимствомъ Буслаева, въ количествѣ 20—30 чело-вѣкъ возымѣли мысль дать нашему любимому профессору обѣдъ; сообразивъ свои грошевыя средства, мы послали къ Буслаеву депутацію. Ѳ. И., хотя и сильно занятый сборами къ отъѣзду, принялъ нашъ обѣдъ, не раздумывая ни минуты и ни о чемъ не спрашивая. Уже передъ самымъ обѣдомъ мы догадались, что было бы хорошо пригласить на этотъ обѣдъ и Тихонравова. Также не раздумывая, пріѣхалъ и Н. С., ничего до тѣхъ поръ о нашемъ предпріятіи не слыхавшій, и произнесъ за обѣдомъ рѣчь. Я не могу воспроизвести ея прекрасной формы, но ясно помню ея основную мысль: Ѳедора Ивановича, — говорилъ онъ, — мы всѣ должны цѣнить, любить и уважать не только какъ знаменитаго ученаго, автора Исторической грамматики, Очерковъ и т. д. и т. д., не только какъ прекраснаго лектора и профессора-руководителя, но и какъ *вѣчнаго студента* въ лучшемъ и истинномъ значеніи этого

слова. Вотъ и теперь: ему уже 45 лѣтъ; онъ уже столько сдѣлалъ и такъ высоко поставленъ; могъ бы онъ успокоиться на лаврахъ. Нѣтъ, онъ ѣдетъ за границу и ѣдетъ не для того, чтобы отдохнуть и наслаждаться жизнью, а для того, чтобы снова сѣсть на студенческую скамью и снова учиться, а потомъ по возвращеніи учить насъ и опять-таки работать. И такъ будетъ всегда, пока есть свѣтъ въ глазахъ его.

Послѣдующее доказало, какъ хорошо зналъ Тихонравовъ своего учителя.

Вышимъ благодареніемъ судьбы моей считаю я тѣ обстоятельства, которыя поставили меня въ очень близкія отношенія къ Буслаеву (прошу извиненія, что при изложеніи ихъ я принужденъ говорить и объ объектѣ его рѣдкой доброты, т. е. о самомъ себѣ). Уже съ 6-го класса гимназіи я вмѣстѣ съ матерью жилъ, главнымъ образомъ, уроками; когда я былъ въ послѣднемъ классѣ, ихъ было у меня болѣе чѣмъ достаточно; то же продолжалось и во всю вакацію передъ первымъ курсомъ, но въ августѣ уроки прекратились, а новыхъ не было: гимназическіе учителя и начальство, до тѣхъ поръ рекомендовавшіе меня, естественно, меня забыли. Въ срединѣ сентября я рѣшился, какъ ни казалось это неловко мнѣ, ничѣмъ еще себя не зарекомендовавшему, обратиться съ стереотипной просьбой къ Буслаеву, — не будетъ ли уроковъ и другихъ занятій. Буслаевъ очень любезно обѣщалъ похлопотать и записалъ мой адресъ. Черезъ двѣ-три недѣли я, возвратившись изъ университета, нашель у себя записочку его руки, съ приглашеніемъ зайти къ нему для переговоровъ по дѣлу. Оказалось, что онъ самъ во время прогулки занесъ ее ко мнѣ. Я, конечно, не замедлилъ отправиться и получилъ отъ него рекомендательное письмо и адресъ одного довольно богатаго семейства, гдѣ понадобился репетиторъ къ 2-мъ мальчикамъ, на очень выгодныхъ для студента условіяхъ. Мнѣ удалось оправдать рекомендацію Буслаева; этотъ урокъ сохранялся у меня всѣ четыре года, а черезъ него я получилъ и цѣлый рядъ другихъ, такъ что черезъ два года могъ уже считать себя довольно опытнымъ домашнимъ учителемъ, преимущественно по латинскому языку. Буслаевъ, конечно, зналъ о моихъ педагогическихъ успѣхахъ, и когда я былъ

уже на 3-мъ курсѣ, сдѣлалъ мнѣ предложеніе, пріятнѣе котораго я, безъ сомнѣнія, не получалъ во всю мою жизнь — давать уроки латинскаго языка его единственному сыну, очень симпатичному мальчику лѣтъ 13-ти. Я, конечно, съ величайшей радостью взялся бы давать эти уроки даромъ, чтобы имѣть возможность лишній разъ поговорить съ Буслаевымъ, но объ этомъ нечего было и думать: очень категорически Буслаевъ назначилъ мнѣ вознагражденіе, которое я получалъ только на самыхъ выгодныхъ урокахъ. Такимъ образомъ, я вошелъ въ постоянныя близкія отношенія со своимъ любимымъ профессоромъ и могъ, сколько угодно, пользоваться его совѣтами и его библіотекой. Къ сожалѣнію, я былъ слишкомъ молодъ и плохо подготовленъ, чтобы извлечь изъ этой счастливой случайности надлежащую пользу: пристрастившись къ западно-европейской, преимущественно средневѣковой поэзіи, я только ею одною и занимался; но громадными палеографическими свѣдѣніями Буслаева я совсѣмъ не сумѣлъ воспользоваться, точно такъ же, какъ и его горячія внушенія заняться исторіей средневѣковаго искусства пропали для меня (и для всѣхъ моихъ товарищей, кромѣ Кондакова) совершенно даромъ. И какъ я потомъ жалѣлъ объ этомъ! Однакоже, близкое общеніе съ такимъ выдающимся ученымъ и профессоромъ не могло не оказать на меня сильнаго и благотворнаго вліянія и, что важнѣе всего, ввело меня, такъ сказать, въ лабораторію его высокополезныхъ работъ. Эта лабораторія была доступна мнѣ круглый годъ, такъ какъ уроки сыну Буслаева не прерывались и на лѣтніе мѣсяцы.

Буслаевъ много лѣтъ подъ рядъ жилъ на дачѣ въ Кунцевѣ, близъ Москвы, въ небольшомъ, но довольно удобномъ домикѣ священника, съ террасой и садикомъ. Лѣто Буслаевъ, естественно, считалъ временемъ отдыха, когда онъ долженъ былъ набраться силъ для зимнихъ работъ. Вотъ какъ отдыхалъ онъ. Вставалъ онъ въ 8-мъ часу, пилъ свой кофе и гулялъ съ сигарой по садику до 9 часовъ. Потомъ садился за работу, цѣлью которой обыкновенно было подготовленіе курса на зиму. Онъ намѣчалъ его задолго впередъ, и къ лѣту всѣ нужныя ему книги были уже имъ выписаны и даже переплетены болѣе или менѣе изящно, смотря по своему значенію. Буслаевъ очень не любилъ работать

по чужимъ книгамъ и прибѣгалъ къ университетской библіотекѣ, по возможности, рѣже; въ этомъ случаѣ онъ писалъ подробный конспектъ съ большими выписками, изъ иностранной книги—прямо въ прекрасномъ русскомъ переводѣ. Если же, что бывало гораздо чаще, онъ имѣлъ дѣло съ своей книгой, онъ писалъ на отдѣльномъ листочкѣ конспектъ очень коротенькій (съ обозначеніемъ страницъ, гдѣ что найти) и, кромѣ того, на поляхъ книги отчеркивалъ мягкимъ карандашомъ, ставилъ NV и вопросительные знаки и дѣлалъ коротенькія замѣтки иногда съ цитатами. Вся эта подготовительная работа носила явный, даже и для неопытнаго глаза, отпечатокъ огромной опытности и солидности, особенно удивительный въ такомъ подвижномъ и впечатлительномъ человѣкѣ, какимъ былъ и въ то время Буслаевъ. Живой, какъ ртуть, онъ точно преобразался, когда садился за работу: всякая минута шла на существенное дѣло; все дѣлалось медленно, но вѣрно, и никогда не передѣлывалось вторично. Положимъ, онъ собирается въ будущемъ году читать о средневѣковомъ эпосѣ и въ томъ числѣ посвятить нѣсколько лекцій испанской поэмѣ о Сидѣ. Для этого онъ беретъ на лѣто *одно* (зато лучшее) изданіе поэмы (въ то время Дамасъ Гинара) и прежде всего внимательно изучаетъ текстъ, подыскивая къ нему параллели изъ былинь и западныхъ національныхъ поэмъ. Затѣмъ онъ читаетъ одно, много два пособія (опять-таки лучшія), но читаетъ ихъ такъ, что каждый интересный фактъ, каждая здравая мысль изъ нихъ становились его неотъемлемою собственностью. Вотъ и все; это стоило много времени, дало какъ будто немного, а въ результатѣ 5—6 прекрасныхъ лекцій о Сидѣ и небольшое, но цѣнное изслѣдованіе, до сихъ поръ остающееся единственнымъ; кромѣ того, сама древняя поэма навсегда осталась въ памяти Буслаева, какъ цѣнный матеріалъ для сравненія.

Такъ работалъ Буслаевъ до 2-хъ часовъ, затѣмъ шелъ гулять въ паркъ, въ 3 обѣдалъ, а въ 5-мъ опять принимался за работу, но болѣе уже легкую: за чтеніе непременно уже своихъ книгъ, не нуждающихся въ конспектѣ. Послѣ чаю, часовъ въ семь онъ шелъ гулять съ женою и съ гостями, если таковые случались, а отъ 8—10 опять читалъ, но что-нибудь уже совсѣмъ легкое и

преимущественно по-русски. Такъ какъ лѣто для Буслаева считалось временемъ *отдыха*, то онъ охранялъ отъ посѣтителей только предобѣденные часы, а въ остальной день очень охотно принималъ гостей и „болтался“, какъ называлъ онъ; самъ же, какъ и зимою, ходилъ въ гости почти исключительно въ воскресенье утромъ, да и то въ случаяхъ крайней необходимости; чаще же всего онъ освобождалъ себя отъ приглашеній московскихъ баръ и негоціантовъ и даже визитовъ къ нимъ откровеннымъ объясненіемъ:

— Вы меня извините, но мы, профессора, должны очень много работать; сидимъ дома и отвыкаемъ отъ посѣщенія общества. Я очень радъ, если ко мнѣ приходитъ хорошій человѣкъ посидѣть и потолковать; но самъ я ужасно неподвиженъ; собраться куда-нибудь въ гости для меня цѣлая исторія: я и въ этотъ день не буду въ состояніи заниматься, да и на другой день буду какъ разбитый. Вы ужъ меня освободите, пожалуйста.

И, говоря это, онъ такъ ласково и такъ просительно смотрѣлъ въ глаза гостю, что самые щепетильные люди посѣщали его десятки разъ, не ожидая его визита. Въ результатъ такого лѣтняго *отдыха* за три лѣтніе мѣсяца получалось изученіе 15—20 обширныхъ сочиненій и нѣсколькихъ памятниковъ.

Къ 1-му сентября Буслаевъ переѣзжалъ въ городъ, и тогда начиналась работа *серьезная*, т. е. работа по семи—восемь часовъ въ день, почти всегда съ перомъ въ рукахъ, не прерываемая никакими случайностями. До крайности деликатный, терпѣливый и гуманный, Буслаевъ въ одномъ этомъ пунктѣ былъ безжалостенъ и къ себѣ и къ другимъ: времени приготовления къ лекціямъ онъ не отдавалъ никому и ни за что. Посѣтителей-гостей просто таки не принимали и просили пожаловать въ пятницу. Пріатели (т. е. немногіе товарищи и бывшіе его ученики) могли приходиться къ вечернему чаю и пользоваться обществомъ Буслаева на полчаса, на часъ. Если же кто сидѣлъ долѣе, Буслаевъ безъ церемоніи предоставлялъ его супругѣ и затворялся въ кабинетъ. Если же кто-нибудь желалъ видѣть Буслаева по важному и неотложному дѣлу, Буслаевъ принималъ его, выслушивалъ и давалъ отвѣтъ, если таковой былъ готовъ (въ противномъ случаѣ просилъ срокъ на

обдумыванье) и не гналъ, конечно, посѣтителя, но по откровенности и живости своей натуры не могъ не показать, что время для него слишкомъ дорого.

Только одни букинисты, приносившіе Буслаеву на продажу рукописи, имѣли къ нему доступъ почти во всякое время.

— Тутъ, — говорилъ онъ, — минуту упускать нельзя: откажешь ему, а онъ и продастъ старообрядцу такую драгоценность, что потомъ будешь отъ досады грызть ногти.

Приготовленіе лекціи требовало такой усиленной работы не столько потому, что въ 60-хъ годахъ, какъ я говорилъ прежде, Буслаевъ писалъ всю лекцію цѣликомъ, сколько потому, что каждый отдѣлъ его курса составлялъ совершенно законченную научную работу, въ которой весь важнѣйшій матеріалъ былъ исчерпанъ до дна, всякая мысль была строго обдумана и проверена. Оттого-то курсы его и имѣли такое огромное воспитательное значеніе. Позднѣе, въ концѣ 70-хъ годовъ, судя по воспоминаніямъ, уже появившимся въ печати*), Буслаевъ не писалъ лекцій, отчего форма ихъ была, безъ сомнѣнія, болѣе шероховата и болѣе жива; но содержаніе ихъ было такъ же оригинально и строго научно, и стоили онѣ ему, я увѣренъ, немного меньше времени и готовились также въ два приема: лѣтомъ или на праздникахъ, когда онъ набиралъ матеріалъ, и непосредственно передъ днемъ лекціи, когда этотъ матеріалъ приводился въ стройный порядокъ.

Возвращаюсь къ личнымъ воспоминаніямъ. И въ 60-хъ годахъ, въ полномъ цвѣтѣ мужества, Буслаевъ очень заботился о томъ, чтобы не переутомить себя и черезъ то не лишиться возможности правильно вести свой курсъ (несмотря на неособенно крѣпкое здоровье и осторожность едва ли онъ въ 4 года пропустилъ у насъ болѣе 4-хъ лекцій); во время самой горячей работы онъ распредѣлялъ свое время такъ, что каждый день и пользовался воздухомъ, и отдыхалъ часа по полтора за легкимъ чтеніемъ и, помимо своихъ пятницъ, разъ пять-шесть въ годъ сходилъ съ самыми близкими людьми (преимущественно съ Тихо-нравовымъ и извѣстнымъ библиографомъ Викторовымъ), чтобы про-

*) Я разумѣю прекрасно и тепло написанную статью А. А. Танкова въ «Ист. Вѣстн.» 1897 г., сентябрь, стр. 837—852.

болтать цѣлый вечеръ и отпраздновать веселымъ ужиномъ окончаніе работы или особенно счастливое рукописное пріобрѣтеніе.

Въ 1865 г. мы окончили курсъ, и я, поощряемый Буслаевымъ, изъявилъ твердое намѣреніе заняться исторіей всеобщей литературы.

Очень характернымъ считаю я такой фактъ, имѣвшій мѣсто именно лѣтомъ 1865 года. Я зналъ только два новыхъ языка, французскій и нѣмецкій; теперь же мнѣ предстояла необходимость немедленно расширить кругъ своего чтенія и заняться языками или итальянскимъ или англійскимъ; но какимъ изъ нихъ? Я рѣшился посоветоваться съ Буслаевымъ. Объ Италиіи Ѳ. И. никогда не уставалъ говорить съ нами въ свободное время; зналъ онъ по-итальянски прекрасно, и на полкахъ его библіотеки мы видѣли сотни, если не тысячи, итальянскихъ книгъ; а по-англійски онъ не читалъ, никогда не высказывалъ объ этомъ сожалѣнія, да и къ англичанамъ вообще относился съ нѣкоторой антипатіей. Обращаясь къ Ѳ. И. за совѣтомъ, я былъ убѣжденъ, что онъ выскажется въ пользу итальянскаго.

Къ немалому моему удивленію, онъ, подумавъ немного, сказалъ мнѣ:

— Непремѣнно начинайте съ англійскаго: итальянскій очень легокъ и отъ васъ не уйдетъ, да и я вамъ могу помочь. Англичане же работаютъ прекрасно; а вамъ, специалисту по всеобщей литературѣ, какъ же можно обойтись безъ чтенія Шекспира въ подлинникѣ?

Вообще Буслаевъ былъ совершенно свободенъ отъ той слабости, которой страдаютъ едва ли не поголовно даже лучшіе изъ ученыхъ — отъ страсти оказывать нравственное давленіе на младшихъ, вліять больше, нежели это необходимо. Какъ живой, увлекающійся человекъ, онъ не могъ не говорить съ нами о томъ, что занимало его въ настоящую минуту; но какъ человекъ до идеальности справедливый и терпимый, онъ вовсе не требовалъ, чтобы его ученики увлекались тѣмъ же, чѣмъ онъ, и не приспособляясь искусственно, что не могло бы не почувствоваться, съ большимъ интересомъ слушалъ, когда юноша рассказывалъ ему о своихъ занятіяхъ въ области, ему, Буслаеву, совсѣмъ чуждой;

мало того, онъ умѣлъ своими вопросами, конечно, тоже непридуманными, а вполне естественными, навести собесѣдника на рядъ оригинальныхъ соображеній, указать ему новые пути, расширить его задачи.

Прочтя, по указанію Буслаева, съ конспектомъ три-четыре большихъ курса и пять-шесть крупныхъ монографій, я по его же рекомендаціи сталъ выбирать себѣ тему, чтобы поработать самостоятельно. Къ сожалѣнію я, по свойственному молодости самомнѣнію и по нежеланію трудиться надъ языкомъ памятника, не выбралъ ничего изъ того, на что мнѣ указывалъ Буслаевъ, а остановился на нѣмецкомъ возрожденіи и именно на такъ называемыхъ „Письмахъ темныхъ людей“ и просидѣлъ надъ ними больше года.

Ни однимъ звукомъ не упрекнулъ меня Буслаевъ за такой странный выборъ, помогалъ мнѣ своими указаніями и книгами, и когда я съ юношескимъ бахвальствомъ ораторствовалъ объ этихъ „Письмахъ“ и о своихъ по поводу ихъ соображеніяхъ, не только терпѣливо меня выслушивалъ и выспрашивалъ, но и, какъ бы гордясь мною, представлялъ меня знакомымъ, говоря:

— Нашъ молодой кандидатъ, занимается эпохой возрожденія въ Германіи, „Письмами темныхъ людей“; очень интересная будетъ работа.

Не ручаюсь за то, чтобы въ этихъ похвалахъ не было крупницы благодушной ироніи; но смѣло утверждаю, что въ нихъ не было ни капли недовольства мной, хотя я его и заслуживалъ. Черезъ три-четыре года я готовъ былъ негодовать на Буслаева, отчего онъ строгимъ приказомъ не остановилъ меня отъ мало-производительной работы и не направилъ на болѣе необходимую. Но позднѣе, когда и черезъ мои руки прошло не мало молодыхъ людей, и я могъ отнестись объективно къ своему прошлому, я убѣдился, что способъ дѣйствія Буслаева былъ и самый гуманный и самый цѣлесообразный.

Дѣло въ томъ, что въ то время въ столицѣ каждый изъ насъ, бѣдняковъ, какой бы страстью къ наукѣ ни пылалъ во время студенчества, по окончаніи курса оказывался на геркулесовомъ распутьѣ. Получивъ уроки въ гимназіи, а тѣмъ болѣе написавъ

двѣ-три педагогическихъ статейки, мы, въ виду всеобщаго вниманія и уваженія, которымъ пользовалась въ тѣ блаженныя времена педагогія, становились сразу *особами*, у которыхъ и денегъ въ изобиліи и почету сколько угодно. Пять-шесть лѣтъ болѣе или менѣе усердной работы, при порядочныхъ отношеніяхъ съ начальствомъ, и всякій изъ насъ могъ имѣть надежду, почти увѣренность быть на пути къ управленію цѣлымъ учебнымъ заведеніемъ. А кто не призналъ бы интереса и важности такого дѣла?

Вотъ отчего изъ 10 молодыхъ кандидатовъ, имѣвшихъ самое твердое намѣреніе работать надъ наукой, въ то время едва ли одинъ осуществлялъ его. Буслаевъ зналъ это и берегъ всѣми силами тѣхъ изъ насъ, въ комъ замѣчалъ хоть нѣкоторую способность сопротивляться обстоятельствамъ. Онъ предчувствовалъ, что этотъ культъ педагогіи недолго продержится въ нашемъ обществѣ, и что служебная рутинна скоро войдетъ въ свои прежнія права.

Если бъ Буслаевъ засадилъ меня за изученіе старонѣмецкихъ текстовъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что я сбѣжалъ бы отъ него и отъ науки въ цехъ присяжныхъ педагоговъ и, можетъ-быть, черезъ нѣсколько лѣтъ читалъ бы только учебники и циркуляры. Добрый и умный учитель находилъ, что мнѣ лучше заниматься хоть чѣмъ-нибудь, только бы не отставать отъ работы: потомъ, молъ, самъ поумнѣетъ и возьметъ за настоящее дѣло.

Нелегко было Буслаеву довести меня до магистерскаго экзамена: цѣлые 4 года продолжались мои колебанія, и еслибъ не неизмѣнная доброта, съ которой встрѣчалъ меня мой руководитель послѣ моихъ продолжительныхъ исчезновеній, и не настойчивость, съ которой онъ видрялъ въ насъ свое въ высшей степени опредѣленное міровоззрѣніе, неуклонно проводимое имъ въ его собственной жизни, мнѣ никогда не бесѣдовать бы съ вами съ этой кафедрой. Я попытаюсь хоть приблизительно формулировать основы этого міровоззрѣнія.

Все, что есть и даже все, что было дурного въ Россіи, имѣетъ источникомъ нашу отсталость, наше невѣжество, обусловленное не какими-либо недостатками нашего народа, а главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ слишкомъ поздно вышелъ на арену европейской исторіи. Съ этимъ зломъ призваны бороться мы, университетскіе люди, и должны бороться неустанно, всѣми силами. Главное орудіе въ

этой борьбѣ — наука. Энергичная работа надъ наукой у насъ самое святое и великое дѣло, и въ то же время это самое полное счастье для того, кто отдается ему всецѣло, но, конечно, не до иссушенія мозга и не до забвенія своихъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ. Да гуманныя науки, по самой природѣ своей, и не могутъ довести здороваго человѣка до такой односторонности, такъ какъ вмѣстѣ съ любовью къ истинѣ онѣ развиваютъ и дѣятельную любовь къ добру и способность наслаждаться прекраснымъ. Основная задача этихъ наукъ — изученіе человѣка, не отвлеченнаго человѣка внѣ пространства и времени, какого никогда и на свѣтѣ не было, а человѣка живого, со всеми условіями его жизни въ средѣ ему подобныхъ, иначе сказать, *изученіе народностей*. Изученіе это всецѣло должно опираться на фактахъ, а не на домыслахъ; но факты важны не сами по себѣ, а по тѣмъ выводамъ, которые изъ нихъ извлекаются. Эти общіе выводы необходимо должны воспитывать въ русскомъ обществѣ и уваженіе и энергичную любовь къ народу, основанную не на беспочвенномъ и мечтательномъ прекраснодушіи, а на непосредственномъ знакомствѣ съ прошлымъ и настоящимъ народа, съ его художественными и нравственными идеалами. Тому, кто призванъ къ этому великому дѣлу, уклоняться отъ него по лѣни, по страсти къ удовольствіямъ или по увлеченію чѣмъ либо постороннимъ, и грѣшно и стыдно.

Во всемъ безъ исключенія Буслаевъ былъ вѣренъ этой программѣ, начиная отъ самаго существеннаго — безустанной, ничѣмъ, никогда (кромѣ болѣзни) непрерываемой работы на пользу русской науки и студентовъ, и до подробностей и частныхъ. Званіе профессора онъ считалъ высшимъ, какое только есть на свѣтѣ, достойнымъ всеобщаго уваженія, почти поклоненія всѣхъ истинно культурныхъ людей, но въ то же время возлагающимъ на своего носителя тяжелыя обязанности: профессоръ долженъ быть не только трудолюбивымъ ученымъ, но и безупречнымъ человѣкомъ, живымъ образцомъ во всемъ и для всѣхъ.

Профессоръ развратный или жадный къ деньгамъ былъ для Буслаева такъ же непонятенъ, какъ и профессоръ-политикъ или профессоръ-карьеристъ и чиновникъ. Самъ Буслаевъ не принималъ на себя никакихъ административныхъ должностей ни по уни-

верситету ни видъ его и удивлялся, какъ другіе могутъ стремиться къ нимъ.

— Вѣрно, усталъ работать, — говорилъ онъ о такомъ товарищѣ.

— Да вѣдь и тамъ работа и очень тяжелая, — возражали ему.

— Положимъ такъ; да вѣдь это работа не профессорская.

Онъ отказывался понимать и увлеченіе борьбою университетскихъ партій и вообще внутренней политикой. — Не профессорское это дѣло, — говорилъ онъ.

Оттого и товарищи, преклонявшіеся предъ его учеными и преподавательскими заслугами и выбаллотировавшие его на пятилѣтіе одними бѣлыми шарами, невысоко оставили его какъ совѣтскаго дѣятеля, а онъ, слыша объ этомъ, только радовался: „Да и въ самомъ дѣлѣ, говорилъ онъ: какой я дѣлецъ? Я *только* профессоръ и ученый!

Уклоняясь отъ партій и отъ администраціи, Буслаевъ не отказывался принимать на себя бесплатныя должности, сопряженныя съ немалымъ трудомъ, но трудомъ, по характеру *профессорскимъ*.

Такъ, на моихъ глазахъ, не говоря уже о должности секретаря Общества любителей древне-русскаго искусства, которое онъ и создалъ и поддерживалъ неустанной работой, Буслаевъ много лѣтъ состоялъ инспекторомъ по учебной части въ одномъ институтѣ (для бѣдныхъ дѣвушекъ) и, какъ таковой, не только искалъ туда учителей и направлялъ ихъ, но и самъ занимался съ старшимъ классомъ по вечерамъ исторіей искусства и привозилъ институтокъ къ себѣ по пятницамъ и, какъ человѣкъ живой и увлекающійся, одно время такъ много говорилъ и думалъ о своихъ „дѣвицахъ“, что мы стали его ревновать къ нимъ.

Но и въ дѣлахъ, не имѣющихъ отношенія къ наукѣ, въ такъ наз. *добрыхъ дѣлахъ*, Буслаевъ никогда не ограничивался формальнымъ, внѣшнимъ благодѣяніемъ, и къ своему трудовому рублю всегда прилагалъ и сердечное участіе и новый трудъ.

Я помню одинъ очень характерный случай еще отъ времени моего студенчества. Былъ у насъ одинъ вольный слушатель Г.; человѣкъ уже въ лѣтахъ и семейный. Онъ окончилъ курсъ въ семинаріи, занялся серьезно еврейскимъ языкомъ и состоялъ его преподавателемъ гдѣ-то на югѣ. Кто-то изъ лицъ, заботившихся

объ интересахъ Московскаго университета, подсмотрѣлъ его тамъ, рѣшилъ сдѣлать изъ него лектора еврейскаго языка и выхлопоталъ для него императорскую стипендію въ 400 рублей съ тѣмъ, чтобы онъ въ два года приготовился къ экзамену на кандидата. Г. занимался усердно, но часто болѣлъ и въ такой короткій срокъ приготовиться не успѣлъ, вслѣдствіе чего и оказался съ женой и двумя дѣтьми безъ копейки денегъ, въ нетопленной и неоплаченной квартирѣ. Кто-то изъ нашихъ семинаристовъ узналъ объ этомъ и доложилъ курсу. Стали мы собирать деньги другъ съ друга и набрали всего 15—20 рублей. Когда мы были заняты горячимъ совѣщаніемъ, откуда добыть еще денегъ, входитъ инспекторъ И. И. Красовскій и спрашиваетъ:

— О чемъ вы, гг. филологи, шумите?

— Да вотъ, Иванъ Ивановичъ, какое дѣло... — и мы рассказали ему о положеніи Г. и о жалкомъ результатѣ нашего коллекта.

— Позвольте и мнѣ, гг., участвовать, — предложилъ И. И. и протянулъ бумажку въ 3 или 5 рублей.

Мы переглянулись и приняли съ благодарностью.

Принявъ въ число вкладчиковъ инспектора, мы сочли себя даже не въ правѣ не обратиться къ нашимъ профессорамъ. Мы приступили къ дѣлу немедленно, и результатъ оказался блестящій: ни одинъ изъ профессоровъ не отказался и не выказалъ недовольства. При этомъ случаѣ не могли не выразиться наклонности и характеръ каждаго изъ нашихъ наставниковъ. Философъ Юркевичъ, къ которому мы подошли немедленно послѣ лекцій, долго не понималъ, чего мы отъ него хотимъ — до того уносился онъ за облака во время своихъ чтеній; когда понялъ, то ужасно обрадовался, что дѣло такъ просто, изъявилъ полную готовность участвовать, но смутилъ насъ вопросомъ: сколько онъ долженъ дать?

Историкъ и нашъ деканъ С. М. Соловьевъ молча выслушалъ нашихъ депутатовъ, строго посмотрѣлъ на нихъ, взялъ листъ, унесъ въ профессорскую и черезъ полминуты вынесъ его съ записью и вложеніемъ приличной суммы.

Тихонравовъ (тогда еще адъюнктъ) внимательно и съ участіемъ разспросилъ насъ, записалъ адресъ Г., обѣщалъ похлопотать

насчетъ работы для него, записалъ и вложилъ столько же, сколько и Соловьевъ.

Не безъ страху обратились мы къ П. М. Леонтьеву; онъ внимательно насъ выслушалъ, подробно и даже какъ будто подозрительно расспросилъ, сколько разъ и чѣмъ именно болѣлъ Г., отчего онъ не приготовился хоть къ половинѣ экзаменовъ (такъ что мы стали себя чувствовать какъ бы виноватыми), подумалъ, взялъ нашъ листъ и вернулъ его съ суммой вдвое большей, чѣмъ дали Соловьевъ и Тихонравовъ и съ подписью: *отъ неизвестнаго*.

Легко было у насъ на душѣ, когда мы съ тѣмъ же листомъ подошли къ Буслаеву: знали, что отказа или строгости не встрѣтимъ. Но Буслаевъ превзошелъ всѣ наши ожиданія.

— Хорошо, господа, я, конечно, дамъ съ удовольствіемъ; приличная сумма необходима, чтобы заплатить за квартиру, снабдить Г—хъ дровами и платьемъ и пр.; но если болѣзнь Г. продолжится, чѣмъ же потомъ-то онъ и семья жить будутъ? Не лучше ли намъ назначить ежемѣсячный взносъ, пока Г. поправится и дѣла его устроятся?

Мы чуть не бросились на шею доброму и догадливому нашему профессору.

Эстетическому развитію Буслаевъ придавалъ очень важное значеніе, и способность наслаждаться прекраснымъ развивалъ въ себѣ и въ окружающихъ всѣми мѣрами. Въ немъ самомъ все было просто, но красиво, начиная съ его манеръ *) и одежды. Всякая фраза его, о чемъ бы ни писалъ онъ, была граціозна и гармонична. Чутье къ красотѣ слова было у него развито до такой степени, что иногда онъ приходилъ въ восхищеніе даже отъ хорошаго выраженія невѣрной мысли: „Это вздоръ, нелѣпость,

*) Проведя нѣсколько лѣтъ въ качествѣ учителя въ аристократическихъ домахъ старой Москвы, и по своей эстетической натурѣ сочувствуя красотѣ формы, Буслаевъ былъ очень требователенъ въ этомъ отношеніи къ себѣ и благодушно, но настойчиво муштровалъ тѣхъ изъ насъ, кто выказывалъ нѣкоторую склонность къ этой виѣшной культурѣ. Но если между лучшими его учениками или младшими товарищами по наукѣ оказывался человекъ съ манерами ужасающими и неисправимыми, Буслаевъ быстро мирился съ этимъ маленькимъ зломъ и кротко выговаривалъ тѣмъ, кто подсмѣивался надъ семинарской неуклюжестью хорошаго человека и ученаго.

говорилъ онъ бывало: но смотрите, какъ хорошо сказано!“ И онъ по пяти разъ повторялъ мѣткую фразу.

Онъ совсѣмъ не былъ музыкантомъ, но сильно любилъ музыку: цѣлыми годами его единственными выѣздами по вечерамъ были выѣзды въ Большой театръ на абонементъ итальянской оперы, если таковая была въ Москвѣ не въ очень жалкомъ видѣ. Но онъ и здѣсь любилъ соединять свое удовольствіе съ пользой для другихъ: онъ абонировался на ложу и почти всякій разъ приглашалъ съ собою или кого-нибудь изъ учениковъ своихъ, кому именно недоставало эстетическаго развитія, или ученаго отшельника товарища, напримѣръ, санскритолога Петрова, который до того отвыкъ отъ толпы, что самъ по себѣ ни за что не покинулъ бы своей Плющихи.

Буслаева, такъ увлекавшагося древней иконописью, миниатюрами и вообще средневѣковымъ дорафаэлевскимъ искусствомъ, иные готовы были считать чуть не варваромъ въ живописи возрожденія и новой. Но это основано на явномъ недоразумѣніи: все истинно прекрасное въ области пластическихъ искусствъ, какъ и все *das ewig bleibende* въ области поэзіи, было равно близко художественной душѣ Буслаева. Недоразумѣніе же основано на томъ, что, желая отвлечь своихъ учениковъ и публику отъ подражательнаго и бесплоднаго эстетическаго фразерства и, главное, привлечь вниманіе къ областямъ заброшеннымъ и крайне нуждающимся въ исторической разработкѣ, онъ былъ иногда склоненъ къ тому, что не зрѣлые умы могли бы назвать парадоксомъ, и что на самомъ дѣлѣ было только вполне законнымъ протестомъ со стороны европейски образованнаго университетскаго профессора противъ нашей привычки къ огульному и некритическому восхищенію.

Такъ напримѣръ, я помню, какъ Буслаевъ поразилъ насъ, первокурсниковъ, въ одной изъ частныхъ бесѣдъ съ нами, строгимъ осужденіемъ Пушкина за его свѣтское тщеславіе и въ особенности за его дуэль. Но довольно было взять въ руки книгу Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка“ и его „Историческую грамматику“, чтобы убѣдиться, какъ онъ хорошо зналъ Пушкина и какъ высоко цѣнилъ его.

То же самое и относительно искусствъ. Буслаевъ истинный основатель русской иконографіи и превосходный знатокъ средне-вѣковаго искусства вообще; понятно, что въ своихъ ученыхъ трудахъ онъ говоритъ главнымъ образомъ о немъ. Но свое тонкое пониманіе античнаго искусства онъ выразилъ въ статьѣ: „Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь“ (Пропилеи), а искусство возрожденія и новѣйшее онъ изучалъ цѣлыми мѣсяцами во время своихъ многочисленныхъ заграничныхъ путешествій.

Я никогда не забуду того ужаса, который выразился на лицѣ О. И., когда онъ, пріѣхавъ лѣтомъ 1874 г. въ Парижъ, гдѣ я, въ то время молодой доцентъ Харьковскаго университета, прожилъ уже недѣли двѣ, на вопросъ, часто ли я бывалъ въ Луврѣ, получилъ въ отвѣтъ:

— Всего одинъ разъ, да и то почти мимоходомъ.

Увидавъ, какое дѣйствіе произвели мои слова, я поспѣшилъ прибавить:

— Да вѣдь я васъ поджидалъ, чтобы осмотрѣть все подъ вашимъ руководствомъ. — И дѣйствительно, потомъ я былъ въ Луврѣ вмѣстѣ съ нимъ и его женою разъ пять; а самъ Буслаевъ, во время этого своего сравнительно недолгаго пребыванія въ Парижѣ, провелъ передъ картинами и другими памятниками искусства въ общемъ, навѣрное, не менѣе ста часовъ.

Я позволю себѣ остановиться на этомъ одновременномъ житіи съ Буслаевымъ въ Парижѣ, такъ какъ это былъ почти единственный случай, когда я видѣлъ своего знаменитаго учителя внѣ его обычной обстановки и занятій, а извѣстно, что для уразумѣнія характера человѣка это такъ же важно, какъ и знаніе обычныхъ условій его жизни.

Я пріѣхалъ въ Парижъ (въ первый разъ въ жизни) въ срединѣ мая, съ нѣсколькими карточками нѣмецкихъ профессоровъ и поспѣшилъ явиться къ знаменитому уже и въ то время знатоку старо-французской литературы и языка — Гастону Парису и записался на лекціи въ *École des hautes études* и въ *École des chartes*, поступилъ членомъ въ *Société de linguistique* и, по возможности, ежедневно посѣщалъ Національную бібліотеку. О своемъ адресѣ (я нанялъ себѣ въ Латинскомъ кварталѣ за 45 фр. въ

мѣсяцъ комнатку въ четыре шага длиною, но съ полудюжиною зеркаль) и о началѣ своихъ занятій я успѣлъ написать Буслаеву еще въ Москву и предлагалъ ему найти для него и его супруги подобное же жилище, только ббльшаго размѣра. Недѣли черезъ три-четыре я нашель у себя карточку и записку Буслаева, извѣщавшую, что они прїѣхали и ждутъ меня, по возможности, въ тотъ же день. Конечно, я немедленно пустился въ путь и нашель Буслаевыхъ въ недорогомъ, но приличномъ отелѣ въ Елисейскихъ поляхъ. Свою комнату *Ө. И.* уже успѣлъ превратить въ рабочій кабинетъ, разложивъ книги, прїобрѣтенныя имъ по дорогѣ черезъ Германію. На мой упрекъ, почему *Ө. И.* не позволилъ мнѣ прїискать для нихъ жилище въ *моей* сторонѣ, онъ отвѣтилъ мнѣ вполне резонно:

— Вамъ слѣдовало поселиться въ Латинскомъ кварталѣ, такъ какъ вы прїѣхали сюда работать и учиться; а я прїѣхалъ отдохнуть и кое-что посмотреть. Для меня очень важенъ хорошій воздухъ и здоровый столъ. До завтрака я буду сидѣть дома или въ саду и просматривать кое-что (послѣдствія показали, что это *кое-что* было чуть не цѣлыя сотни монографій по фолькъ-лору и исторіи искусства); а между завтракомъ и обѣдомъ мы будемъ вмѣстѣ и на лекціи, и въ библіотеку ходить.

Съ чисто-юношескимъ жаромъ *Ө. И.* рассказалъ мнѣ, съ какими милыми людьми познакомился онъ проѣздомъ черезъ Германію; особенно былъ онъ въ восторгѣ отъ извѣстнаго историка литературы и фолькъ-лориста Феликса Либрехта, труды котораго онъ и прежде усиленно рекомендовалъ намъ, ученикамъ своимъ.

— Вы не можете себѣ представить, какой это симпатичный и живой старикъ! Часы, которые я провелъ съ нимъ на берегу Рейна, одни изъ лучшихъ часовъ въ моей жизни!

Я съ своей стороны рассказывалъ *Ө. И.* о своихъ парижскихъ учителяхъ, Г. Парисѣ, М. Бреалѣ и др. и объ *Société de linguistique*. Быстро воодушевившись, разумѣется, не вслѣдствіе искусства моихъ рассказовъ, а по живости своей натуры, *Ө. И.* сталъ настойчиво требовать, чтобъ я познакомилъ его и съ тѣмъ, и съ другимъ, и съ третьимъ.

На другой день утромъ, послѣ лекціи въ *Collège de France* я

подошелъ къ Гастону Парису и заявилъ ему, что въ Парижъ пріѣхалъ мой учитель, профессоръ Московскаго университета Буслаевъ, который желалъ бы съ ними познакомиться и просить позволенія побывать у него на лекціи въ *École des hautes études* (доступъ въ это высокополезное учрежденіе закрытъ постороннимъ).

— Знаменитый Буслаевъ, авторъ исторической грамматики, лучший знатокъ русской народной поэзіи и иконографіи! Ну, конечно, я буду очень радъ его видѣть. Необходимо устроить ему обѣдъ! Какая жалость, что онъ такъ поздно пріѣхалъ: сезонъ кончается; уже многіе разъѣхались. Но что нибудь мы постараемся сдѣлать. Итакъ, сегодня вы приведете его въ 4 часа въ Сорбонну?

— Если позволите.

— Непремѣнно, непременно. Жду его и васъ.

Безъ 5 минутъ въ 4 мы были съ Буслаевымъ въ небольшой залъ Сорбонны; слушателей, или, вѣрнѣй, участниковъ семинарія, у Гастона Париса было человѣкъ тридцать, въ томъ числѣ чуть не половина преподавателей провинціальныхъ коллежей и иностранныхъ университетовъ; мы всѣ уже знали другъ друга въ лицо, и потому появленіе Буслаева вызвало маленькую сенсацію. Ко мнѣ подошелъ одинъ южанинъ и тихонько спросилъ меня, кивая головой въ сторону Буслаева:

— Членъ Петербургской Академіи?

— Да, и вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ Московскаго университета — Буслаевъ.

— Слыхалъ. Какой еще молодой и красивый (Буслаеву тогда было 56 лѣтъ). — Вошелъ Г. Парисъ и сразу усмотрѣлъ Буслаева; я представилъ ихъ другъ другу. Г. Парисъ выразилъ свой восторгъ, что видитъ передъ собой знаменитаго русскаго ученаго, труды котораго ему, къ сожалѣнію, пока извѣстны больше по наслышкѣ и въ извлеченіяхъ (онъ только начиналъ учиться по-русски), но слава котораго и пр.

Признаюсь, я нѣсколько испугался, когда услышалъ, что Буслаевъ отвѣчаетъ ему по-нѣмецки. Вѣдь это былъ только 1874 г., и память о франко-прусской войнѣ была еще чрезвычайно свѣжа въ Парижѣ. Я былъ увѣренъ въ Г. Парисѣ, который самъ учился въ Германіи, но его аудиторія?

Но наружность и манеры Буслаева были до того симпатичны, что я не замѣтилъ ни одного косога взгляда.

Буслаевъ извинился, что онъ очень давно не говоритъ по-французски, а теперь только что пріѣхалъ прямо изъ Германіи, но черезъ два-три дня онъ надѣется опять привыкнуть къ языку „прекрасной Франціи“ и сказалъ нѣсколько вполне заслуженныхъ любезностей молодому филологу и его отцу, когда-то очень известному историку литературы и палеографу Полэну Парису.

Спросивъ позволенія у Буслаева, Г. Парисъ началъ лекцію. Въ *École des hautes études* нѣтъ скамеекъ, а профессоръ и слушатели сидятъ кругомъ овальнаго стола; только для профессора, приблизительно посрединѣ, поставлены кресла. Буслаевъ и не замѣтилъ, какъ ловко Г. Парисъ посадилъ его на кресла, а самъ помѣстился налѣво отъ него; потомъ въ немногихъ, но прекрасныхъ словахъ объяснилъ аудиторіи, какого гостя она имѣетъ честь принимать въ своихъ стѣнахъ, и, наконецъ, обратившись къ Буслаеву, сказалъ ему, чѣмъ будемъ мы заниматься сегодня. Это было объясненіе Жуанвиля и критика его текста.

По окончаніи лекціи, Буслаевъ поблагодарилъ Г. Париса и сдѣлалъ ему (все еще по-нѣмецки) нѣсколько вѣскихъ и тонкихъ замѣчаній по поводу прочтеннаго отрывка, которыя Г. Парисъ поспѣшилъ перевести оставшимся слушателямъ. По выходѣ съ лекціи, Парисъ пригласилъ Буслаева (а кстати и меня) на другой день обѣдать въ ресторанъ, чтобы потомъ вмѣстѣ отправиться въ *Société de linguistique* на его послѣднее въ этомъ году засѣданіе.

Въ этотъ вечеръ Буслаевъ занялся французскимъ языкомъ (почиталъ вслухъ и что-то рассказалъ себѣ) и на слѣдующій день уже говорилъ по-французски, не всегда правильно, конечно, и не совсѣмъ свободно, но мѣтко и живо, какъ и все, что онъ дѣлалъ.

Обѣдъ въ маленькомъ кабинетѣ учено-литературнаго рестораника прошелъ, для меня по крайней мѣрѣ, чрезвычайно пріятно. По врожденной гибкости и разносторонности своего ума Г. Парисъ очень подходилъ къ Буслаеву; но и помимо возраста — Парису было лѣтъ 30 съ небольшимъ — чувствовалось между ними характерная разница: на сторонѣ француза была бѣльшая прирожден-

ная цивилизація и бѣольшая строгость аналитическаго ума; на сторонѣ русскаго — бѣольше силы и творчества.

Въ небольшой залѣ амфитеатромъ, гдѣ собиралось лингвистическое общество, которая на этотъ разъ была совсѣмъ полна, Буслаеву устроили внушительную овацію. Г. Парисъ, бывшій тогда однимъ изъ вице-президентовъ, представилъ московскаго ученаго президенту — извѣстному лингвисту и миѣологу, Мишелю Бреалю (Bréal), который сказалъ рѣчь о заслугахъ Буслаева и предложилъ ему мѣсто рядомъ съ собою (отъ чего, впрочемъ, *Ө. И.* уклонился). Затѣмъ одинъ изъ вице-президентовъ предложилъ ради дорогаго гостя нарушить § устава, въ силу котораго члены предлагаются въ одномъ засѣданіи, а выбираются въ слѣдующемъ, и Буслаевъ былъ предложенъ и выбранъ *par acclamation* немедленно. Наконецъ, ради него же, чтобы слышать его компетентное мнѣніе, отложили назначенный на это засѣданіе рефератъ и вновь подвергли обсужденію вопросъ о подлинности болгарскихъ пѣсенъ Верковича. Буслаевъ вполне присоединился къ рѣшенію, уже постановленному на одномъ изъ предыдущихъ засѣданій, и привелъ нѣсколько новыхъ очень вѣскихъ аргументовъ; собраніе единогласно постановило благодарить новаго сочлена.

Послѣ засѣданія Буслаевъ, утомленный проведеннымъ днемъ, немедленно уѣхалъ домой, а я еще цѣлый часъ въ *Café Voltaire* слушалъ неліцепрїятныя похвалы уму, любезности, огромнымъ знаніямъ и скромности Буслаева и комплименты по адресу Россіи, которая имѣетъ такихъ ученыхъ. А вѣдь до *alliance franco-russe* оставалось еще чуть не 20 лѣтъ!

Къ сожалѣнію, я въ то время совсѣмъ не интересовался христіанской археологіей и исторіей искусства, которыми, съ свойственною ему энергіею, тогда занимался Буслаевъ, и мы бывали вмѣстѣ только воскресенья и праздники и изрѣдка часть утра въ Луврѣ; остальное время *Ө. И.* проводилъ или дома за работой, или въ осмотрахъ старыхъ церквей, или въ ученыхъ бесѣдахъ съ Полемъ Дюраномъ и Шарлемъ Кайе. Но и въ праздничныхъ нашихъ бесѣдахъ и прогулкахъ по Парижу я учился у Буслаева многому, а главное, видѣлъ воочию то, что дороже всѣхъ знаній на свѣтѣ, и чему, увы, нельзя выучиться — жизнерадостное миро-

созерцаніе 56-тилѣтняго профессора, въ которомъ неустанная работа надъ наукой, точно волшебствомъ какимъ, сохранила вѣчную юность. Всякая черта народной жизни, всякое проявленіе французской веселости, французскаго добродушія, все для него новое, неиспытанное (до кислаго норманскаго сидра включительно) возбуждало въ немъ почти дѣтскую радость и увлеченіе; всякій остатокъ древности, и съ другой стороны, всякое проявленіе высокой культуры, котораго въ то время не было у насъ, приводили его въ безграничное восхищеніе. Послушавъ его въ то время, со стороны можно было подумать, что онъ, если къ тому представится возможность, ни за что не вернется въ Россію и навсегда останется въ Парижѣ. А между тѣмъ, его уже и въ то время тянуло въ Италію, а черезъ годъ съ небольшимъ, еще съ большею радостью онъ переѣзжалъ русскую границу и мечталъ о своихъ будущихъ лекціяхъ.

Не могу не упомянуть о необыкновенной деликатности Буслаева по отношенію къ иностранцамъ: мало того, что онъ съ полною готовностью подчинялся всѣмъ безъ исключенія мѣстнымъ обычаямъ, какъ бы ни были они для насъ стѣснительны, и совершенно искренно хвалилъ ихъ; мало того, что онъ никогда не хотѣлъ признать, что его обсчитали или обманули (что случалось довольно часто), мало того, что онъ первый кланялся букинисту, лавочнику, у котораго покупалъ папирсы, и продавщицѣ газетъ, и спрашивалъ о здоровьѣ гарсона и швейцара гостиницы, такъ что далеко оставлялъ за флагомъ пресловутую французскую любезность; онъ даже избѣгалъ по возможности пользоваться самымъ естественнымъ своимъ правомъ — говорить по-русски при иностранцахъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія — „вѣдь имъ же обидно не понимать насъ; за что же обижать людей?“ доказывалъ онъ. Разъ, я помню, пришлось намъ въ саду его отеля завтракать на одномъ концѣ стола, когда на другомъ расположилась семья англичанъ, довольно курьезнаго вида. Я заговорилъ объ нихъ и при этомъ взглянулъ въ ихъ сторону.

— Пожалуйста, Ал. Ив., не смотрите туда: они поймутъ, что объ нихъ говорятъ; да и не называйте ихъ *англичанами*: слово слишкомъ похоже — а *островитяне*. Мы всегда съ Людмилой (имя его супруги) такъ дѣлаемъ.

Я замѣтилъ, что англичане, очень любезные у себя дома, на континентѣ едва ли заслуживаютъ такой деликатности.

— Богъ съ ними: пусть они будутъ грубы, если у нихъ такое воспитаніе или характеръ; а мы не хотимъ имъ подражать. Надо перенимать не дурное, а хорошее.

И дѣйствительно, этотъ человѣкъ, съ такимъ сильнымъ умомъ, столь независимый, столь всѣми уважаемый, до глубокой старости готовъ былъ перенимать — *учиться*, какъ онъ называлъ это — *все*, что считалъ хорошимъ, разумнымъ, гуманнымъ и культурнымъ, до самыхъ ничтожныхъ мелочей. Вотъ характерный примѣръ.

Когда послѣ обѣда гости благодарили Ѳ. И., онъ, какъ и большинство людей его лѣтъ, пожимая гостю руку, говорилъ: „*Нѣ за что*“. Какъ-то случайно я рассказалъ ему, что одинъ помѣщикъ, у котораго я еще студентомъ жилъ на урокъ, въ этомъ случаѣ своимъ гостямъ и домашнимъ говорилъ первый: „*Благодарю васъ*“. Буслаеву это ужасно понравилось, и онъ, по своему обычаю, заволновался.

— Да вѣдь это прелесть какъ хорошо! *благодарю васъ!* хозяинъ благодарить гостя! Ну, конечно, такъ и надобно! не за провизію же благодарить слѣдуетъ, а за общество, за честь. Какъ, какъ онъ это дѣлалъ? Ну-ка встаньте, покажите мнѣ! Очень, очень хорошо. Спасибо вамъ: вы *научили* меня.

И съ тѣхъ поръ Ѳ. И. такъ и дѣлалъ, и много разъ смущалъ меня, рассказывая, будто я его этому научилъ.

Вообще болѣе деликатнаго и болѣе гуманнаго человѣка, мнѣ кажется, и свѣтъ не производилъ.

Обыкновенно люди, въ такой степени охраняющіе чужое самолюбіе, и сами требуютъ къ себѣ вниманія и деликатности. Былъ въ этомъ отношеніи отъ природы чувствителенъ и Буслаевъ. Но безконечная его доброта и терпимость дѣлали его будто недоступнымъ для оскорбленій, лишали его способности сердиться на людей. Если кто-нибудь дѣлалъ ему непріятности по грубости своей натуры, по недостатку благовоспитанности, Буслаевъ за глаза благодушно смѣялся надъ нимъ и, по возможности, избѣгалъ близкихъ съ нимъ сношеній. Если кто расходился съ нимъ во мнѣніяхъ и при этомъ назойливо искалъ случая поспорить съ нимъ и по-

ссориться, Буслаевъ отъ спора не уклонялся, велъ его горячо и убѣжденно, но когда противникъ раздражался и переходилъ на личности, Буслаевъ пытался обезоружить его добротой своей, взывалъ къ его чувству деликатности, а если это не помогало, говорилъ ему:

— Ну, какъ хотите, такъ и думайте; а если хотите браниться, я вамъ отвѣчать не буду: я не умѣю и учиться этому не желаю.— И онъ уходилъ огорченный, но не надолго; черезъ нѣсколько дней онъ забывалъ свою „ссору“ и разговаривалъ съ бывшимъ противникомъ, *если тотъ былъ человекъ того стоящій*, попрежнему, дружески; а въ противномъ случаѣ, или вовсе избѣгалъ его, или обращался съ нимъ съ изысканною учтивостью, но съ отѣнкомъ нѣкоторой, замѣтной только глазу близкаго человека, гадливостью.

Ученики Буслаева даже изъ болѣе близкихъ и сотни разъ пользовавшихся его гостепріимствомъ и книгами, вскорѣ по окончаніи курса, въ большинствѣ случаевъ какъ будто забывали его и, даже живя въ Москвѣ или пріѣзжая туда довольно часто, къ нему не заглядывали. Это происходило отъ разныхъ причинъ, большею частію не приносившихъ имъ особаго безчестья: адвокаты, разные судебные и административные чины, помѣщики, директора гимназій и пр. жили, естественно, настоящимъ, а не далекимъ прошлымъ, и полагали (не совсѣмъ справедливо, какъ я сейчасъ скажу), что Буслаеву ихъ настоящее будетъ нисколько не интересно; учителя отчасти какъ бы совѣстились, что не исполнили тѣхъ надеждъ, какія возлагалъ на нихъ профессоръ, отчасти не хотѣли, такъ сказать, отбивать мѣсто у младшихъ поколѣній — и дѣйствительно, трудно себѣ представить, что произошло бы въ его квартиркѣ, если бъ всѣ проживающіе въ Москвѣ его бывшіе ученики собрались къ нему одновременно; иные переставали ѣздить къ нему оттого, что онъ, какъ говорится, *знакомства не поддерживалъ*: визитовъ не отдавалъ и на обѣды или вечера не ѣздилъ. Поколѣнія смѣнялись и не всякое изъ нихъ оставляло на пятницахъ, а потомъ на воскресеньяхъ Буслаева, своего представителя; а между тѣмъ, въ наукѣ, литературѣ, администраціи имена сотенъ учениковъ его блистали.

Буслаевъ ужасно радовался, если давнишній ученикъ вдругъ напоминалъ ему о себѣ визитомъ или письмомъ, но никогда въ продолженіе всѣхъ тридцати-пяти лѣтъ нашего знакомства я не слыхалъ отъ Буслаева жалобы на то, что вотъ, молъ, такой-то, *всѣмъ ему обязанный*, забылъ его: и не пишетъ, и самъ не заѣзжаетъ.

Да, онъ *искренно* былъ убѣжденъ, что ему никто ничѣмъ и не обязанъ: онъ училъ, онъ давалъ свои книги — это былъ его долгъ, и успѣхи студента доставляли ему удовольствіе; онъ находилъ уроки и мѣста — „экіе пустяки какіе, да это всякій бы сдѣлалъ! хорошій студентъ стоилъ и бѣльшаго“; онъ рекомендовалъ на кафедры, вель изъ-за иного своего ученика длиннѣйшую переписку съ официальными лицами, такъ вѣдь это онъ дѣлалъ не для близкаго человѣка, а для пользы науки. Короче: послушать его, такъ онъ былъ обязанъ намъ всѣмъ, а не мы ему!

Не было предѣловъ его скромности по отношенію къ ученикамъ его, которыхъ онъ не любилъ и учениками называть: „Какіе же вы ученики? Да мы вмѣстѣ учимся, — говаривалъ онъ: — мы *соученики*; вы только младшіе мои товарищи!“

Вообще, не было предѣловъ его благодушію по отношенію къ людямъ. Я знаю только два случая (одинъ по рассказамъ: онъ произошелъ до моего знакомства съ нимъ), когда Ѳ. И. проявилъ какъ будто что-то въ родѣ желчи, злопамятности: два лица, ему очень близкія, въ разное время причинили ему очень серьезныя непріятности, при чемъ онъ долженъ былъ сознаться, что онъ жестоко обманулся въ нихъ. Въ обоихъ случаяхъ Буслаевъ круто и рѣшительно, хоть и въ очень деликатныхъ формахъ, безъ объясненій и сценъ, разошелся съ близкимъ человѣкомъ, хотя тотъ и готовъ былъ выразить ему свое раскаяніе, и хотя въ томъ и другомъ случаѣ являлись горячіе посредники.

— Нѣтъ, что вы мнѣ ни говорите, я не могу забыть происшедшаго, не могу смотрѣть на человѣка прежними глазами; я на него не сержусь, но у меня какъ будто что-то оторвалось отъ сердца, и я не могу склеить этого.

Но черезъ нѣсколько лѣтъ и того и другого „обидчика“ я снова встрѣчалъ у Буслаева, и Буслаевъ относился къ нимъ хорошо, сердечно, хоть и не совсѣмъ попрежнему.

— Рана осталась, — говорилъ онъ мнѣ объ одномъ изъ нихъ, но она затянулась и не болитъ, и я очень, очень радъ этому.

Поѣздка Буслаева въ Парижъ въ 1874 г., о которой я рассказывалъ, было началомъ его четвертаго заграничнаго путешествія; изъ Парижа Ѳ. И. проѣхалъ въ столь любимую имъ Италію, которая привѣтствовала его большею статьею въ лучшемъ изъ итальянскихъ журналовъ, „Rivista Europea“, гдѣ очень обстоятельно были указаны его научныя заслуги. Тамъ онъ пробылъ болѣе полугода, работалъ въ Ватиканѣ и музеяхъ, часто и подолгу бесѣдовалъ съ знаменитымъ де-Росси, величайшимъ христіанскимъ археологомъ, и вообще трудился съ такой же юношеской энергіей и разносторонностью, какъ и 33 года назадъ, во время перваго своего путешествія. Осенью 1875 г. Буслаевъ вернулся въ Москву, не только не утомленный, но какъ бы съ возобновленными силами, и снова принялся за свои лекціи и работы, направлявшіяся теперь главнымъ образомъ въ сторону исторіи русскаго искусства.

Въ концѣ 70-хъ годовъ, имѣя уже болѣе 60 лѣтъ отъ роду, Буслаевъ принялся за свою послѣднюю огромную работу о русскомъ лицевомъ Апокалипсисѣ; для нея онъ совершилъ пятую поѣздку за границу, и въ Бамбергѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ просиживалъ въ рукописномъ отдѣленіи по пяти часовъ ежедневно, работая съ такимъ напряженіемъ, съ какимъ не всякій студентъ готовится къ экзамену. Ради той же работы, чтобы всецѣло отдаться ей и чтобы, какъ онъ говорилъ, уступить мѣсто молодымъ силамъ, онъ въ 1881 году покидаетъ столь дорогую ему кафедру, которой онъ вѣрой и правдой прослужилъ 35 лѣтъ; но связей съ университетскою молодежью онъ прерывать и не думалъ: попрежнему ходили къ нему и студенты, и кандидаты, и магистранты; попрежнему они брали у него книги, и попрежнему Буслаевъ руководилъ ихъ занятіями.

Исслѣдованіе объ Апокалипсисѣ стоило Буслаеву пяти лѣтъ упорнаго, неустаннаго труда, и всякій, кто только перелистываетъ его книгу, подивится тому, какъ онъ успѣлъ въ пять лѣтъ покончить съ ней: 900 страницъ текста, въ которомъ каждая фраза есть результатъ или тщательныхъ кропотливыхъ наблюденій и сличеній, или упорной работы мысли, текста, въ которомъ нѣтъ ни

одной праздною и непровѣренной строки, и атласъ in folio въ 308 таблицъ, въ которомъ каждая черточка срисовывалась художникомъ въ квартирѣ Буслаева, подѣ непосредственнымъ его руководствомъ и наблюденіемъ — это можетъ надорвать силы и молодого, свѣжаго работника, а Буслаеву шель уже 7-й десятокъ, и за плечами у него стояла цѣлая литература его ученыхъ работъ. Буслаевъ не надорвался, не потерялъ свѣжести и ясности ума, но потерялъ надѣ Апокалипсисомъ зрѣніе! Можно себѣ представить, какой это былъ ударъ ученому, посвящавшему въ послѣдніе годы все свое время на исторію искусства и всѣ свои дѣловыя способности и деньги на приобрѣтеніе гравюръ и ученыхъ иллюстрированныхъ изданій!

Буслаевъ утѣшалъ себя тѣмъ, что его работа объ Апокалипсисѣ — лучшая его работа, къ которой онъ подготовлялся всею жизнью, что въ прежнихъ своихъ статьяхъ и книгахъ онъ былъ только піонеромъ, намѣчавшимъ темы, которыя за него потомъ разрабатывали другіе, быстро его обгонявшіе, что вслѣдствіе новости дѣла и его собственной подвижности, его изслѣдованія, по сравненію съ работами учениковъ его, являются будто дилетантскими и потому такъ быстро старѣютъ; только въ Апокалипсисѣ онъ самъ и нашель тему, и изобрѣлъ пути, и довелъ работу до конца; только здѣсь является онъ настоящимъ мастеромъ, трудъ котораго не устарѣетъ цѣлые десятки лѣтъ.

Говоря это, Буслаевъ былъ правъ только отчасти; его Апокалипсисъ, дѣйствительно, работа образцовая и высокополезная, тѣмъ болѣе, что монографіей, спеціальной работой она оказывается только по заглавію и отчасти по матеріалу; по существу же это самая содержательная и основательная, какая только есть до сихъ поръ, исторія древнерусскаго искусства сравнительно со средневѣковымъ западнымъ, построенная главнымъ образомъ на одномъ, но очень характерномъ и вліятельномъ памятникѣ.

Но Буслаевъ былъ не совсѣмъ правъ относительно своихъ прежнихъ работъ: онъ являлся, дѣйствительно, піонеромъ и въ исторіи русскаго языка, и въ изученіи древнерусской литературы, и въ народной поэзіи, и въ миѳологіи, и въ исторіи древнерусскаго искусства и т. д., и т. д.; но никогда ни въ чемъ не былъ онъ

дилетантомъ (кромѣ развѣ итальянской политики, которую затрогиваетъ въ своихъ „Римскихъ письмахъ“ 1875 года), а сразу становился мастеромъ, благодаря творческой силѣ своего ума и прекрасному и энергичному методу своихъ работъ.

Сколько мнѣ извѣстно, Буслаевъ никогда не занимался серьезно стихотворствомъ и не написалъ ни одной повѣсти; но, помимо того поэтического дара, который проявлялся въ его красивомъ и образномъ языкѣ, помимо сильно развитого эстетическаго чувства, онъ, несомнѣнно, обладалъ въ высокой степени особенностью ума, которая должна быть у всѣхъ великихъ поэтовъ и которую Бокль называетъ *дедуктивной* способностью, а нѣмецкіе романтики называли *genіемъ*. Онъ не доходилъ до своихъ плодотворныхъ идей, до своихъ открытій черезъ посредство тщательнаго наблюденія фактовъ, какъ это бываетъ съ огромнымъ большинствомъ ученыхъ спеціалистовъ.

Нѣтъ! Новая смѣлая идея являлась у него сразу, едва онъ заглянетъ своимъ орлинымъ взоромъ въ новую область, и тогда онъ принимался провѣрять ее изученіемъ и подборомъ фактовъ.

Но смѣлыя идеи оказываются въ наукѣ очень часто пустоцвѣтомъ и въ нашихъ областяхъ даже приносятъ ей вредъ въ томъ случаѣ, когда ученый изобрѣтатель начинаетъ насильственно подгонять къ нимъ факты. Съ Буслаевымъ этого не могло случиться по двумъ причинамъ: во-1-хъ, онъ слишкомъ высоко чтилъ науку, чтобы поставить свое самолюбіе изобрѣтателя выше истины, и оттого онъ съ такой готовностью отказывался отъ своихъ тезисовъ, если новыя открытія потрясали ихъ, и такъ охотно восхвалялъ заслуги своихъ учениковъ, будто бы далеко обогнавшихъ его; а во-2-хъ, превосходная подготовка, которую онъ самъ же для себя изобрѣлъ и продѣлалъ, мѣшала ему останавливаться на идеяхъ, не имѣющихъ здоровой будущности, и заставляла его тщательно провѣрять себя на фактахъ.

Мнѣ кажется, что способъ большинства работъ Буслаева можно представить въ такой схемѣ:

Изучая одновременно лучшіе труды западныхъ ученыхъ, какъ изслѣдованія, такъ и изданія памятниковъ, и сырой отечественный матеріалъ, онъ вдругъ, какъ говорится, „по наитію“ (которое, ко-

нечно, обусловливалось предварительной работой), останавливал свое вниманіе на известномъ разрядѣ этого открытаго имъ матеріала и, внимательно собравъ и очистивъ то, что было въ его распоряженіи, онъ освѣщалъ его идеей: охватывалъ его общее значеніе, сопоставлялъ его съ данными, добытыми наукой западной, и опредѣлялъ его настоящее мѣсто среди факторовъ культуры отечественной. Результатомъ являлась работа, новая по матеріалу и по идеямъ, открывавшая обширные горизонты для будущаго и изложенная на лекціяхъ или въ статьѣ настолько блестяще, съ такими широкими обобщеніями и съ такими завлекательными запросами, что она *не могла* не возбудить вниманія молодыхъ работниковъ. И вотъ кто-нибудь изъ „птенцовъ гнѣзда“ Буслаевского или честный труженикъ, воспитавшійся въ другой, не столь смѣлой, но столь же основательной школѣ, убѣдившись, что самъ Буслаевъ давно уже работаетъ совсѣмъ надъ другимъ, бралъ ту же тему, пользуясь тѣми же приемами и въ началѣ имѣя въ виду тѣ же обобщенія, начиналъ подбирать и обслѣдовать новый матеріалъ, котораго черезъ нѣсколько лѣтъ у него подъ руками оказывалось въ десять, въ двадцать разъ больше, чѣмъ было у Буслаева, вслѣдствіе чего и результаты у него часто получались прочнѣе, а иногда и богаче Буслаевскихъ, въ особенности если къ тому времени западная наука давала новыя параллели и соображенія. Въ этомъ случаѣ первый, кто привѣтствовалъ новый трудъ и радовался тому, что онъ пополнялъ и исправлялъ работу Буслаева, былъ самъ Буслаевъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ старѣли многія изъ работъ Буслаевскихъ; но онѣ и при нашихъ внукахъ не устарѣютъ настолько, чтобы чтеніе ихъ не было въ высокой степени полезно и назидательно для людей, интересующихся тѣми же или сродными вопросами, такъ какъ въ нихъ, рядомъ съ соображеніями, которыя разработаны другими полнѣе и точнѣе, находится масса другихъ, столь же живыхъ и интересныхъ, такъ какъ широта его научнаго кругозора дѣлала его, при всей его творческой смѣлости, удивительно тактичнымъ и осторожнымъ.

Въ Апокалипсисѣ онъ самъ и началъ, самъ и кончилъ работу, исчерпалъ свою тему на много, много десятковъ лѣтъ, и

осторожность и тщательность отдѣлки здѣсь доходятъ до совершенства. Но здѣсь, на мой личный взглядъ, чувствуется какъ бы нѣкоторое утомленіе творческой мысли, да и самая эта тщательность и законченность работы (помимо ея обширности) препятствуютъ ей имѣть такое *возбуждающее* вліяніе на его учениковъ.

Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе Буслаева объ Апокалипсисѣ такой важной и богатый результатами ученый трудъ, что имъ гордится не только русская, но и европейская наука; не даромъ отецъ Мартыновъ, старѣйшій и лучший знатокъ исторіи христіанскаго искусства, назвалъ книгу Буслаева „магистральнымъ“ трудомъ.

Усталый и полуослѣпшій Буслаевъ и по окончаніи Апокалипсиса не думалъ отдыхать: съ помощью чужихъ глазъ онъ принимается за собираніе своихъ статей и изслѣдованій и издаетъ ихъ въ 2-хъ сборникахъ: „Мои досуги“ въ 1886 г. и „Народная поэзія“ въ 1887 г., а потомъ немедленно начинаетъ диктовать свои интересныя и поучительныя „Воспоминанія“ и въ то же приблизительно время собирать матеріалъ для работы о языкѣ и стилѣ Тургенева, работы, которой, къ истинному несчастью русской литературы, не суждено было дойти и до первыхъ страницъ.

Въ маѣ 1888 года московскія и петербургскія газеты стали справляться о началѣ службы Буслаева, очевидно, имѣя въ виду устройство его 50-тилѣтняго юбилея; но О. И. рѣшительно и всѣми мѣрами отклонялъ отъ себя эту честь, отчасти дорожа своимъ здоровьемъ, а отчасти потому, что, по его мнѣнію, чествованіе въ принятой формѣ (торжественный обѣдъ съ рѣчами) „не соотвѣтствуетъ его представленію о чествованіи“.

Тѣмъ не менѣе, въ августѣ этого же года, послѣ обнародованія Высочайшей грамоты на имя Буслаева, со всѣхъ концовъ Россіи посыпались на него привѣтственныя телеграммы, адреса и письма въ такомъ количествѣ, что ихъ отказывается даже перечислить специальное изданіе, посвященное этому случаю. Цѣлый рядъ ученыхъ обществъ и два университета — Казанскій и Новороссійскій избрали его своимъ почетнымъ членомъ (Московскій, Петербургскій и Кіевскій сдѣлали это много ранѣе). Почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ явились статьи учениковъ и по-

читателей Буслаева, посвященныя перечисленію его трудовъ и указанію его заслугъ. Такимъ образомъ, хотя юбилея не было, но торжество приняло такіе размѣры и въ то же время отличалось такой искренностью и задушевностью, что другого такого примѣра единенія русскаго общества для выраженія почтенія къ ученому, сколько знаю, не было; въ первый разъ это общество показало, насколько оно цѣнитъ и чтитъ чистую науку, если она проникнута живой и здоровой мыслью. По Буслаевъ не ушелъ и отъ торжественнаго обѣда; ему устроили таковой въ Петербургѣ, и на этомъ обѣдѣ лучшіе представители русской науки, имена которыхъ и на Западѣ пользуются заслуженною извѣстностью, съ гордостью признавали своимъ учителемъ Буслаева и свидѣтельствовали, сколь многимъ они обязаны его руководству и примѣру.

Когда Буслаевъ возвратился въ Москву, его привѣтствовало адресомъ Общество Любителей Россійской Словесности, гдѣ, между прочимъ, находятся слѣдующія глубоко вѣрныя мысли:

„Вы застали науку о народной старинѣ въ младенческомъ состояніи, затемненную досужими выдумками и узко-патріотическимъ самовосхваленіемъ, располагающею скудными данными. Вы внесли въ нее свою энергію, увлеченіе, всестороннее знаніе,—и она преобразилась. Ученыя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, художественно-написанныя статьи, блестящія лекціи ваши — вызвали на свѣтъ плодотворное направленіе науки. Десятки учениковъ и послѣдователей примкнули къ вамъ, собирая и научно объясняя памятники прошлаго, и историкъ словесности отведетъ важное мѣсто „Буслаевской школѣ“.

Затѣмъ послѣдовалъ опять цѣлый рядъ адресовъ, и въ томъ числѣ отъ Московскаго университета (по случаю возведенія Буслаева въ почетные доктора исторіи и теоріи искусствъ). *Alma mater* Буслаева такъ опредѣляетъ значеніе его преподавательской дѣятельности во всемъ его объемѣ:

„Вы начали свое служеніе русскому слову коренной реформою преподаванія отечественнаго языка... Научныя и педагогическія начала, положенныя въ основу этой реформы, быстро вытѣснили схоластику и рутину, дотолѣ господствовавшія въ преподаваніи этого первенствующаго въ народномъ образованіи предмета, и вамъ дано было видѣть благіе плоды посѣянныхъ вами сѣмянъ. Занявши

въ Московскомъ университетѣ кафедрѣ русской словесности, вы положили начало новой школѣ въ изученіи русскаго языка и русской народной словесности, и, благодаря внесенному и упроченному вами сравнительно-историческому методу изслѣдованія, изученіе русской старины и народности широко развилось на твердыхъ научныхъ основаніяхъ. Вашимъ слушателямъ въ Московскомъ университетѣ, въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, вы, кромѣ строго-научнаго метода изслѣдованія, кромѣ богатства добытыхъ вами научныхъ данныхъ, передавали и то горячее одушевленіе къ изученію родной старины и народности, которымъ сами были глубоко проникнуты“.

Такъ вѣско и справедливо Московскій университетъ опредѣлилъ примирительное міровоззрѣніе Буслаева, сложившееся среди борьбы славянофиловъ и западниковъ и переданное имъ многимъ поколѣніямъ учениковъ его, а черезъ нихъ и всей Россіи.

Послѣднія три зимы я чаще видалъ Буслаева, нежели во всѣ предыдущіе годы. Онъ уже совсѣмъ ослѣпъ, почти не выходилъ изъ дому, и переутомленныя вниманіе и память зачастую отказывались служить ему. Развѣ не естественно было ожидать, что безсильный слѣпецъ будетъ негодовать на судьбу свою, лишившую его раньше смертнаго часа всѣхъ радостей, будетъ пессимистически смотрѣть на новый міръ, какъ будто его забывающій, будетъ тяготиться жизнью и только по привычкѣ и старческой слабости будетъ бояться неизбѣжнаго конца? Буслаевъ не только не тяготился жизнью, онъ *наслаждался* ею до послѣдняго часа.

Этотъ 79-лѣтній, едва передвигающій ноги старикъ былъ такъ же жизнерадостенъ и такъ же молодъ душою, какъ и много лѣтъ назадъ. Онъ такъ же наслаждался поэзіей, былъ такъ же добръ, ласковъ, отзывчивъ и гуманенъ; онъ такъ же любилъ молодежь и вообще людей, минутами такъ же весело смѣялся, минутами такъ же восхищался и такъ же горячо негодовалъ. Правда, онъ не говорилъ о смерти; но, какъ Гете, онъ не любилъ такихъ темъ и въ былое время, именно въ силу своей жизнерадостности. Къ своему прошлому онъ относился съ глубокой и трогательной благодарностью. Не одинъ разъ говорилъ онъ мнѣ:

— Я очень много испыталъ счастья въ жизни, счастья всякаго

рода, отчасти и незаслуженнаго. Мнѣ есть чѣмъ помянуть и молодость, и мужество, и даже старость!

Даже въ своемъ ужасномъ несчастіи — слѣпотѣ, онъ сумѣлъ найти утѣшительную сторону:

— Было бы, — говорить онъ, — очень тяжело сразу умереть, сразу всего лишиться. А у меня идетъ постепенно... Вотъ я лишился возможности читать, видѣть картины, свои гравюры; половина прелести жизни пропала. Потомъ я оглохну, не буду въ состояніи читать и чужими глазами! Такъ и умру нечувствительно, понемножку. Не правда ли, вѣдь такъ лучше?

По тяжелой неволѣ отдаляясь отъ страстно любимой имъ науки, онъ и до послѣдняго дня сохранялъ съ нею связь посредствомъ учениковъ своихъ и своихъ „духовныхъ внуковъ“, какъ онъ называлъ ихъ учениковъ. Какъ ни утомляли его несвоевременныя посѣщенія, онъ радовался отъ всей души, когда, по случаю какого-нибудь съѣзда, къ нему заглядывали многочисленные продолжатели его дѣла, и настойчиво звалъ каждого побывать у него въ воскресенье, между 7-ю и 10-ю часами (въ послѣдніе годы его пріемный вечеръ).

— У насъ рано собираются, — говорилъ онъ, — зато рано и расходятся: вы успѣете и на другой вечеръ попасть!

А въ воскресенье онъ всегда непременно подзоветъ и усадитъ рядомъ съ собой для особаго разговора: разспроситъ о положеніи, о работахъ сдѣланныхъ и задуманныхъ, отъ всей души похвалитъ за первыя, воодушевитъ ко вторымъ, дастъ умный совѣтъ и иногда важное библиографическое указаніе, расскажетъ, какъ онъ самъ работалъ на сходныя темы...

Намъ, старымъ студентамъ Буслаева, эти разговоры а parte и сладко, и больно напоминали о тѣхъ милыхъ вопросахъ, которымъ лѣтъ 35 назадъ подвергалъ онъ вновь входящихъ къ нему словесниковъ.

Приблизительно годъ тому назадъ, онъ, все еще горячо интересуясь христіанскимъ искусствомъ, потребовалъ, чтобы я пересказалъ ему содержаніе одной довольно крупной нѣмецкой работы. Работа была не изъ легкихъ, да и я, вѣроятно, неискусно излагалъ ее, такъ что черезъ полчаса Э. И. утомился и прервалъ меня:

— Знаете что? Довольно на первый разъ, а черезъ нѣсколько дней вы вкратцѣ изложите уже сказанное и пойдете дальше... А теперь и вы, навѣрное, устали. Не правда ли, вѣдь такъ будетъ гораздо лучше? Такъ вѣдь и я для васъ дѣлалъ, когда вамъ читалъ лекціи.

Такъ догорала эта все еще полезная жизнь, представлявшая младшимъ поколѣніямъ высокопоучительное зрѣлище, пока острый недугъ не подрѣзалъ ея нити.

Если бы Буслаевъ скончался зимой, весной или осенью, его похороны были бы трауромъ для всей интеллигентной Москвы. Но онъ, такъ старательно избѣгавшій при жизни всякой помпы и показности, и въ могилу сошелъ до крайности скромно и тихо. Зато благодарная память о немъ будетъ и будетъ жить, пока существуетъ русская наука.

Я кончилъ, гг. Если я не убѣдилъ васъ, что Буслаевъ былъ *идеальнымъ* профессоромъ для 60-хъ годовъ, какимъ Грановскій былъ для 40-хъ, вы, смѣю надѣяться, согласитесь, что онъ былъ очень, очень хорошимъ человѣкомъ и высокополезнымъ руководителемъ учащейся молодежи, благимъ *примѣромъ* для учениковъ своихъ, *образцомъ*, смѣло утверждаю, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не только достижимымъ, но и *обязательнымъ*. Если Грановскій былъ великимъ общественнымъ дѣятелемъ благодаря широтѣ и глубинѣ своего рѣдкаго ума, своему огромному ораторскому таланту и прогрессивному міровоззрѣнію, если Буслаевъ сталъ знаменитымъ ученымъ благодаря своей огромной эрудиціи, широтѣ научнаго кругозора, необыкновенной энергіи въ работѣ и рѣдкому таланту изслѣдователя, то *образцовыми* профессорами прежде всего они были потому, что они оба *идеально-честно* относились къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ, что при высокомъ пониманіи своей миссіи и при обширныхъ знаніяхъ они были *безусловно* свободны отъ нелѣпой гордости своимъ званіемъ и отъ педантизма, что при твердости убѣжденій они отличались *поразительной терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ*, положительнымъ непониманіемъ племенной или иной массовой ненависти, добротой и гуманностью, что на университетскую молодежь смотрѣли они не только какъ на объектъ своей дѣятельности, а какъ на семью свою, какъ на дорогихъ

товарищѣй, любовь которыхъ безчестно заискивать лестью и по-творствомъ, но должно пріобрѣтать прямою, сердечнымъ участіемъ, честнымъ трудомъ на ихъ пользу и готовностью жертвовать личными интересами ради общаго съ ними дѣла; что, по слову евангельскому, они душу свою полагали за други своя.

Эти общія ихъ черты *должны* были, по мѣрѣ душевныхъ силъ своихъ, воспринять ученики ихъ, обязанные имъ всѣмъ умственнымъ и нравственнымъ бытіемъ и, по мѣрѣ своего вліянія, разнести ихъ по всей Россіи.

Теперь уже можно сказать съ увѣренностью, что ученики Грановскаго, въ общемъ, честно исполнили нелегкіе завѣты учителя. Скоро и наше поколѣніе выйдетъ на судъ исторіи.

А. Кирпичниковъ.

К О Н Е Ц Ъ .

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	3
Памяти Ѳедора Ивановича Буслаева. <i>Всев. Миллеръ</i>	5
Памяти Буслаева. <i>П. Виноградовъ</i>	43
Педагогическіе завѣты Ѳ. И. Буслаева. <i>Петръ Виноградовъ</i>	45
Буслаевъ, какъ основатель исторіи всеобщей литературы. <i>А. Кирпичниковъ</i>	54
Значеніе трудовъ академика Ѳ. И. Буслаева въ исторіи науки о русскомъ языкѣ. <i>К. Войнаховскій</i>	61
Отношеніе Ѳ. И. Буслаева къ искусству. <i>Л. Бѣльскій</i>	117
Значеніе трудовъ Ѳ. И. Буслаева по народной словесности. <i>Евг. Ляцкій</i>	129
Ѳ. И. Буслаевъ, какъ идеальный профессоръ 60-хъ годовъ. <i>А. Кирпичниковъ</i>	148

